

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

**Михаил МЕЛЬТЮХОВ
Александр ОСОКИН
Игорь ПЫХАЛОВ**

Трагедия 1941

**Причины
катастрофы**

Annotation

Новая книга проекта «Великая Отечественная катастрофа»! Самая откровенная и свободная дискуссия—без запретов и цензуры. Самые спорные гипотезы. Самые неожиданные мнения. Самые сенсационные выводы! Самые известные военные историки: М. Мельтюхов, И. Пыхалов, А. Осокин, А. Шубин, В. Гончаров и А. Морозов отвечают на самые главные вопросы отечественной истории: Что на самом деле произошло 22 июня на западных границах СССР? В чем причины разгрома Красной Армии? Кто виноват в Великой Отечественной катастрофе? Можно ли было предотвратить трагедию 1941 года?

- [Трагедия 1941-го года](#)
- [Михаил Иванович МЕЛЬТЮХОВ](#)
- [Александр ОСОКИН](#)
- [Игорь Васильевич ПЫХАЛОВ](#)
- [Д. Е. КОМАРОВ](#)
- [А. В. ШУБИН](#)
- [Владислав ГОНЧАРОВ](#)
- [Андрей МОРОЗОВ](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)

- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)

- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)

- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)

- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)

- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)

- [406](#)
 - [407](#)
 - [408](#)
 - [409](#)
 - [410](#)
 - [411](#)
 - [412](#)
 - [413](#)
 - [414](#)
 - [415](#)
 - [416](#)
 - [417](#)
 - [418](#)
 - [419](#)
 - [420](#)
 - [421](#)
 - [422](#)
 - [423](#)
 - [424](#)
 - [425](#)
 - [426](#)
 - [427](#)
 - [428](#)
 - [429](#)
 - [430](#)
 - [431](#)
-

**Трагедия 1941-го года
Причины катастрофы
Редактор-составитель Г. Пернавский**

*МЕЛЬТЮХОВ Михаил Иванович, ОСОКИН Александр, ПЫХАЛОВ
Игорь Васильевич,*

*КОМАРОВ Д.Е., ШУБИН А. В., ГОНЧАРОВ Владислав, МОРОЗОВ
Андрей*

**Михаил МЕЛЬТЮХОВ
Александр ОСОКИН
Игорь ПЫХАЛОВ**

**Трагедия
1941**

Причины катастрофы

Михаил Иванович МЕЛЬТЮХОВ

Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня — 9 июля 1941 г.)

Изучение начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжает оставаться актуальной задачей российской исторической науки. Рассекречивание недоступных ранее фондов военных архивов позволяет ввести в научный оборот неизвестные ранее материалы о событиях начала войны. Большое значение для этих исследований, наряду с другими источниками, имеют документы политорганов и военной контрразведки, отражающие положение в Действующей армии.

Контрразведкой в Красной армии с декабря 1918 г. занимались Особые отделы ВЧК — ОГПУ — НКВД. Однако 8 февраля 1941 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 278-131сс «О передаче Особого отдела из Наркомвнудела СССР в ведение Наркомата Оборона и Наркомата Военно-Морского Флота» в составе НКО и НКВМФ создавались Третьи управления, а в НКВД — Третий отдел, занимавшиеся контрразведывательной работой [\[1\]](#). Однако в ходе начавшейся Великой Отечественной войны 17 июля 1941 г. согласно постановлению Государственного Комитета Оборона № 187сс Третье управление НКО вновь было реформировано в Управление Особых отделов НКВД [\[2\]](#).

Конечно, материалы военной контрразведки, как исторический источник, имеют ряд особенностей. Прежде всего следует отметить их критичность к описываемым событиям. Нацеленные на выявление и обобщение негативных фактов и явлений, органы военной контрразведки выполняли в Действующей армии функцию контрольно-надзорного аппарата. Естественно, что в этих документах в наибольшей степени отразились именно негативные явления. Вместе с тем эти документы дают возможность ощутить основные тенденции в восприятии происходивших событий их современниками. Приводимые ниже выдержки из документов военной контрразведки позволяют показать основные проблемы, с которыми столкнулись советские войска в первые недели войны с Германией.

Для удобства восприятия эти материалы сгруппированы по

следующим тематическим разделам. Первая подборка посвящена проблемам в советских ВВС, затем приводятся подборки сведений по сухопутным войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов за начальный период войны, хотя некоторые из этих документов и составлены намного позднее описываемых событий. Конечно, приводимые материалы не дают связной картины событий, это скорее мозаика отдельных эпизодов, описание которых также не следует воспринимать как истину в последней инстанции. Как и любой исторический источник, эти документы требуют критического отношения, но при этом являются необходимой частью всестороннего осмысления причин трагедии 1941 г.

* * *

В 3.15 утра 22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Стремясь захватить господство в воздухе, германские люфтваффе обрушили авиаудары по советским аэродромам, штабам, центрам связи и крупным населенным пунктам. Соответственно советские ВВС были вынуждены вступать в бой в условиях внезапного нападения. В результате к сложностям боевой обстановки в первые дни войны добавился целый ряд проблем, связанных с тыловым обеспечением авиации, организации ее боевой работы.

Наиболее важной проблемой Военно-воздушных сил Красной армии стали большие потери самолетов. Так, согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня, на Северо-Западном фронте «наша авиация несет большие потери: было 880 самолетов, с 24 июня осталось в строю около 500. Самолеты выбыли из строя главным образом на аэродромах, по причине их скученности размещения, отсутствия нужного количества запасных аэродромов, площадок» [\[3\]](#).

25 июня 3-е Управление НКО направило в Главное управление политической пропаганды Красной армии копию спецсообщения № 2/35064, в котором сообщалось, что «в руководстве нечеткость мягкотелость. Настроение в штабе округа ПриБОВО нервозное, со стороны ряда руководящих работников проявляется неуверенность за создавшееся положение.

По состоянию на 24 июня с. г. от каждого полка авиации ПриБОВО в среднем осталось 10–20 самолётов. Во всей 7-й авиадивизии имеется около 60 самолетов, моторесурсы частей «СБ» в среднем ниже 50 %, боевых припасов авиации хватит на 1–2 суток только до 26 июня. По обещанному

наряду подвозка боеприпасов авиации из Эстонии не обеспечивается из-за отсутствия транспорта. В связи с отходом частей недостает аэродромов, так как аэродромы в основном строились в юго-западных местах Литовской и Латвийской республик с расчетом наступления.

Настоящего руководства частями ВВС врид заместителем командующего ВВС генерал-майором авиации Андреевым и заместителем начальника штаба полковником Рассказовым не обеспечивается из-за отсутствия связи с некоторыми частями и командным пунктом фронта чувствуют отсутствие руководства и не распорядительность со стороны фронта сами надлежащих мер по бомбежке противника не организовали. Самолеты сидят на своих аэродромах, в результате большие потери на земле, из-за неорганизации выхода из-под удара противника» [4].

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 2/35552 от 28 июня 1941 г.: «Основные потери [5] относятся к 46-му СБАП и объясняются неорганизованностью и растерянностью со стороны командира полка майора Сенько и начальника штаба подполковника Канунова, приведшим при первом налете противника весь личный состав в паническое состояние.

За 22 июня 46-й СБАП потерял 20 самолетов, из которых 10 были уничтожены при налете противника на Шауляйском аэродроме, а остальные сбиты при выполнении боевых заданий по бомбардировке войск противника в районе Тильзит и ст. Киллен.

Три девятки самолетов 46-го СБАП на выполнение боевых задач были выпущены без сопровождения своих истребителей. Посты наблюдения были не организованы, связи с ними штаб полка никакой не имел и не знал о их существовании» [6].

Кроме того, оказалось, что далеко не все важные пункты прикрыты ПВО. Например, 27 июня 1941 г. начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич докладывал:

«Оборона объектов Двинского [7] гарнизона не обеспечена; железнодорожные узлы, мосты и склады зенитными точками не прикрыты и остаются уязвимыми для авиации противника.

Оставшаяся истребительная эскадрилья 49-го авиаполка, обеспечить охрану объектов от налетов противника не в состоянии.

Противник проявляет исключительное внимание к разрушению мостов, стремясь прервать источники обеспечения Двинского гарнизона с последующим его окружением.

Посты ВНОС работают плохо, путают передачу сигналов на командный пункт из-за чего 22 июня с.г. летный состав полка,

дислоцируемого на аэродроме «Рэндэнэ» шесть раз поднимался в воздух по ложной тревоге, а при действительном нападении противника наши истребители, будучи не предупреждены, поднялись в воздух, когда противник уже бомбардировал окраины города.

Личный состав подразделений ПВО Двинска [8] не знает типы наших самолётов и, несмотря на хорошую видимость распознавательных знаков, подвергает их обстрелу, так 22 июня с.г. 6 самолетов «СБ» уходили с литовских аэродромов из-под удара противника через Двинск и были подвергнуты обстрелу, случайно не окончившемуся жертвами. (...)

Такое же состояние противовоздушной обороны Великолукского аэродрома, где нет зенитных средств и истребительной авиации, хотя этот аэродром является узловым для транспортных самолетов.

Отсутствие средств ПВО аэродрома дает возможность безнаказанно появляться над городом вражеским самолетам, что имело место 25 июня 1941 г.» [9].

Согласно докладной записке № 03 от 28 июня начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабич, «авиационные части ВВС фронта, вследствие вывода из строя всех аэродромов на территории Литвы и большей части Латвии, передислоцировались в различные пункты аэродромов Псковского узла, однако, на 28 июня к 11.00 связи с авиаполками, управлениями 8-й, 7-й и 57-й авиадивизий не установлена и об их действиях ничего не известно. Поддерживается связь только с 6-й авиадивизией — гор. Рига, часть которой действует в районе Риги и направлениях 8-й армии. Количество боевых самолетов в ВВС, вследствие больших потерь на аэродромах, насчитывается 150–160 самолётов, из них истребителей около 100 штук. Отсутствие связи не даёт возможности эти самолёты сконцентрировать в боевой кулак, и они разрозненны. Отдельные полки имеют по 6 — 10 самолётов.

Некоторые командиры авиаполков и авиадивизий, не получая приказов фронта, переезжают с места на место самостоятельно (7-я авиадивизия и 54-й СБАП) и этим еще больше вносят путаницу в отдачу им боевых приказов.

Командир 7-й авиадивизии полковник Петров с самого начала боевых действий все боевые вылеты организовывал по своему усмотрению, надлежаще боевыми операциями не руководил с самого начала. 19 июня Петров был предупреждён заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях; ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня с.г. Петров к этому указанию отнесся крайне

халатно. Не истребовал от командиров полков выполнения этого указания и полки фактически были противником застигнуты врасплох, в результате чего и были большие потери самолётов на аэродромах.

Командир 54-го СБАП майор Скиба боевыми вылетами руководит плохо, на аэродромах не бывает, приказание отдаёт из блиндажа, без всяких данных: «Идите бомбить — цель найдёте сами».

На замечание, что без данных о противнике можно разбомбить и своих, Скиба отвечал: «Я ничего не знаю». В первый день войны отдал приказание поднять 3-ю эскадрилью и ждать дальнейших распоряжений в воздухе. Эскадрилья, вооруженная самолетами «Ар-2» и четырьмя самолетами «СБ», ожидала распоряжения в воздухе 1,5 часа, в результате чего боевое задание выполнить не могла, так как она всего может находиться в полёте 3–4 часа. Самолёты «Ар-2» вынуждены были сесть на свой аэродром с бомбами, а звено «СБ», вылетевшее на боевое задание, после 1,5 часов пребывания в воздухе полностью погибло.

Эскадрилья майора Иванова, будучи подготовленной к ночным полетам, ночью не использовалась, и когда по этому вопросу Иванов обратился к Скиба, чтобы летать только ночью, Скиба ответил: «Нет такого приказа».

Сам Скиба на боевое задание не вылетал и прикрепленный к нему самолет передал другому лётчику, так же поступил его помощник майор Леонтьев.

Перед базированием с одного аэродрома на другой Скиба, имея возможность вывозить ценное боевое имущество, бросал или уничтожал его.

По данному факту проводится расследование на предмет придания суду майора Скиба» [\[10\]](#).

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 37738 от 14 июля 1941 г., «оставшееся минимальное количество истребительной авиации ВВС Северо-Западного фронта из-за отсутствия сжатого воздуха для запуска моторов бездействует.

Бомбардировщики, посылаемые на уничтожение живой силы противника без прикрытия истребителей, несут большие потери как матчасти, так и летно-подъемного состава.

7 июля с.г. на уничтожение войск противника в районе гор. Остров вылетало 17 самолётов «СБ» 7-й авиадивизии без прикрытия истребителей, и ни один из них на свою базу не возвратился.

Всего в частях дивизии осталось 24 боевых самолёта, остальная материальная часть уничтожена авиацией противника в большом

количестве на аэродромах. (...)

Эвакуация баз и частей от передовых линий фронта происходит не организованно, само командование проявляет панику, что вызывает большую потерю боеприпасов и других видов технического снабжения.

3 июля с.г. из района Опочка перебазировалась 110-я авиабаза 6-й авиадивизии, ответственные за погрузку инженер Кашиниен и помощник начальника штаба по тылу майор Шмелев, не имея взрывчатых веществ, оставили врагу 48 вагонов авиационных бомб.

6 июля с.г. 25-я авиабаза 8-й авиадивизии перебазировалась из местечка Карамышева, для перевозки грузов было подано 4 платформы, однако полковник Шевченко приказал запас бомб и горючего взорвать, имеющиеся 9 самолетов уничтожить, пулеметы ШКАС побросать в колодцы. Что и было сделано, а платформы и автотранспорт были использованы для перевозки личных предметов командования (мотоциклы, велосипеды, подбитые легковые машины).

Уничтожение материальной части, запасов горючего и авиабомб не вызывалось необходимостью, так как противник находился на большом расстоянии от места базирования, имелась полная возможность перевести в тыл.

13-я, 127-я и 206-я авиабазы при паническом бегстве большинство запасов оставили на территории, занятой врагом, не уничтожив боевого имущества.

Командир 127-й авиабазы старший лейтенант Четыркин на площадке Груджай оставил врагу 5 144 авиабомбы (разных марок), 442 500 винтовочных и авиационных патронов и 10 пулеметов ШКАС.

В Шауляе оставлено 18 вагонов авиабомб, 3 млн авиапатронов, несколько тонн бензина, продовольственные, вещевые и технические склады.

Отдел снабжения штаба ВВС фронта, возглавляемый военинженером 1 ранга Ивановым и интендантом 1-го ранга Лисянским, вопросами эвакуации боевого имущества по-настоящему не руководят, указаний авиачастям на случай отступления в части принятия мер с горючим и боеприпасами не давали. Посылаемые работники штаба в части для руководства эвакуацией практической помощи не оказывают.

Командированный из штаба в Шауляйский гарнизон военинженер Батаев вместо оказания практической помощи гарнизону в перевозке боеимущества заручился от командира базы Любогощева распиской, обязывающей последнего вывести всё имущество.

Для уничтожения секретной и совершенно секретной документации

10-го авиаполка и 206-й базы в г. Митава [\[11\]](#) секретной документации 10-го авиаполка и 206-й базы в г. Митава [\[12\]](#) были посланы батальонный комиссар Маложин, старший политрук Барыбин и начальник общей части Кудрявцев, которые, перепоручив это задание младшему командиру и красноармейцам, занялись сбором личных вещей, в результате документация указанных частей в том числе и шифр при отступлении остались неуничтоженными.

ВВС фронта, потеряв свои базы, довольствуется снабжением боеприпасами, горючим и автотранспортом со складов Л В О, запасы которых, будучи не рассчитаны на обеспечение двух фронтов, полностью запросы ВВС Северо-Западного фронта удовлетворить не могут» [\[13\]](#).

Ситуация для **ВВС Западного фронта** сложилась ничуть не лучше. Так, согласно донесению уполномоченного 3-го отдела 10-й смешанной авиадивизии Леонова от 27 июня, «в Вельском истребительном авиаполку за 2 часа до налета была тревога, и только разошлись по домам, как был произведён налёт германской авиации.

На рассвете в воскресенье 22 июня германская авиация напала количеством в 100 самолетов на крепость, полигон и все места дислоцирования частей Красной Армии в гор. Бресте. Особенно точно германская авиация знала расположение наших аэродромов, которые были подвергнуты обстрелу из пулеметов зажигательными пулями, в результате чего в Брест — Кобринском направлении, которое прикрывалось 4 полками 10-й авиадивизии, находившимися: 123-й ИАП — в дер. Именины (г. Кобрин), 74-й ШАП — Малые Взводы (что в 18 км от границы), 33-й ИАП — гор. Пружаны и 39-й СБАП — гор. Пинск, германской авиацией подверглись почти что полному уничтожению на земле. Боеспособной матчасти осталось единицы. Характерно, что матчасть в этих полках, за исключением 39-го авиаполка, была не рассредоточена.

На Пинском аэродроме, где дислоцируется 39-й СБАП, эскадрилья самолётов Пинской флотилии, которая не была рассредоточена, подверглась полному уничтожению противником. Характерно, что объекты, расположенные ближе к германской границе, как-то: 74-й ШАП, 123-й ИАП подверглись более раннему нападению, чем 39-й СБАП, [\[14\]](#) не предупредили наши части, находящиеся в отдаленном месте от линии фронта, то есть от германской границы, в результате этого авиация противника уничтожила и эти, наиболее отдаленные аэродромы, путем обстрела из пулемётов.

Одновременно подверглись сильной бомбардировке военные городки

и дома начсостава, в результате чего из крепости и полигона гор. Бреста осталось из состава семей и комначсостава незначительное количество людей, остальные все погибли в развалинах домов. Так, например, полковая школа в крепости г. Бреста была разрушена, никто из курсантов не мог спастись.

В гор. Кобрине много погибло в разрушенных домах начсостава и членов их семей штаба 4-й армии.

Из 472-го артполка спаслось 7 семей; из 48-го стрелкового полка спаслись 6 семей.

Склады бензина и боеприпасов 33-го ИАП, 123-го ИАП, 39-го СБАП были уничтожены.

По 39-му СБАП, несмотря на то, что производилось 3 налета, не смогли отстоять и сохранить матчасть самолётов.

Лётно-технический состав почти что не понес потерь, за исключением 74-го ШАП, о котором командование дивизии не имело никаких данных, так как связь с этим полком прервана, а самолётом У-2 установить связь было невозможно, так как налет авиации противника производился волной с кратким интервалом.

Несмотря на тяжелые потери матчасти самолетов по 10-й авиадивизии, оставшиеся 6 самолётов 123-го ИАП производили сильное отражение нападения ВВС противника, как на станцию, военный городок и гор. Кобрин.

При появлении эскадрильи самолетов противника количеством от 12 до 18 самолетов, наши лётчики по 2–3 самолёта 123-го авиаполка вылетали навстречу, принимали лобовой бой, сбивая по 3–4 самолёта, обращали в бегство противника и не давали возможности производить дальнейшие разрушения.

Германские лётчики одеты в гражданскую форму — в серые суконные мундиры однобортного фасона, брюки на выпуск такого же качества, как и френч, без всяких эмблем и пуговиц военного образца, фуражки с большими кожаными наушниками, в гражданских шёлковых рубашках, кожаных жёлтых ботинках с толстой подмёткой. Поверх всего этого одеты в серые лётные комбинезоны. Одежда, видимо, служит для укрытия в случае вынужденных посадок.

Из числа убитых германских летчиков один был поляк, взятый в плен один летчик, также оказался поляком.

Такая же форма одежды была на летчике сбитого самолета близ Пинского аэродрома.

Германские лётчики летают на самолётах чешского производства

завода “Шкода”, имеют личное оружие “Парабеллум”.

Основной причиной, послужившей большому количеству потерь самолетов на аэродромах явилось то, что командование дивизии не рассредоточило мат-часть самолетов. Кроме того, налет был внезапным, и не была организована защита аэродромов от последующих налетов германской авиации после первого нападения.

Такой факт имел место в 39-м СБАП, где было 3 налёта. В результате рассеянности командования и отсутствия приказа действовать, матчасть самолетов была уничтожена. Во время последнего налета вылетевший самолет “СБ” сбил самолёт противника “Ю-88”.

Зенитные пулемёты на аэродромах бездействовали. Пулемёты на уцелевших самолётах не были приведены в действие. Между перерывами налетов мер к спасению матчасти самолетов не предпринималось.

В первый же день военных действий весь лётный состав был на аэродромах, ничего не делал, то есть не уходил в тыл и был в растерянности, в результате того, что нечем было воевать.

На аэродромах в основном велась подготовка к отражению предполагаемой высадки десантов. Запасы бомб, продовольствия, обмундирования в тыл не вывозились, бомбы не рассредоточивались.

С наступлением противника на авиагарнизон 123-го и 33-го ИАП запасы, видимо, не будут уничтожены, так как совершенно не организована эвакуация, бегут в беспорядке, то основное внимание этих гарнизонов будет сосредоточено на спасении жизней семей.

Командование дивизии не планирует эвакуации военнослужащих и членов семей.

Настроение личного состава боевое, несмотря на то, что большие потери. Отсутствие матчасти самолётов приводит в отчаяние лётчиков.

Самолёты противника в бой не вступают, всякий раз при появлении наших самолетов из боя выходит на больших скоростях. (...)

Железнодорожная сигнализация (семафоры, стрелки) на всей магистрали от Кобрина до Гомеля и от Гомеля до Москвы не замаскированы, представляют хороший объект бомбардировки железнодорожных путей, что может нарушить коммуникации наших войск, а также служит хорошим ориентиром (маяками) в ночное время при полётах германских самолётов.

Германские самолёты по этой железнодорожной магистрали ночью ходят на высоте 400–300 метров с двумя сильно освещёнными фарами (прожектора) и нащупывают наши эшелоны» [\[15\]](#).

Согласно рапорту начальника 3-го отдела 10-й армии полкового

комиссара Лось от 13 июля, «в 3 часа 58 минут над Белостоком появились первые самолёты противника и вслед за этим начали бомбить белостокский аэродром, батальон связи армии, узел связи, железную дорогу и ряд других объектов. Одновременно бомбардировке подверглись почти все города и местечки, где располагались штабы соединений 10-й армии.

4-я бригада ПВО, прикрывающая Белосток, примерно до 8 часов утра бездействовала и ни одного выстрела по противнику не произвела. При расследовании выяснилось, что 4-я бригада ПВО имела специальное приказание от помощника командующего ЗапОВО по ПВО до особого распоряжения по самолетам противника не стрелять и это приказание было отменено уже командующим 10-й армией.

9-я авиадивизия, дислоцированная в Белостоке, несмотря на то, что получила приказ быть в боевой готовности с 20 на 21 число, была также застигнута врасплох и начала прикрывать Белосток несколькими самолетами «МИГ» из 41-го полка» [\[16\]](#).

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 37928 от 15 июля, «произведенным расследованием причин уничтожения фашистской авиацией всей материальной части в 41-м и 124-м ИАП 9-й смешанной авиадивизии установлено:

Командир 41-го авиаполка майор Ершов в момент налета самолетов противника утром 22 июня растерялся и не мог организовать личный состав полка для отпора противнику.

Несмотря на то что при первом налете фашистских самолетов на аэродром Сибурчин, где дислоцировался 41-й ИАП, противник не вывел из строя ни одного боевого самолета, так как все они были рассредоточены и замаскированы, Ершов не принял самостоятельных действий по нанесению решительного удара самолетам противника, ожидая указаний от командования 9-й АД.

Майор Ершов, имея в своем распоряжении боевой полк, вместо принятия решения действовать соединениями, высылал навстречу противнику по 1–2 самолёта, которые уничтожались противником. Таким образом были убиты лучшие летчики полка — Солоха, Аксенов, Чернявский и подбиты — Крутоверец, Коробков, Кукушкин и Киселев.

Ершов, не имея необходимости перебазироваться с аэродрома Сибурчин, так как на этом аэродроме имелось все для ведения боя, принял решение перебросить полк на аэродром Курьяны, а затем вечером 22 июня перебазировался на аэродром Квартеры. Впоследствии вся материальная часть была уничтожена вследствие того, что самолеты на этих аэродромах не имели воздуха для заправки самолетов и патрон к пулемету БС,

оказавшись небоеспособным.

Командир 124-го ИАП майор Полунин к моменту военных действий находился в отпуску и прибыл в полк только днем 22 июня, когда противник уже совершил два налета на аэродром. После третьего налета самолетов противника, Полунин улетел на самолете УТИ-4, не дав никаких указаний.

Помощник командира 124-го ИАП капитан Круглов, оставался за командира полка на время его отпуска, 22 июня утром при налете фашистской авиации растерялся и не принял решительных мер по борьбе с ней.

Все распоряжения Круглова носили неорганизованный характер. Самолеты выпускались в воздух не подразделениями, а одиночками, что не давало должного эффекта по отпору вражеским самолётам.

У большинства истребителей «МИГ-3» не стреляли пулемёты, так как бригада завода № 1 не успела отрегулировать их. Все это привело к тому, что все самолеты полка были уничтожены» [\[17\]](#).

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36701 от 5 июля, «службы ВНОС и ПВО по обороне Минска работали крайне плохо. В ряде случаев отсутствовала сигнализация и связь в момент появления самолетов противника. Зенитные батареи действовали беспорядочно. Когда одна батарея открывала огонь, то за ней открывали и другие, не зная, стреляют ли они по самолетам противника или по своим. За 23 июня нашими зенитными батареями во время обстрела повреждено 3 самолета «СБ». Имел место обстрел над своим аэродромом самолетов «СБ» 313-го отдельного разведывательного авиаполка, возвращавшихся с боевого задания, истребителями 163-го ИАП 43-й авиадивизии.

Это вызвало ряд отрицательных настроений среди личного состава полка.

Командир 6-й батареи в/ч 4229 7-й бригады ПВО младший лейтенант Чекуров в местечке Щучине после обстрела батареи с самолета противника бежал, оставив бойцов, которые затем также разбежались» [\[18\]](#).

Схожие проблемы встали и перед **ВВС Юго-Западного фронта**. Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36137 от 1 июля, «несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западного фронта не сумели быстро отразить нападение противника.

В гор. Черновицах 21 июня с.г. летный состав был отпущен в город, вследствие чего истребительные самолёты не были подняты для отражения

нападения противника.

Командир 87-го ИАП и 16-й авиадивизии майор Слыгин и его зам^[19] по политчасти батальонный комиссар Черный в ночь под 22 июня вместе с другими командирами пьянствовали в ресторане города Бучач. После получения телеграммы из штаба 16-й авиадивизии о боевой тревоге командование полка, будучи в пьяном состоянии, не сумело быстро привести в порядок полк.

22 июня в 5.50 над аэродромом появился немецкий бомбардировщик, который был принят за самолет командира дивизии. Ввиду этого он беспрепятственно с высоты 10–15 метров начал обстрел аэродрома и вывел из строя 9 самолётов.

Противовоздушная оборона была организована плохо. Зенитная артиллерия пяти бригад ПВО фронта и зенитных дивизионов, состоящая из 37-мм и 85-мм зенитных пушек, не имела к ним снарядов.

Бомбардировщики Пе-2 не могли быть использованы для выполнения боевых заданий, так как они вооружены крупнокалиберными пулеметами, к которым не было патронов. (...)

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налётов противника, не имела 37-мм снарядов»^[20].

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 35303 от 26 июня, «по сообщению НКГБ УССР за первые 3 дня войны при 7 налетах на Киев зенитной артиллерией и авиацией в Киеве приземлён 1 самолёт.

3-я дивизия ПВО к обороне не подготовлена. Полученные новые 85-мм зенитные пушки дивизией не освоены. Личный состав дивизии обучен на пушках 76-мм, которые с вооружения сняты, снарядов 85-мм недостаточно.

36-я авиадивизия вместо 240 самолётов имеет 90, из них только 8 самолётов обеспечены рациями. Патрулирование над городом не организовано.

Противник после разведки и бомбежки уходит безнаказанно, что отрицательно отражается на настроении населения.

Бомбёжка ведётся только по жизненным объектам.

25 июня противник шел крупными группами на малой высоте. Несмотря на интенсивный огонь зенитной артиллерии, разбомбил чугунолитейный завод «Большевик» и плавильную печь; на заводе № 43 разрушены электроцех, 4-й, 22-й и 25-й цеха и конструкторское бюро; на аэродроме гражданского флота уничтожено 6 самолётов гражданской

авиации и 5 истребителей. Насчитывается около 50 человек убитых и 105 раненых.

Аэродромы окрестностей Киева забиты самолётами учебно-бомбардировочного типа и тяжёлыми машинами, которые могут подвергнуться бомбардировке.

Требуется усиление обороны Киева 2 зенитными артполками, 18 пушками 37-мм, 81 пулемётом крупного калибра, одной авиадивизией и соответствующим количеством снарядов и патронов» [21].

Но больше всего проблем возникло со снабжением ВВС и ПВО Юго-Западного фронта снарядами и патронами. 24 июня 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела КОВО сообщал: «Зенитные части обороны не имеют снарядов, в результате авиация противника ежедневно бомбит Луцк, Станислав. 40 000 снарядов находится на складе Нежин, около Киева. Командование приняло решение перебросить их вагонами, это займёт 3 дня. Снаряды необходимо перебросить немедленно с самолётами, повторяю, немедленно самолётами» [22]. Оказалось, что 5-я бригада ПВО в Тарнополе, 186-й, 139-й, 563-й и 259-й отдельные зенитные артдивизионы Юго-Западного фронта, вооружённые «37-мм и 85-мм пушками, не имеют к ним выстрелов» и «необходима срочная отправка артвыстрелов на головные склады из центральных складов ГАУ» [23]. Даже 2 июля 1941 г. было «не налажено снабжение авиачастей КОВО вооружением и боеприпасами. Патронов БС в частях нет. 36-ю авиадивизию сильно лимитируют снаряды РС. В дивизию доставлены снаряды, система подвесков которых не подходит, переделать нельзя, а нужных нет. Артуправление КОВО обещает дать 300 шт. из Винницы, но оно не уверено в том, что снаряды будут пригодны» [24].

Кроме того, оказалось, что слабо отработано взаимодействие родов авиации и авиачастей разного подчинения. Результатом стали боевые столкновения между советскими самолётами. Так, 26 июня «начальник 3-го отдела Одесской военно-морской базы тов. Морозов сообщил, что 25 июня в 9 час. 25 мин. звено самолётов «СБ» 70-й авиаэскадрильи под командой командира эскадрильи майора Краснодарского, получив разрешение ПВО гор. Могилева о вылете, поднялось в воздух со своего аэродрома на выполнение боевого задания.

После первого разворота звено было обстреляно батальоном зенитной артиллерии, а затем атаковано истребителями ВВС ОдВО. В результате обстрела и атаки самолёты 1 и 2, пилотируемые лётчиками Крамцовым и Земцовым, имея пробоины, сели на своём аэродроме.

Самолёт № 4, пилотируемый командиром звена Ануфриевым, загорелся в воздухе. При посадке взорвались бомбы. Экипаж погиб.

В 9 час. 42 мин. при возвращении из разведки 2 самолётов «СБ-Р2» 82-й эскадрильи были атакованы истребителями ВВС ОДВО. Один из самолётов истребители заставили сесть в море» [\[25\]](#).

Схожая ситуация имела место и на Западном фронте. Как отмечалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 35753 от 27 июня, «из-за плохой организации связи тыла с передовыми линиями фронта, бомбардировочная авиация при возвращении с выполнения боевых заданий по бомбежке объектов противника, продолжает подвергаться нападению наших истребителей.

26 июня самолёты 96-го авиаполка Западного фронта, вылетевшие на боевое задание по уничтожению мотомеханизированных колонн и танков противника на минском направлении, в районе Меркулевичи были атакованы звеном наших истребителей «И-16», в результате чего самолет лейтенанта Донского был сбит, а ответным огнем бомбардировщиков сбит один самолет «И-16».

Этого же числа были атакованы нашими истребителями бомбардировочные самолеты 98-го авиаполка 52-й авиадивизии, возвращающиеся с бомбежки наземных войск противника. При атаке сбит самолёт лейтенанта Гришина, в районе Могилева подбит и посажен самолёт [заместитель] командира 52-й авиадивизии майора Картакова.

Атаки своих истребителей вызывают панику среди летного состава бомбардировочной авиации» [\[26\]](#).

К сожалению, не был исключением и Юго-Западный фронт. Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36253 от 2 июля, «в частях 36-й авиадивизии Юго-Западного фронта продолжают случаи обстрела своих самолётов, приводящие к потере материальной части и гибели летного состава.

26 июня за время с 15.00 до 17.00 были атакованы своими истребителями несколько групп самолетов «ДБ-3ф». В результате атак один самолет сбит и 6 самолетов посажены на разные аэродромы в районе Киева.

Неумением различить свои самолёты от самолётов противника и допущением указанных безобразных случаев особенно отличается 2-й авиаполк 36-й авиадивизии.

Младший лётчик — лейтенант Зайцев атаковал самолёт «СБ» 52-го СБАП. Летнаб легко ранен, самолёт требует ремонта.

Командир эскадрильи этого же полка Солдатов со своими летчиками дважды обстреливал свои самолеты «СУ-2» и «Дуглас». Солдатов, прилетев на аэродром, доложил, что ясно видел кресты и свастику.

Лётчик этого полка Барднер сбил самолёт «ДБ-3ф». Самолёт сгорел. Экипаж случайно остался жив.

Лётчики 2-го авиаполка атаковали самолёты «ДБ-3ф», которые уже выпустили шасси. В результате один стрелок-радист убит, а на втором самолете стрелок-радист ранен.

26 июня в 10 часов самолётом «И-16» был атакован самолёт «ДБ-3ф» 22-й авиадивизии, возвращавшийся после выполнения боевого задания. В результате лётчик самолета «ДБ-3ф» легко ранен в руку, радист тяжело ранен, самолёт сгорел.

Звено самолётов «ДБ-3ф», летя на боевое задание, в районе Сарны потеряло ориентировку. После разворота курсом на 90 градусов с выходом на Днепр для восстановления ориентира, звено было атаковано своими самолетами «И-16». Один из атакуемых самолётов «ДБ-3ф» был с бомбами, остальные два сбросили бомбы в неизвестном районе на своей территории.

Все три самолёта «ДБ-3ф» повреждены, убит стрелок-радист младший сержант Гоберман» [\[27\]](#).

Подобные случаи имели место и в последующем. Так, например, согласно спецсообщению Особого отдела НКВД № 39778 от 4 августа, на Северо-Западном фронте «13 июля с.г. группа самолётов «ДБ-3ф» 53-го авиаполка 40-й авиадивизии 1-го авиакорпуса на маршруте полета на боевое задание в 19 ч. 32 м. в районе д. Никитинки Калининской области было 4 раза атаковано звеном истребителей «МИГ-3» 27-го ИАП.

В результате атак самолёт «ДБ-3ф» пилотируемый лейтенантом Князевым был подбит, упал на землю и от взрыва загорелся. Командир экипажа лейтенант Князев сгорел, остальной экипаж спасся, получив лёгкие ранения.

Второй самолёт «ДБ-3ф», получив пробоины бензобака и левой плоскости, вернулся на свой аэродром Будово. Стрелок-радист этого самолета младший воентехник Гаврин получил ранение в плечо.

Непосредственный виновник этого происшествия командир звена истребителей 27-го авиаполка младший лейтенант Карачевич, который ясно видел опознавательные знаки (звезду), все же атаковал самолеты «ДБ-3ф», открыв по ним стрельбу из пулемётов.

Свои действия Карачевич объяснил тем, что самолёты «ДБ-3ф» не отвечали на его сигналы покачиванием крыла, и он усомнился в

принадлежности их к своим самолётам.

Материалы расследования переданы военному прокурору 24-й авиадивизии для предания суду Карачевича.

Этого же числа в 18 ч. 45 м. в районе дер. Дохославль, Калининской области, 5 самолетами «И-16» 29-го ИАП был атакован над своим аэродромом самолет «ДБ-3ф» 200-го авиаполка 40-й авиадивизии, возвращавшийся с боевого задания. Группой истребителей руководил командир 29-го авиаполка капитан Лешко.

При развороте самолёта «ДБ-3ф» на посадку летчик истребителя Попов зашел ему в хвост и дал из пулемета две очереди, но, заметив опознавательные знаки, обстрел прекратил и пошел на снижение.

После этого капитан Лешко сам атаковал самолет «ДБ-3ф», открыв по нему огонь. Самолет ДБ-3ф выпустил шасси, пытаясь сесть на аэродром, но, не рассчитав посадку, ушел на второй круг.

Капитан Лешко вторично зашел в хвост самолету «ДБ-3ф» и, несмотря на сигналы ракетами, дал по нему ещё три пулемётные очереди, после чего самолёт «ДБ-3ф» загорелся. Из горящего самолёта выбросились на парашютах стрелок-радист Петрачков и воздушный стрелок Полянцев. Капитан Лешко дал по ним очередь из пулемета, ранив их.

Самолёт «ДБ-3ф» вместе с лётчиком — старшим лейтенантом Новиковым и штурманом лейтенантом Быковым сгорел.

Материал расследования передан военному прокурору 31-й И АД для привлечения Лешко к уголовной ответственности» [28].

* * *

Нападение противника застало войска **Северо-Западного фронта** неготовыми к каким-либо немедленным военным действиям. Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/37155 от 8 июля 1941 г., «в дополнение к № 36833 от 7.07.41 г. сообщаем, что произведенным 3 отделом Северо-Западного фронта расследованием, факт отдачи приказа членом Военного Совета ПриОВО Диброва в отношении разминирования минных полей и сдачи выданных личному составу патронов в частях 11 ск и 125 сд перед началом военных действий, подтверждается.

Расследованием установлено:

После получения Разведотделом данных о начавшейся концентрации немецких войск на наших границах, части корпуса начали минировать

поля, раздавать боеприпасы личному составу, одновременно началась подготовка эвакуации семей начсостава.

21 июня с.г. к месту сосредоточения 11^[29] ^[30] корпуса приехал член Военного Совета ПриБОВО корпусной комиссар Диброва и приказал немедленно отобрать у бойцов патроны и разминировать поля, объясняя это возможной провокацией со стороны наших частей.

Начальник ОПП 125-й стрелковой дивизии Левченко дал объяснение Диброва о причинах эвакуации семей комначсостава, ссылаясь при этом на данные разведотдела о начавшейся концентрации войск противника на границах.

На объяснение Левченко Диброва заявил: «Хотя Германия и фашистская страна, но момент, когда они могут начать войну с СССР, ещё не назрел, что у нас от страха расширяются глаза».

После этого Диброва вторично приказал прекратить панику, отобрать у бойцов выданные патроны, разминировать поля, прекратить подготовку к эвакуации семей начсостава.

В этот же день 21 июня член Военного Совета 8-й армии дивизионный комиссар Шабалов телеграммой подтвердил приказание Диброва о прекращении подготовки к эвакуации. В результате этого в момент наступления противника семьи начсостава пришлось вывозить во время боя, при этом значительная часть семей погибла; личный состав дивизии был без боеприпасов и выдача их проводилась под артиллерийским огнем противника».

Правда, сам П.А. Диброва объяснял свои распоряжения тем, что «минированных полей не было, из-за отсутствия мин. Речь шла о подготовке к минированию полей (ямки), ссылаясь на указание командующего. Патроны дал указание отобрать и сдать на взводные пункты или отделений». Эвакуация же семей ком-начсостава была запрещена наркомом обороны ^[31].

22 июня 3-й отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что «по непроверенным данным в тылу 128-й стрелковой дивизии имеются случаи кулацких выступлений местного характера. В 29-м национальном корпусе отмечены случаи боевого саботажа быв-^[32] офицеров Литовской армии. 3-м Управлением НКО СССР даны указания об их аресте» ^[33].

В столь же сложном положении оказалась и соседняя 48-я стрелковая дивизия. Как показало расследование причин ее разгрома, сообщенное в спецсообщении 3-го Управления НКО № 38186 от 18 июля, «командование дивизии, получив задачу сосредоточить свои войска на границе, вывело

части дивизии почти неподготовленными для ведения боя с противником. Необходимый запас патронов и снарядов взят не был. Дивизия вышла к границе как на очередные учения, забрав с собой учебные пособия.

Кроме этого, к началу боевых действий дивизия не была отобилизована даже по штатам мирного времени. Имелся большой некомплект командного и рядового состава и материальной части.

В таком состоянии дивизия к 22 июня сосредоточилась в 2 местах: стрелковые полки на немецкой границе, влево от г. Таураге, артполки и спецчасти за гор. Россиены [\[34\]](#), ввиду чего взаимодействие артиллерии с пехотой было невозможным.

Командование дивизии, находясь непосредственно на поле боя, 23 июня во время атаки немцев погибло. Были убиты: командир дивизии генерал-майор Богданов, полковой комиссар Фоминов, начальник штаба Бродников и ряд других командиров.

После того, как противник вывел из строя связь, дивизия совершенно потеряла руководство и стала отходить. Стрелковые полки, не имея между собой связи, дрались самостоятельно, пробиваясь из окружения.

Вместе с частями дивизии беспорядочно отступали строительные батальоны и отдельные группы бойцов 125-й стрелковой дивизии. Это вносило панику и дезорганизацию.

25 июня дивизия сосредоточилась в районе гор. Шауляй, где командование дивизией принял на себя заместитель] командира дивизии по строевой части полковник Мельников.

От гор. Шауляй к берегу Чудского озера отход частей 48-й стрелковой дивизии проходил исключительно неорганизованно. Командный пункт дивизии находился в отрыве от полков на расстоянии 50–80 км, никакой связи с полками не было. Пункты сбора и маршруты штаб дивизии с 25 июня по 4 июля не указывал, отдельные части совершали беспорядочные марши и блуждали» [\[35\]](#).

В ходе боев 22 июня 1941 г. противнику удалось не только оттеснить передовые части Северо-Западного фронта Красной армии от границы, но и разрезать советский фронт на стыке 8-й и 11-й армий. Именно в эту брешь командование группы армий «Север» ввело части 4-й танковой группы, устремившиеся на Даугавпилс. Советское командование на несколько дней потеряло это направление из виду и появление немецких танков у города 26 июня оказалось совершенно неожиданным. К тому же, как сообщал 27 июня начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич, «гарнизон г. Двинска [\[36\]](#) не обеспечен

средствами обороны и на случай выброски десанта противником, отразить его нападение не сможет, так как в гарнизоне имеется только 150 винтовок, которыми вооружены курсанты ШМАС. Летно-технический состав вооружен пистолетами “ТТ” и на весь состав имеется 50 гранат. Не обеспеченность гарнизона средствами обороны порождает паническое настроение у личного состава» [\[37\]](#).

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня, «по сообщению 3-го [\[38\]](#) отдела Северо-Западного фронта 24 июня 1941 г. противник продвинулся на Каунасском направлении на 80 км, направляя удар на северо-восток, и на Шауляйском направлении продвинулся на 60–70 км. Создаётся серьёзное положение для 11-й армии и левого фланга 8-й армии.

Управление войсками от штаба фронта и ниже — плохое. Штаб фронта часто теряет связь с армиями. Радиостанции используются плохо.

В ночь на 24 июня с.г. противник занял Каунас. (...)

Материальная часть артиллерии фронта выбыла в значительном количестве. Большая часть оставлена при отходе, например: 414-й гаубичный артполк 125-й стрелковой дивизии вывел из боя 2–3 орудия по причине убыли конского состава.

Снабжение боевыми припасами, особенно снарядами — плохое. Совершенно отсутствуют снаряды 85-мм, 37-мм, 107-мм, на исходе расход 122-мм и 155-мм.

Контрудар 12-го мехкорпуса 23 июня с.г. по существу сорван из-за отсутствия связи и контроля со стороны штаба фронта. После отдачи вечером 22 июня приказа на контрудар, штаб фронта в течение суток совершенно не имел связи с корпусом, не знал о подготовке к контрудару, самый ход контрудара, в результате корпус запоздал с атакой на 6 часов, удар наносил разрозненно и в целом — никакого результата от удара.

Части несут большие потери людьми и материальной частью, а пополнения их нет.

По предварительным данным 2-я танковая дивизия, действуя в направлении Россиена [\[39\]](#), подбила 40 танков и 18 орудий противника.

3-м отделом фронта для оказания помощи и улучшения связи, высланы в армию на длительный период из аппарата 3-го отдела фронта 35 оперативных работников.

Совместно с командованием организованы отряды заграждения для задержания самовольно оставляющих боевые позиции и для сбора блуждающих.

Организована борьба с проявлениями местного бандитизма» [\[40\]](#).

25 июня 3-е Управление НКО докладывало, что «3-й [\[41\]](#) отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что вследствие бомбардировок противником связь с войсками часто прекращается. Восстановительные работы линии связи проводятся Наркоматом Связи очень медленно, войсковые же части в восстановлении постоянных линий не участвуют.

Охрана аэродромов, складов и войск от воздушного нападения противника организована слабо из-за недостатка зенитных средств, вследствие чего противник часто бомбит безнаказанно.

Медленно разворачиваются тыловые органы для обеспечения действующих войск, войсковые соединения несут потери, пополнения же не поступают.

Печатной пропаганды среди немецких солдат и немецкого населения фронтом не ведется» [\[42\]](#).

В 6.45 26 июня из Резекне в Москву поступило сообщение заместителя начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта Асмолова, который информировал, что «положение в Прибалтике нашей армии требует немедленного вмешательства Главного командования и Центрального Комитета партии. Руководство фронта потеряло всякую связь с армией. Армия неуправляема, стихийно отходит, беспорядки.

Для выправления положения необходимо немедленно выделить авиасоединение для подкрепления, иначе грозит потерей основных сил» [\[43\]](#).

27 июня 3-е Управление НКО сообщало, что «положение на Северо-Западном фронте с начал военных операций и по настоящее время является исключительно тяжелым. Штаб фронта с 23 июня потерял связь со многими соединениями и частями, с 11-й армией в целом, по существу прекратил руководство ими, так как все попытки установить связь успеха не имели.

Основной причиной отсутствия связи является уничтожение ее авиацией противника, а также действием разрозненных диверсионно-повстанческих групп из числа лиц местных граждан, сочувствующих германскому национал-социализму.

По отдельным частям связь не была обеспечена вследствие недостатка телефонного кабеля, что привело в результате к отсутствию взаимодействия между родами войск (пехоты и артиллерии).

Как нами уже указывалось, авиация Северо-Западного фронта в первый день войны понесла большие потери боевых самолетов,

уничтоженных противником на земле (из имеющихся 880 самолетов на земле было уничтожено 400).

В последующие дни — с 23 по 26 июня авиация противника, получив абсолютное превосходство в воздухе, безнаказанно бомбила наши войска, как на передовой линии фронта, так и в тылу, при этом значительно сказалось также отсутствие достаточных средств противовоздушной обороны.

Несмотря на героические усилия наших войск, в первый же день войны германская авиация, получив превосходство в воздухе, наносила значительные потери нашим войскам, которые пополнения не получали.

Полученное германскими силами превосходство в воздухе, применение значительных бронетанковых сил, действовавших во взаимодействии с авиацией, привело к перевесу сил противника над нашими войсками, в результате начался отход наших частей от занимаемых рубежей, который при отсутствии руководства с конца 23 июня стал принимать панический характер. Бесперывные безнаказанные налеты авиации усложняли обстановку. Особенно сильной паничности подверглись понесшие большие потери части 11-й армии, в отношении которой штаб Северо-Западного фронта с 23 по 26 июня никаких сведений не имел.

Отдельные соединения 11-й армии, будучи окружены противником, были уничтожены почти полностью (5-я, 128-я стрелковые дивизии, 324-й отдельный зенитный артдивизион).

Потери также понёс 12-й мехкорпус, который находится в окружении противника.

Паническое отступление приобрело особенно острый характер от распространяемых всевозможных провокационных слухов о действиях в тылу дивизий воздушных немецких десантов и диверсионных групп, которых во многих случаях фактически не было.

Штаб фронта, получая неправильные данные о воздушных десантах от разных случайных лиц, снаряжал оперативные группы для уничтожения десантов и при выезде на место зачастую сведения о десантах не подтверждались. Вообще до сегодняшнего дня нет подтверждения о высадившихся десантах и, по-моему, их и не было.

По пути отхода частей имели место случаи нападения из лесу отдельных бандгрупп и одиночек, что среди личного состава отходящих частей вызвало большую нервозность и усиливало паничность.

В связи с создавшейся тяжелой обстановкой на фронте — панического отхода наших частей 11-й армии, со стороны командования фронта и

Политуправления принимались необходимые меры, путем посылки непосредственно в части отдельных руководящих лиц, но все это положения не выправило и обстановка на фронте к настоящему времени нисколько не изменилась» [44].

28 июня начальник 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионный комиссар Бабич направил в Москву докладную записку № 03, в которой сообщал, что «части Северо-Западного фронта под натиском противника продолжают отход. 26 июня части 8-й армии с боем, организованно продолжали отход на новый оборонительный рубеж. 10-й стрелковый корпус отошел за р. В^[45]нта, 11-й стрелковый корпус — за Шаули [46]. Сведений о положении 12-го мех-корпуса и о его местонахождении не имелось, на радиовывозы штаб корпуса не отвечал.

В частях продолжает оставаться неблагоприятное положение с боеприпасами. По данным артотдела 8-й армии в частях может находиться не более 1/4 бк всех выстрелов.

Боеприпасы со склада Линконган, откуда питались 11-й стрелковый корпус и частично 10-й стрелковый корпус, в течение 25 и 26 июня частью вывезены, а остаток, примерно 70 — 100 вагонов, подорваны.

По заявлению представителя Артуправления фронта, находившегося на командном пункте 8-й армии, 26 июня с.г. части армии должны снабжаться боеприпасами со складов гор. Риги. Отправление боеприпасов эшелонам из г. Риги по железной дороге считается рискованным, так как не исключена возможность бомбардировки его самолетами противника.

Такие рассуждения Артуправления губительно сказываются на ходе боевых действий, тем более что доставлять боеприпасы автотранспортом нет возможности, ввиду отсутствия его в частях и при штабе армии.

Через Военный Совет фронта нами принимаются меры к доставке боеприпасов в части различными путями.

Части фронта в результате непрерывных боев с противником потеряли большое количество материальной части. Так, например, в 125-й стрелковой дивизии по состоянию на 26 июня имеется 3 ПТО, 2 76-мм орудия, в 414-м легком артполку имеется 2 орудия, в 459-м гаубичном артполку — 18 орудий.

Командование фронта, армий, корпусов и дивизий не могут проводить свои мероприятия организованно, в результате чего появляются панические настроения и отпадает всякая возможность твердо осуществлять намеченные мероприятия. Так, например, 22 июня с.г. по просьбе командира 10-й стрелковой дивизии генерал-майора Фадеева командир 10-

го стрелкового корпуса генерал-майором Николаевым было обещано дать 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии.

22 июня генерал-майор Николаев дал устное распоряжение командиру 23-й танковой дивизии полковнику Орленок предоставить 2 танковых батальона из своей дивизии в распоряжение командира 10-й стрелковой дивизии для поддержания пехоты при наступлении для нанесения контрудара противнику с его последующим уничтожением и занятием прежнего положения на госгранице.

23 июня командиром 10-го стрелкового корпуса было дано боевое распоряжение командиру 10-й стрелковой дивизии о том, чтобы во взаимодействии частей 10-й стрелковой дивизии с 2 танковыми батальонами 23-й танковой дивизии уничтожила, бы наступающие части противника, восстановила бы ранее занимаемое положение с последующим нанесением контрудара противнику. На основании боевого распоряжения командира 10-го стрелкового корпуса командованием дивизии было выработано боевое распоряжение частям о переходе в наступление при поддержке 2 танковых батальонов 23-й танковой дивизии.

Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок командиру 10-й стрелковой дивизии заявил, что он предоставит в распоряжение дивизии 2 танковых батальона к 5–6 часам утра 23 июня. В связи с этим все части были предупреждены о том, что наше наступление будет поддерживаться 2 танковыми батальонами, что воодушевило весь личный состав частей, с желанием уничтожить противника.

Наступление намечалось 23 июня в 6 часов утра. Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок не только не прислал эти 2 батальона к 6 часам утра 23 июня, но даже не счел нужным поставить своевременно в известность командира дивизии. Наступление было отложено до прихода батальонов. 23 июня полковник Орленок приехал на командный пункт 10-й стрелковой дивизии в 23 часа 30 минут и заявил, что командующий 8-й армии не разрешил ему дать 2 батальона танков для 10-й стрелковой дивизии и приказал ему выполнять первое свое приказание и что он в связи с этим не может дать этих батальонов. На самом деле эти 2 танковых батальона были присланы в распоряжение 10-й стрелковой дивизии и находились в районе Плунге и в течение полутора суток бездействовали. Но о наличии этих батальонов в районе г. Плунге командование 10-й стрелковой дивизии известно не было. В результате чего наступление частей дивизии было сорвано, а танки в течение полутора суток находились в районе г. Плунге и бездействовали. Кроме того, 24 июня части дивизии отступали в направлении гор. Тяльская [\[47\]](#). Красноармейцами,

находившимися на охране командного пункта дивизии, было сообщено о наличии танков, идущих в направлении Тяльшая.

Командование дивизии, зная, что дивизии никаких танков не придавалось, а танки 23-й танковой дивизии были приняты за танки противника, в результате чего создалось тревожное положение, что противник перерезал дивизии путь на Тялынай [48] и дивизия находится в окружении. На самом деле никаких танков противника не было, и это были 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии. Наступление 23 июня для дивизии было самым удобным моментом, противник всего имел 2 пехотные дивизии и 2 дивизиона артиллерии и уже вечером 23 июня, по показаниям пленных, противник в нашем направлении подтянул еще 2 пехотные дивизии и несколько артполков и повел активное наступление.

Кем конкретно давалось приказание этим батальонам идти в распоряжение 10-й, стрелковой дивизии не установлено. Действия командира 23-й танковой дивизии, повлекшие за собой создание исключительно тяжелого положения для дивизии, являются преступно-халатными.

По данному вопросу проводится расследование, результаты сообщим дополнительно.

Командующий 8-й армии в связи с отходом частей и создавшимся критическим положением на участке 12-го мехкорпуса к исходу дня 25 июня (окружён противником) во избежание быть отрезанным в 1.00 26 июня приняло решение о перемене командного пункта. Организация эвакуации на новый командный пункт была проведена исключительно безобразно. Штаб представлял из себя не организованную единицу, отходящую на новый командный пункт, а панически бегущую часть.

Приказание от эвакуации командного пункта было отдано в 1.00 26 июня с расчетом отъезда через 40 минут. Выделенные ответственными за эвакуацию подполковник Мамченко и военинженер 3 ранга Шишкин эту работу как следует не организовали, а превратили ее в панику. Машины для отделов под погрузку имущества и вещей организованы не были. Отделы самостоятельно захватывали машины и грузили свои вещи. Вся работа по эвакуации проходила в суете и беготне, в результате чего штаб вместо назначенного времени 1.40, выехал в 4.20. На месте старого командного пункта брошены: карта с обстановкой, инвентарь, легковая автомашина иностранной марки.

О месте нахождения нового командного пункта знал исключительно ограниченный круг лиц, которые выехали в эшелоне с командованием. Оставшиеся 2 эшелона место нахождения командного пункта не знали, в

связи с чем долгое время путались по дорогам в его поисках. Основной состав штаба прибыл на командный пункт только в 13.00 26 июня, пробыв, таким образом, в пути 9 часов.

В результате такой неорганизованности и эшелонирование штаба в дневное время, эшелоны в пути следования подвергались бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов. Имеются потери среди красноармейского состава батальона охраны: убито 1, ранено 3 человека. Характерно отметить, что вся эта паническая эвакуация командного пункта происходила в то время, когда командный пункт находился в 30 км от линии фронта.

Быстрое продвижение мотомехчастей противника 26 июня с.г. создало угрозу г. Двинску [49]. Для недопущения противника в гор. Двинск и на правый берег реки Двины, было принято решение взорвать два моста через р. Двину, однако в результате неорганизованности командования мосты не были взорваны, и противник, перейдя реку, 27 июня занял гор. Двинск. Через некоторое время наши части выбили противника из гор. Двинска. Под нажимом его наши части были вынуждены вновь оставить гор. Двинск, однако нахождение в городе использовано не было и мосты не взорвали, что дало возможность противнику выйти на правый берег реки.

Паникой перед противником заражены не только бойцы, но и большое количество командного состава. Так, например: пом[50] командира 459-го ГАП 125-й стрелковой дивизии майор Кондратюк Григорий Сергеевич, 1900 года рождения, член ВКП(б), в момент открытого немецкими войсками артиллерийского огня в 5 час. 30 мин. 22 июня самовольно уехал с огневых позиций. В 8.30 22 июня командиром ГАП на имя Кондратюка был отдан приказ об отходе 3-го дивизиона, но так как Кондратюка в расположении дивизиона не оказалось, приказ выполнен не был и дивизион успел вывести на новые огневые позиции только 8 орудий, оставив на месте много снарядов и продовольствия. Вернулся в часть 23 июня.

Материал о бегстве Кондратюка оформляется на арест и предание его суду Военного трибунала.

Командир 206-го автобата 125-й стрелковой дивизии капитана Старовойтов, член ВКП(б), с первого дня боя находится в тылу. Старовойтов во время бомбардировки гор. Таураге не обеспечил вывозку бензина и автомашин, а больше всего заботился о себе лично.

Начальник снабжения 125-й стрелковой дивизии майор Корнилков с начала военных действий на фронте не был. По заявлению капитана Сизова Корнилков отправлял семью и до сего момента в штаб не явился.

25 июня с переездом штаба Северо-Западного фронта с Поневежис на командном пункте по приказу командующего была оставлена опергруппа штаба во главе с заместителем начальника штаба по оперработе генерал-майором Трухиным.

Для охраны командного пункта в Поневежис в распоряжении генерал-майора Трухина были оставлены ПТО в составе 12 орудий, ПВО в составе 9 зенитных крупнокалиберных пулеметов и рота десантного батальона.

25 июня Трухин с командного пункта выехал, при чем подразделениям, охранявшим командный пункт, четких указаний им дано не было и отправка их к новому месту командного пункта организована не была, в результате Трухин, уехав на легковой машине, по существу бросил на произвол судьбы подразделения, которые растерялись в дороге и к новому месту командного пункта не прибыли.

Орудия ПТО, вследствие отсутствия для них тяги, были погружены на грузовые машины, которым Трухин дал приказание следовать за ним, но так как грузовые машины не могли успевать за легковой машиной, машины с орудиями по разным причинам отстали в дороге, и Трухин это оставил без внимания.

Трухин был вновь возвращён в часть для установления связи с ними. По полученным данным, он наткнулся на немцев и был убит» [\[51\]](#). Однако, как позднее выяснилось, Трухин был ранен и попал в плен, где стал сотрудничать с немцами.

Согласно спецсообщения 3-го Управления НКВД № 4/35820 от 29 июня, «3-й отдел Северо-Западного фронта сообщает: созданными заградительными отрядами по борьбе с бандитизмом, шпионажем и диверсией, а также по возвращению бежавших или потерявшихся на фронте свои части, проделано следующее:

в районе гор. Крупишкис (Литовская ССР) частично ликвидирована кулацко-повстанческая банда, появившаяся 21 июня в составе до 100 человек. Арестовано 43 человека, в том числе 9 бойцов и 2 командира 29-го стрелкового корпуса, остальные из гражданского населения.

Военным Трибуналом дело было рассмотрено в ускоренном порядке, 27 человек приговорены к расстрелу, остальные 16 человек направлены в гор. Полоцк в центральную тюрьму.

Захвачены 3 человека парашютистов, сброшенных с германского бомбардировщика в районе г. Двинска. При захвате офицер Гельм оказал вооруженное сопротивление и убил одного активиста г. Двинска. На допросе Гельм заявил, что он, как немецкий националист и враг коммунизма, никаких показаний давать не будет.

Военным трибуналом Гельм приговорен к расстрелу» [\[52\]](#).

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/36833 от 7 июля, «3-й отдел Северо-Западного фронта 3 июля с.г. сообщил следующие данные о положении в частях фронта:

В состав 27-й армии вошло 4 корпуса, личный состав последних колеблется от тысячи до полутора тысяч человек.

Входящие в состав 27-й армии соединения и части небоеспособны, так как потеряли материальную часть и людской состав.

О том, сколько убито, ранено, пропало без вести и разбежалось, ни одна часть не может дать точных данных.

Командование 27-й армии связь с корпусами только налаживает, обстановки на участке армии, наличие противника, его направление и приблизительный замысел не знает.

Борьба с танковыми и моточастями противника, а также с его авиацией, частями 27-й армии не ведется, вследствие полного отсутствия материальной части. На отдельных участках противника отбивают ружейным и пулеметным огнём.

Противник чувствует полную безнаказанность с нашей стороны, спускается над линией фронта и бреющим полетом обстреливает наши части, а также жителей в городах.

Отсутствие поддержки пехоты танками, авиацией и артиллерией вызывает недоумение у высшего командного состава армий и отрицательные настроения у ряда неустойчивых командиров и бойцов.

Некоторые командиры оценивают создавшееся положение как предательство со стороны высшего командования, которое еще не раскрыто, и считают, что наша тактика — это тактика на подставку сначала пехоты, а потом танковых частей, не поддерживаемых пехотой и авиацией. Антисоветские элементы подогревают эти настроения и создают панику среди личного состава частей армии.

25 июня во время передвижения из г. Таллин в г. Шавли [\[53\]](#) для руководства боевыми действиями 11-й стрелковой дивизии и 180-й территориальной стрелковой дивизии части и командование 65-го стрелкового корпуса встретились на шоссе в 18 км от г. Митава [\[54\]](#) с группой красноармейцев и командиров 11-й и 90-й стрелковых дивизий, беспорядочно отступавших с передовых позиций. Вместо принятия мер к задержанию потока отступающих войск и организации обороны командование 65-го стрелкового корпуса бросилось в бегство, внося еще больше неорганизованности в отступление.

Связь с 11-й стрелковой дивизией и 180-й стрелковой дивизией штаб 65-го стрелкового корпуса не установил.

29 июня с.г. после обстрела колонны 65-го стрелкового корпуса бандитами паника увеличилась еще больше. В результате колонна 65-го стрелкового корпуса разбилась на две группы. Одна из них (штаб, часть 3-го отдела и комендантский взвод) двинулась по направлению к местечку Ваймут, и где находится в настоящее время, неизвестно. Вторая группа (123-й ОБС, часть саперного батальона и оперсостав 3-го отдела) двинулась по направлению г. Риги и через некоторое время присоединилась к 8-й армии.

Части 65-го стрелкового корпуса боя с противником не приняли в силу нераспорядительности и паники, созданной самим командованием корпуса, и рассеялись в разных направлениях; где находятся в настоящее время, неизвестно.

Часть 10-й стрелковой дивизии 28 июня начали отход в направлении г. Риги. По пути от Митава ^[55] до Риги были отрезаны противником: 204-й, 48-й стрелковые полки, 30-й легкий артполк.

С утра 29 июня части 10-й стрелковой дивизии стали оборонять левый берег реки Западная Двина, отражая натиск противника.

Недостатком в боевых действиях частей 10-й стрелковой дивизии явилось отсутствие связи штаба дивизии со своими частями, действовавшими на правом и левом флангах. Стрельбу вели по карте без соответствующей корректировки, в результате меткость огня была низкая и часть снарядов попадала в расположение наших частей и их штабов.

Подходивший из г. Митава ^[56] к г. Рига 30-й легкий артполк был принят за артиллерию противника, и по нему был открыт огонь. В свою очередь 30-й легкий артполк открыл огонь по г. Риге.

Несмотря на активную деятельность авиации противника, наша авиация в районе г. Риги 29 июня не появлялась.

Командование 8-й армии не осуществляет нужного руководства подчиненными соединениями, работает неуверенно, без достаточной решительности. В штабе армии и тыловых частях царит паника, вызванная необоснованными рассказами военнослужащих частей 48-й и 125-й стрелковых дивизий, отступающих с фронта, и систематическими налетами неприятельских самолетов на тыловые части армии. С самолетами противника никакой борьбы не ведется.

Вследствие отсутствия руководства части и подразделения отходят с передовых линий на новые рубежи обороны, кто куда вздумает.

11-й стрелковый корпус, отступая с упорными боями, отдал противнику 200 км в глубь фронта. Причинами неудач корпуса в боях являлись полная неподготовленность к боевым действиям. За 10 часов до начала боевых действий по приказу члена Военного Совета ПрибОВО корпусного комиссара Диброва были собраны патроны и прекращена постановка мин на переднем крае обороны. Ранее установленные мины были вынуты.

Предвидя отступление, командиры частей и соединений не доводят до войск маршруты вероятного отхода, пункты перегруппировок и формирования, вследствие чего получается не отход, а паническое бегство.

55-й танковый полк в боевых действиях не участвовал, за исключением двух атак.

24 и 25 июня личный состав полка оставался без пищи, трое суток не спал. Все это вызвало массовые нездоровые разговоры. При отходе полка в тыл в пути следования оставлено 15 % машин.

Потери в личном составе и материальной части штабом полка не учитываются. Работники штаба полка бездействуют.

202-я мотодивизия при отходе 24 июня не имела поддержки ни слева, ни справа. Отходили неорганизованно, оставив много вооружения, боеприпасов, материальной части, продуктов питания и растеряв значительное количество личного состава.

В таком приблизительно положении оказались 28-й тяжелый артполк и разведывательный батальон 11-го стрелкового корпуса.

За последнее время вследствие работы заградительных отрядов дезертирство и беспорядочное бегство из частей армии прекратилось. Отступление проводится уже более организованно» [\[57\]](#).

* * *

Обстановка, сложившаяся в начале войны на **Западном фронте**, также выявила целый ряд проблем. Согласно донесению уполномоченного 3-го отдела 10-й смешанной авиадивизии Леонова от 27 июня, «в 12 часов ночи 22 июня 1941 г. со стороны Германии в районе Бреста (крепости и полигона) были даны германскими военными частями сигналы ракетами: красного, белого и зелёного цвета.

Начсостав и члены их семей в крепости считали, что происходит учение германских войск, никаких мер предосторожности командованием Брестского гарнизона предпринято не было.

Командиры и члены их семей думали, что это учение в германской армии проводится так же, как и в нашей армии, которое предполагалось якобы провести в 20-х числах сего месяца.

После сигналов на стороне противника в 1–2 часа ночи в городе Бресте была нарушена всякая связь, видимо, диверсантской группой. (...)

Беспорядков контрреволюционного характера и других проявлений со стороны военнослужащих и членов их семей не имеется.

15-летние девушки: дочь заместителя начальника 3-го отдела 4-й армии Хваленского и дочь военврача 2 ранга Орловцева убежали от своих семей в Кобринский госпиталь для оказания помощи раненым бойцам.

В госпиталях отсутствуют медикаменты, особенно бинт, работают местные врачи без надзора военных. Бойцы Брестского гарнизона, вышедшие по тревоге, имели запас патронов по 15 шт., израсходовав их, в район Жабинки отступали в беспорядке, так как отсутствовали боеприпасы.

Связь между железнодорожными станциями от Кобрина до ст. Микашевичи отсутствует.

Поведение местного польского населения по отношению к Красной Армии и их семьям в большинстве враждебное. Так, в гор. Брест они оказывали вооруженное сопротивление, из окон стреляли или бросали камнями и палками.

Борьба с такими проявлениями не ведется, так как нет никаких указаний.

В районе гор. Городец, восточнее гор. Кобрина, местное польское кулачье с пулеметом произвело налет на вспомогательно-восстановительный поезд, который следовал из Пинска на восстановление пути от бомбардировки» [\[58\]](#).

26 июня начальник 3-го Управления НКО майор государственной безопасности А. Н. Михеев направил начальнику Главного управления политической пропаганды Красной армии армейскому комиссару 1-го ранга Л. З. Мехлису донесение: «По сообщению начальника 3-го [\[59\]](#) отдела 6-й стрелковой дивизии тов. Маркеева, положение в районе Слуцк — Бобруйск катастрофическое.

Сегодня в 10.00 передовые отряды противника заняли город Слуцк. Противопоставить танкам и авиации нечего.

Ценности попадают в руки врагов.

Командование растерялось.

Просит принятия срочных мер. Считает, что для восстановления

положения потребуется десятка 2–3 танков и авиации» [\[60\]](#).

29 июня 3-е Управление НКО подготовило спецсообщение № 35887, в котором указывалось, что «по сообщению начальника 3-го отдела Западного фронта майора государственной безопасности тов. Бегма, положение на Западном фронте продолжает оставаться по-прежнему.

Основная масса бойцов, командиров, в том числе и бежавших с фронта, выражает готовность драться с врагом, защищать родину.

Среди комсостава, главным образом подучетников, появились вопросы, где наша авиация, где противотанковые средства, почему фашисты могут нас расстреливать безнаказанно с воздуха.

То же настроение высказывают генерал-майор Ермаков, командиры 2-го стрелкового корпуса Перн, Волков и др.

Энергичными действиями в направлении Минск — Борисов корпусного комиссара Сусайкова, при участии работников 3-го отдела фронта основной поток бежавших с фронта военнослужащих приостановлен.

Формируются запасные части и направляются на фронт, но достаточной техникой эти части не обеспечены: отсутствует зенитная, противотанковая артиллерия, танки. Без оснащения этой техникой моральное состояние войск низкое.

Управление войсками из-за отсутствия эффективной связи до сих пор не налажено. Командиры частей самостоятельно принимают решения о вступлении в бой, навязывают его противнику, не зная при этом, кто находится у них на фланге.

С приостановлением движения противника паническое настроение упало, но оно может снова возникнуть при малейшем успехе врага.

Аппарат 3-го отдела Западного фронта направлен на восстановление порядка на фронте и укрепление морального состояния бойцов» [\[61\]](#).

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36026 от 30 июня о положении на Западном фронте, «при наступлении немецких войск группой диверсантов из числа местных жителей-поляков было совершено нападение на склад боеприпасов. Группа состояла из 6 человек, вооруженных гранатами и револьверами. Все участники группы задержаны и расстреляны» [\[62\]](#).

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36701 от 5 июля, «3-й отдел Западного фронта сообщил ряд фактов, оказавших отрицательное влияние на ход боевых операций наших войск в первые дни войны на Западном фронте.

Военный Совет Западного Особого военного округа, командование армий и отдельных воинских соединений в подготовке частей к боевым действиям с противником проявили неорганизованность.

Части округа к началу военных действий не были полностью обеспечены материальной частью, вооружением, боеприпасами, питанием и другими видами снабжения.

21 июня командующий 3-й армии Кузнецов вместе с генерал-лейтенантом из Генерального штаба Красной Армии Карбышевский смотрели части, расположенные на границе. Заместитель командира артполка 56-й стрелковой дивизии майор Дюрба доложил, что происходит большая концентрация немецких войск на границе, что наши укрепленные точки боеприпасами не обеспечены и в случае нападения окажутся небоеспособными. На этот доклад Дюрба Кузнецов ответил: «Ничего страшного нет и не может быть». Никаких мер к обеспечению точек боеприпасами Кузнецов не принял.

После вторжения фашистских войск Дюрба среди комначсостава заявил: «Кузнецов и командование 3-й армии нас продали».

444-й тяжёлый корпусной артполк, находившийся на границе, боеприпасов не имел, в то время как боеприпасов на складах Гродно и Лида было достаточно.

При отходе от границы полк оставил 3 152-мм пушки, 2 трактора и 2 автомашины.

Части 38-й танковой дивизии 23 июня вышли в направлении гор. Барановичи не обеспеченными материальной частью, боеприпасами и оружием, в частности мотострелковый полк вышел без артиллерии, которая был сдана в ремонт.

Корпусные части 2-го стрелкового корпуса перед вступлением в бой в ночь на 26 июня материальной частью были укомплектованы не полностью, в связи с чем в день вступления в бой в 151-м корпусном артполку могли быть использованы только 2 дивизиона.

127-й отдельный саперный батальон 4-го стрелкового корпуса к началу военных действий имел только 30 винтовок. Батальон потерял до 70 % личного состава. (...)

Воинские соединения 4-й армии на 26 июня противником были разбиты. Для отражения натиска противника и для поддержки действий стрелковых частей 4-я армия авиации и танков не имела. Артиллерия была уничтожена противником.

Управление войсками со стороны руководящих штабов с началом военных действий было неудовлетворительным.

В связи с частыми бомбардировками гор. Минска штаб ЗапОВО из города эвакуировался в лес, в район Уручья. Эвакуация отделов штаба проходила беспорядочно, работники штаба группами по 20–30 человек в течение 10 часов и больше разыскивали новое дислоцирование штаба. Руководящие работники отделов вместо организации эвакуации занялись вывозом своих семей из города, допустив панику и растерянность.

Из-за отсутствия связи с частями Артснабжение округа не знало расхода и потребности боеприпасов в действующих частях, в результате не обеспечивало их боеприпасами.

22 — 23 июня Артснабжение округа должно было отправить действующим армиям 3 эшелона боеприпасов, но по вине работников Артснабжения боеприпасы отправлены не были.

Разведотдел штаба фронта все свои подразделения — разведпункты и 2 радиодивизиона — растерял, мер к поиску не принял. К организации партизанских отрядов в тылу у противника не приступал. Месторасположения противника и обстановку не знал. В первые дни боевых действий разведсводки составлялись по материалам ВВС, оперотдела штаба и старым агентурным материалам.

Паника, начавшаяся после неожиданного вторжения немецких войск, приняла широкие размеры. Бойцы и командиры частей 3-й армии неорганизованно, вразброд отступили по всем дорогам по направлению к Минску. Многие из них на второй линии обороны разыскивали свои части и, не находя их, обращались к командирам частей с просьбой принять их в часть для дальнейшей борьбы с немецкими фашистами. Командиры частей отказывались зачислять этих бойцов в свои части, мотивируя тем, что «нечем их кормить».

Данные 3-го отдела Западного фронта на 4 июля говорят о том, что неорганизованность в частях фронта продолжается.

Разгруженные в районе действующих частей 9 транспортов оружия не найдены, и кем они получены, не установлено. Артуправлением для розыска этого оружия посланы нарочные.

Связь с частями фронта, потерянная с первых дней боевых действий, не восстанавливается. Исправлением поврежденных линий отдел связи не занимается. Радиосвязь со штабами соединений также отсутствует. Центральный радиоузел из-за неисправности двух радиостанций типа РАТ работать бесперебойно не может. Связь осуществляется только через делегатов.

74-м авиаполком утеряны перешифровальные средства и шифр ОК-40.

Противник с провокационными целями пользуется нашим кодом 16 ч.

РАП. Получены две телеграммы провокационного характера без адреса и подписи, зашифрованные указанным кодом.

Генеральный штаб дал распоряжение о замене кода 16 ч. РАП» [63].

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/37175 от 8 июля, «по сообщению 3-го отдела Западного фронта по состоянию на 1 июля имелись следующие существенные недочёты.

Отсутствовало достаточное количество артснарядов и других боеприпасов.

Снабжение частей фронта боеприпасами с начала военных действий проходило с большими перебоями.

Со стороны Артуправления фронта в лице генерал-лейтенанта Клич действенных мер к упорядочению обеспечения частей боеприпасами не принималось.

Имеющиеся в 28-м стрелковом корпусе снаряды в боевую готовность приведены не были (недовернуты взрыватели); большинство поступивших в части мин не имели взрывателей.

При эвакуации зенитного дивизиона в/ч 1822 из гор. Гродно, вследствие отсутствия тяги, материальная часть осталась невывезенной. Должного сопротивления противнику дивизион не оказал, так как не был обеспечен снарядами.

56-я стрелковая дивизия к бою подготовлена не была — минометный взвод не имел мин, полковая школа 37-го стрелкового корпуса не имела винтовок и патронов. Части дивизии вступили в бой с оружием и боеприпасами мирного времени.

27-я стрелковая дивизия была введена в бой тоже неподготовленной — не хватало снарядов и патронов.

Находившиеся на границе передовые части вооружением и боеприпасами обеспечены не были, в результате при первом появлении противника бежали, создавая панику в основных частях 3-й армии.

Снабжение частей 85-й стрелковой дивизии горючим, боеприпасами и продовольствием было поставлено исключительно плохо. Уже на третий день боя артполки дивизии не имели снарядов.

24-й отдельный минометный батальон к началу военных действий винтовками был обеспечен наполовину, гранат и мин не имел вовсе. По этой причине в бой с противником батальон не вступил, а при выезде из военного городка Козекова (близ Минска) оставил на территории городка до 30 минометов и свыше тысячи мин.

Из 12 имевшихся в округе складов с боеприпасами уничтожено путем взрыва 6, что составляет 24,5 % общего запаса.

В корпусных артиллерийских частях 28-го стрелкового корпуса и полках РГК снаряды на исходе и части не знают, где их получать.

Завезённые 26 июня снаряды оказались без взрывателей. Часть 3-й армии в районе Молодечно — Крулевщины боеприпасов не имели.

Находящийся в районе Барановичи и оторванный от фронта 6-й мехкорпус боеприпасами обеспечен не был.

С начала военных действий в работе отдела ВОСО наблюдается большая нечеткость.

При отправлении транспорта с боеприпасами номерация и станция отправления транспорта зачастую отсутствовала, что приводило к срыву своевременной подачи боеприпасов на линии фронта.

Управление Военных сообщений Красной Армии не сообщало номера отправляемых с центрального склада эшелонов с боеприпасами.

Снабжение частей фронта горюче-смазочными материалами проходило крайне неорганизованно.

Смазочные материалы Р-9, дизельное топливо и автол в частях были на исходе. Заявка ОСГ фронта от 23 июня на отгрузку Р-9 Управлением снабжения горючим Красной Армии к 1 июля не была выполнена. Отгруженные для частей фронта смазочные материалы и топливо в период с 23 по 30 июня поступали в незначительных количествах, что ни в какой степени не обеспечивало потребность фронта, а отдельные виды смазочных материалов и горючего не поступали вовсе.

29 июня командующим фронтом было отдано приказание о переброске горючего для фронта на транспортных самолётах.

Выполнение этого задания было возложено на представителя АБТ фронта капитана Сорокина и начальника отделения ОСГ военинженера 3-го ранга Пономарева, которые из-за недоговоренности между собой горючее на аэродром в необходимом количестве не подвезли, в результате из 22 транспортных самолётов было загружено только 3, остальные улетели незагруженными.

Начальники отдельных складов в панике перед противником склады подожгли, а сами дезертировали.

Начальник склада ГСМ № 497 в г. Орша — интендант 3-го ранга Трегубов и помполит — батальонный комиссар Пивоваров в панике подожгли склад № 497 в г. Орше, а сами дезертировали. Сгорело 700 тонн бензина и 6 вагонов смазочного материала и масла.

Трегубов и Пивоваров преданы суду Военного трибунала.

Начальник склада ГСМ № 645 на ст. Хородище — интендант 2-го ранга Май 26 июня сжег склад, а сам дезертировал.

По данному факту 3-м отделом фронта ведётся расследование.

Снабжение частей фронта по линии интендантского управления не было налажено.

Вследствие отсутствия связи Управления фронта с интендантами армий, корпусов и отдельных воинских соединений, Интендантское управление о положении с продовольствием и другими видами имущества не знало.

Головные склады продовольствия на 1 июля сформированы еще не были и на прифронтовую полосу не выброшены.

Автобатальонов в распоряжении Интендантского управления не было, в связи с чем переброска продовольствия передовым частям фронта была крайне затруднена. Другими видами транспорта управление не располагало.

Военным Советом фронта было дано указание о немедленном сформировании 10 автобатальонов с целью использовать их для подвоза частям фронта артснабжения, горючего и продовольствия, однако автобатальоны созданы не были.

Положение фронта с госпитальными учреждениями весьма тяжелое.

Отмобилизование санитарных учреждений по схеме развертывания на территории Западного Особого военного округа было сорвано. Кроме этого уничтожены были Минский, Молодечненский, Волковыс-ский и Кобринский военные госпитали, в связи с этим раненых лечить было негде» ^[64].

13 июля 1941 г., выйдя из окружения, начальник 3-го отдела 10-й армии полковой комиссар Лось направил на имя начальника 3-го Управления НКО рапорт, в котором писал: «Согласно Вашего приказания докладываю обстановку, в которой начались события и их развитие. 21 июня в 24 часа мне позвонил член Военного Совета и просил прийти в штаб. Прибыв в штаб армии, командующий 10-й армией генерал-майор Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений не отходя от аппарата.

В свою очередь к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий.

Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗаПОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и приказал привести войска в полную боевую готовность и сказал, что подробности сообщит шифром. В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны. Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все

средства связи.

К 10–11 часам утра шифровка прибыла, точного содержания ее сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственную границу не переходить. К этому времени уже войска противника углубились в нашу территорию местами на 5—10 км. Шифровку подписали — Павлов, Фоминых, Климовских. (...)

В 8 часов утра командный пункт переместился близ дер. Старосельцы в лес, что северо-западнее Белостока в 5 км. Сразу же командованием были приняты меры к установлению связи между соединениями, и уже к 12 часам связь с ними была восстановлена делегатами. Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 числа как с округом, так и со всеми соединениями. Проволокой же связи во время действий армии не восстановлено.

22 и 23 числа все части вели усиленные боевые действия против противника. В отдельных местах (86-я, 113-я стрелковые дивизии) переходили в контрнаступление. К вечеру 22 числа, не помню сейчас от кого, то ли от заместителя командующего ЗапОВО Болди-на лично, то ли из штаба ЗапОВО, было получено приказание отступить и закрепиться на рубеже реки На-рев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа слева — 3-й армией.

22-го вечером командный пункт армии переместился близ ст. Валилы, что восточнее Белостока, части завершали отступление за реку Нарев.

В связи с тем, что отступление велось и днем, авиация противника действовала совершенно безнаказанно, так как ни одного нашего самолёта не было, бомбили и расстреливали из самолётов отходящие части. Все последующие дни авиация противника совершенно безнаказанно расстреливала бомбами разных калибров и пулеметным огнем самолетов как передовые части, так и все войска армии, не давая нашим войскам поднять голову. Кроме того, наступающие войска противника вели усиленную стрельбу из огнеметов, которых у нас совершенно не было.

Самолёты противника взяли под контроль все шоссейные дороги, расстреливали машины, а впоследствии охотились даже за отдельными людьми, что создало большую панику и большое количество людей разбежалось, бросая на ходу оружие, материальную часть и боеприпасы.

Шоссе Белосток — Волковыск было забито трупами людей, автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться через него было совершенно невозможно.

Таким образом, по существу, на реку Нарев вышли разбитые части,

имея в дивизиях очень незначительное количество людей, а такие соединения как 13-й МК остался только с одним штабом. Это произошло потому, что корпус формировался как мехкорпус к началу военных действий и материальной части не получил, не считая незначительную часть учебных танков. Полки имели на вооружении 200–300 винтовок, весь остальной личный состав находился без оружия.

Положение еще усугублялось и тем, что по распоряжению штаба округа с 15 мая все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артиллерийские полки РК были собраны в лагеря в двух местах — Червоный Бор (между Ломжей и Замбровым) 22-го полка 10-й армии и Обуз-Лесна артиллерийские полки тыловых дивизий армии и других частей округа. Для поднятия этих полков был послан начальник артиллерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизии. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником.

В исключительно тяжелое положение попали артполки на мехтяге. Часть пушек, не имея тягачей, была оставлена на зимних квартирах, часть тягачей в лагерях также была неисправна, и командование частей эту материальную часть взрывало или бросало, не произведя из них ни одного выстрела по противнику. На дороге, во время отступления, вследствие порчи тягачей от бомбежки бросались совершенно исправные орудия, не всегда снимались даже замки.

Аналогичное положение было также с зенитной артиллерией. Все дивизионы и полки, во всяком случае весь основной начсостав и матчасть были собраны для прохождения лагерных сборов в м. Крупки, близ Минска, и до последнего времени в 10-ю армию не вернулись, и их судьба мне неизвестна. Таким образом, соединения, склады, города остались без зенитной артиллерии.

6-й мехкорпус, которым командовал генерал-майор Хацкилевич, был полностью укомплектован новой материальной частью, танками «КВ» и Т-34, держался командованием 10-й армии в резерве и намечался для нанесения контрудара. 22 июня прибыли заместитель комвойсками генерал-лейтенант Болдин, а 23-го маршал Кулик. Оба выехали в 6-й корпус и ^[65] ими ^[66] направлен на стык 3-й армии в район Соколки — Кузница, где противнику удалось прорваться. Из подчинения 10-й армии корпус вышел, им командовали Болдин и Кулик. Корпус попал в чрезвычайно тяжёлое положение вследствие отсутствия горючего и снарядов. База снабжения горючим была в Волковыске, то есть в 100 с

лишним км от корпуса. Были приняты все меры к снабжению горючим, но отправка затруднялась тем, что движение возможно только ночью, то есть в течение 4–5 часов. За это время нужно было расчистить дорогу от пробок после бомбежки.

Войска оказывали сопротивление противнику до 26 числа, после чего начали беспорядочное отступление. Командный пункт армии был перенесен в Замковый лес, что северо-восточнее гор. Волковыска. В командный пункт стали прибывать командиры соединений с докладами о состоянии войск, из которых было видно, что из дивизии осталось 500–600 человек, остальной состав убит или бежал.

Распространению паники и увеличению беспорядка в тылу способствовало следующее.

В ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали. Аналогичное положение имело место почти во всех районных и городских организациях. Из Белостока и других городов сбежала вся милиция. Города, и в частности Белосток, как ближайшая питающая база, были оставлены без власти. Враждебные элементы воспользовались этим и подняли голову. Освободили из тюрем более 3000 арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе. Враждебные элементы открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам наших войск, используя для этого спрятанное оружие бывшей польской армии и брошенное нашими частями.

Всё это создало возможность мелким десантам противника в 10–15 человек безнаказанно наводить панику и создавать впечатление об окружении, так как не было организовано их уничтожение.

22 июня 1941 г. вечером на командном пункте я внес предложение, ввиду отсутствия возможности судить арестованных и эвакуировать их, расстрелять всех шпионов, повстанцев, диверсантов и изменников, составить акт за подписью секретаря Обкома тов. Кудряева, начальника УНКВД т. Фукина, НКГБ т. Бель-ченко и моей. Это предложение мною было сделано в присутствии генерал-лейтенанта Богданова и Соколова, которые меня поддержали. Тов. Кудряев и Бельченко обещали над этим предложением подумать и сообщить мне результат 23 числа. Как я указал выше, 23 числа они все из Белостока сбежали.

Аналогичное положение имело место во всех остальных районах и городах. Население как в западных областях, так и в восточных, теперь занятых противником, не было организовано на борьбу с десантами и контрреволюционными элементами.

Военный Совет армии принял решение о дальнейшем отступлении и (так как парашютным десантом был отрезан штаб 10-й армии от Волковыска с запада и Слонима с востока) обойти с северо-востока проселочными дорогами и выйти на Барановичи.

Как оказалось в дальнейшем, Барановичи был взят немцами, после чего Военный Совет принял решение отступить на восток по направлению к Слуцку. Оказалось, что и эти пути отхода отрезаны немцами.

Пересекая шоссе ^[67] Барановичи встретились с противником, приняли бой. До этого командующий меня предупредил, что решено разбиться на группы, причем группа, в том числе руководящий состав штаба армии, пойдёт вместе с маршалом Кулик выедет вперед на легковых машинах. Заместитель народного комиссара обороны маршал Кулик приказал мне ехать вместе с ним. Оставшийся оперативный состав под руководством моего заместителя вместе с остальной группой командного состава штаба армии и под руководством командующего армией генерала Голубева должны были пробираться в том же направлении.

С 30-го числа о них никаких сведений не имею.

Группа, в которой я был, в 24 человека, на машинах по проселочной дороге пробилась к старой границе в район юго-западнее Минска. После того как оказалось, что противником занят Минск, было принято решение пробираться в Березину. Разбившись на группы 5–6 человек, следуя по одному направлению в 5–6 км друг от друга, пробирались к Березине, но и Березина оказалась занятой противником, после чего было принято решение двигаться на Днепр.

9 июля 1941 г. к вечеру вышли к Днепру, северней Нового Быхова против дер. Селец. Вечером на сколоченном плоту из бревен проплыли Днепр и были задержаны нарядом 183-й дивизии.

Весь наш путь проходил по малопроезжей дороге, проселком, болотами, лесами. Избегая заходить в крупные деревни и села, с предварительной разведкой заходили только в небольшие населенные пункты. Шоссе, по которому двигались силы противника, пересекались нами, как правило, ночью в перерывах между движением автотранспорта.

О работе 3-го отдела

Сразу же после бомбежки все документы 3-го отдела были сданы в областное Управление НКВД для доставки их в Минск.

3-му отделу приходилось заниматься всем, и главным образом по

обеспечению работы тыла.

3-м отделом армии из отходящих пограничников в 200 человек под руководством оперативного состава были созданы заградотряды, задерживающие всех бегущих и направлявшие их на пункты, где штабом армии формировались полки и отправлялись на фронт. Была организована чистка людей, переходящих через заградотряды, ведение следствия по дезертирам, мародерам, шпионам и паникерам.

Во все основные решающие пункты направлялся оперативный состав, которому придавались группы пограничников и командиров.

Кроме того, в связи с тем, что с 22 в ночь на 23 из Белостока сбежали все работники НКВД и НКГБ, партийного и советского аппаратов, город остался без власти, и так как Белосток являлся еще базой снабжения наших частей, мною была сформирована оперативная группа при коменданте города, усиленная пограничниками, в Белостоке был восстановлен порядок с применением всех мер военного времени.

25 — 26 числа оперативная группа покинула Белосток только тогда, когда с западной стороны его начинали входить немцы.

Идя 10 дней по территории противника, заходя в отдельные села, я наблюдал следующее.

Большое количество красноармейцев, бросивших оружие, бродят по селам, немецкими войсками не задерживаются, в плен не берутся. В отдельных случаях эти группы используются немцами для работ (постройке домов, расчистке дорог и т. п.). Командный состав расстреливается на месте любым чином немецкой армии, как только устанавливается, что это лицо относится к начсоставу. Гражданское население не трогают. В отдельные села заезжали представители немецкого командования и предлагали оставить существующий порядок, колхозы не распускать, напирая особенно на то, чтобы урожай снять в организованном порядке.

Следует отметить, что, как правило, районное партийное и советское руководство сбежало со всех мест за 5–6 дней до появления противника, оставив весь колхозный советский актив села без руководства.

Кроме того, в предвоенный период все радиоприемники были изъяты, так что колхозники не знали указаний Советского правительства об уничтожении всего имущества при отходе. Также им неизвестно о создании партизанских отрядов. По крайней мере, за 10 дней продвижения по территории противника я не видел ни одного случая уничтожения имущества и не слышал о партизанских отрядах. Были случаи, когда крестьяне деревень разбирали имущество, принадлежащее совхозу и

государству. В отдельных колхозах единоличники терроризировали колхозников и начали грабить колхозное имущество.

Говоря о поведении командиров, идущих в группе во время выхода из окружения, следует отметить, что в основном все шли с решением либо пробраться к своим, либо умереть.

Непонятно поведение заместителя наркома обороны маршала Кулик. Он приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переделся в крестьянскую одежду. Сам он никаких документов с собой не имел, не знаю, взял ли он их с собой из Москвы. Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы, однако, кроме его адъютанта, майора по званию, фамилию забыл, никто документов и оружия не бросил. Мотивировал он это тем, что если попадемся к противнику, он примет нас за крестьян и отпустит.

Перед самым переходом фронта т. Кулик ехал на крестьянской подводе по той самой дороге, по которой двигались немецкие танки, что хорошо было известно тов. Кулик по следам немецких машин (они отличаются от наших) и по рассказам крестьян, и только счастливая случайность спасла нас от встречи с немцами. Маршал тов. Кулик говорил, что хорошо умеет плавать, однако переплывать реку не стал, а ждал, пока сколотят плот» [68].

* * *

Схожие проблемы имели место и в войсках **Юго-Западного фронта**. 22 июня «по сообщению З^[69] отдела 139-й дивизии КОВО части дивизии идут к исходному положению. Автотранспорт дивизии без запасных частей и без резины. Снаряды оставлены на зимних квартирах. В дивизии ощущается большой недостаток в обуви, 200 человек совершенно босые. Дивизия не отмобилизована» [70].

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36137 от 1 июля, «по сообщению З^[71] отдела Юго-Западного фронта от 25 июня с. г., в ходе развертывания боевых действий в первые дни войны в частях фронта отмечалась неорганизованность, беспечность и растерянность.

Несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западного фронта не сумели быстро отразить нападение противника. (...)

К началу военных действий штаба округа на месте не было. Отделы штаба следовали разрозненными эшелонами и прибыли на командный

пункт из Киева к концу 22 июня. Регулярной связи с армиями и корпусами штаб не имел.

Командование 5-й армии в первый день войны потеряло связь с частями и не знало обстановку на фронте.

22 июня командующий 5-й армией приказал сменить командный пункт. Начальники отделов не были предупреждены о месте нового сосредоточения. Переезд происходил неорганизованно, колонны растянулись, были обнаружены авиацией противника и обстреляны ею.

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налетов противника, не имела 37-мм снарядов. Также не оказались обеспеченными снарядами артиллерийские дивизионы частей, в частности 164-й стрелковой дивизии.

В некоторых городах, подвергшихся бомбардировке, партийные и советские работники бросались первыми бежать, чем создавали панику и беспорядок.

22 июня с. г. после бомбежки противником г. Луцка весь партийный и советский аппарат в панике оставил город. Оставшиеся в тюрьме г. Луцка арестованные подняли бунт, обезоружили часть охраны и пытались бежать. (Бунт вскоре был подавлен.)

22 июня после первого налёта немецких бомбардировщиков в г. Львове началась паника. Партийные и советские работники областных организаций мобилизовали весь львовский автотранспорт, собрали свои семьи и большими партиями стали покидать город.

23 июня в г. Львове фактически власти не было. Этим воспользовался бандитский элемент, который ночью разграбил кондитерскую фабрику, некоторые торговые предприятия и квартиры эвакуировавшихся семей. На Львовском мясокомбинате была отравлена вода.

В пересыльной тюрьме г. Львова захвачённые подняли бунт, обезоружив часть охраны. Конвойным батальоном войск НКВД бунт был подавлен.

Созданный по приказанию командующего 6-й армии генерал-лейтенанта Музыченко опергруппой из работников 3-го отдела армии и отдела Политпропаганды в г. Львове к 24 июня был восстановлен революционный порядок. Организованные заградительные пункты стали возвращать беженцев обратно во Львов.

23 июня из местечка Бук бежали первый секретарь Бусского райкома КП(б)У Безухов и председатель исполкома Попов, оставив район без всякого руководства. (Оба арестованы.)

Политико-моральное состояние частей фронта здоровое, за

исключением отдельных случаев нездоровых настроений и дезертирства.

22 июня с.г. начальник артиллерии 12-й армии генерал-майор Гавриленко заявил: «Немцы начнут наступать и побьют нас. Всё, что было взято в 1939 году, заберут. У нас на каждом шагу безобразия. В 16-м мехкорпусе снаряды не подходят к системе орудий, стрелять нельзя. В артбригадах материальную часть возить не на чем. Заберут нас немцы, как цыплят, без выстрела».

23 июня работник артотдела 12-й армии майор Серофанов сказал: «Нас били, бьют и будут бить из-за неорганизованности, отсутствия дисциплины и порядка».

По частям Юго-Западного фронта на 26 июня было задержано 69 дезертиров, в том числе 3 человека начсостава. Из числа задержанных 32 человека расстреляны командованием, 2 осуждены к расстрелу Военным трибуналом, в отношении остальных военной прокуратурой ведется следствие.

За период с 24 по 26 июня подобрано 450 красноармейцев, потерявших свои части.

Для задержания дезертиров и потерявших свои части 3-м отделом Юго-Западного фронта созданы специальные заслоны.

В бою с противником частей 97-й стрелковой дивизии была захвачена в плен группа немецких солдат. Путем осмотра оружия, отобранного у них, было установлено, что немцы-фашисты активно дерутся, стволы их винтовок были сильно накалены, у пленных из австрийцев, чехов и др. национальностей винтовки оставались смазанными маслом, так как из них не было произведено ни одного выстрела» [\[72\]](#).

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36698 от 6 июля, «по сообщению 3-го отдела Юго-Западного фронта, первые дни войны с Германией показали, что ряд частей КОВО к военным действиям подготовлены не были. В частях и соединениях отсутствовало необходимое количество боеприпасов и вооружения, взаимосвязь между частями налажена была плохо, среди высшего комсостава имели место случаи паникерства. Все это привело к большим потерям личного состава и вооружения.

Из-за недостатка боеприпасов части 9-го [\[73\]](#) УРа (5-я армия г. Любомль) с началом военных действий понесли большие потери и на второй день войны вынуждены были выйти на передовые линии полевых частей. Артиллерия УРа на огневые позиции из-за отсутствия снарядов не выходила.

Командование армии, располагая неточными данными о расположении своих частей и о движении частей противника, зачастую издает неверные приказы и приказания.

24 июня начальником штаба армии на основе непроверенных данных разведки штаба армии о том, что в районе Дубенской дороги передвигаются 30 танков противника, артиллерия и 18 бронемашин, что справа якобы обходит 14-я танковая дивизия немцев, было приказано приготовиться к эвакуации.

В результате проверки эти данные не подтвердились, а отданное распоряжение вызвало паническое состояние начсостава штаба армии.

23 и 24 июня местные власти Львова и Луцка стали в беспорядке покидать эти города, вызывая панику среди населения. Принятыми мерами со стороны 3-го отдела и командования 5-й армии паника была быстро ликвидирована.

26 июня в связи с предполагаемым приближением немцев была создана паника в самом штабе Юго-Западного фронта. Расследованием установлено, что заместитель начальника штаба по политчасти полковой комиссар Зиновьев получил приказание от начальника штаба генерал-лейтенанта Пуркаева подготовить машины и погрузить на них имущество отделов. Приказание было выполнено. В результате начальник отдела интендантской службы генерал-майор Ковалев, начальник ОСГ генерал-майор Алексеев и другие с 3 часов 26 июня свернули работу своих отделов.

Кроме того, по приказанию заместителя начальника штаба по тылу Трутко для погрузки имущества штаба были взяты 100 грузовых автомашин, предназначенных для перевозки горючего сражающемуся с противником 15-му мехкорпусу.

Принятыми мерами со стороны 3-го отдела и Военного Совета Юго-Западного фронта работа отделов штаба восстановлена.

Командный пункт штаба армкавгруппы организован плохо: блиндажи отсутствуют, охрана малочисленна и состоит из плохо обученных бойцов. В ночь с 24 на 25 июня караулом, охраняющим командный пункт, была поднята бесцельная стрельба, которую прекратить удалось только утром.

Станция снабжения Армгруппы не организована. Работники штаба не выезжают в части для помощи и оперативного руководства» [\[74\]](#).

Как отмечалось в спецсообщении Особого отдела НКВД № 4/38578 от 21 июля, «по сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта расследованием обстоятельств ухода частей 199-й стрелковой дивизии с поля боя в районе Н^[75] Мирополь установлено: части дивизии с 5 июля с.г.,

согласно приказу командования фронта, занимали оборону на южном секторе Н^[76]-Волынского укрепрайона, в частности на участке Боринцы — Н^[77] Мирополь — Коростки.

Вследствие отсутствия руководства боем со стороны командования дивизии и преждевременного оставления точек УРовскими частями, при прорыве противником 6 июля с.г. укрепленного района Н^[78] Мирополь 7-й стрелковый полк дивизии с занимаемых позиций в панике отступил.

После этого прорыва управлением дивизии связь с двумя полками была потеряна.

9 июля с.г. командир дивизии Алексеев, имея письменный приказ Военного Совета фронта — удерживать занятые позиции, на основании якобы устного приказа командира 7-го стрелкового корпуса Добро-сердова, 492-му стрелковому полку, располагавшему всеми возможностями удерживать оборону рубежа до прихода подкреплений, приказал отходить. Остальным полкам этот приказ передан не был.

Командир дивизии Алексеев вместе с комиссаром Коржевым и другими командирами, оставив части, с поля боя бежал.

В районе, где находился штаб дивизии 11 июля обнаружено брошенным все делопроизводство штаба дивизии и около 2 млн. денег.

Следствие по делу ведёт Особый отдел фронта». 22 июля 1941 г. начальник Генштаб РККА генерал армии Г. К. Жуков наложил на этом донесении следующую резолюцию: «Т. Носову, копия т. Мехлису. Немедленно арестовать командира корпуса, командира дивизии, командиров полков и судить в самом срочном порядке как изменников и трусов» ^[79].

17 августа Особый отдел НКВД подготовил спецсообщение № 41/103, в котором указывалось, что «6 июля у Ново-Мирополя потерпела поражение, понесла большие потери людьми и материальной частью, 199-я стрелковая дивизия.

Особый отдел Юго-Западного фронта в связи с этим произвел расследование, в результате которого установлено:

30 июня командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. Этот приказ командование дивизии выполнило с опозданием. Части дивизии заняли оборону позже указанного срока, кроме этого, во время марша не было организовано питание бойцов. Люди, особенно 617-го стрелкового полка, прибыли в район обороны истощенными.

После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через реку Случь на центральном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту. В связи с тем, что командование не установило связи штаба дивизии с полками, 6 июля 617-й и 584-й стрелковые полки действовали без всякого руководства со стороны командования дивизии.

Во время паники, создавшейся в подразделениях при наступлении противника, командование не сумело предотвратить начавшееся бегство. Управление штаба дивизии разбежалось. Командир дивизии Алексеев, заместитель командира по политчасти Коржев и начальник штаба дивизии Герман оставили полки и с остатками штаба бежали в тыл.

По вине Коржева и Германа противнику были оставлены партийные документы, чистые бланки партийных билетов, печати партийной и комсомольской организаций и все штабные документы.

Командир дивизии полковник Алексеев, заместитель командира по политчасти полковой комиссар Коржев и начальник штаба дивизии подполковник Герман арестованы и преданы суду Военного трибунала» [\[80\]](#).

Как отмечалось в спецсообщении Особого отдела НКВД № 4/51973 от 20 ноября 1941 г., «по сообщению Особого отдела НКВД Южного фронта, возвратившийся из окружения противника бывший помощник начальника штаба по разведке 396-го стрелкового полка 135-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 5-й армии старший лейтенант Кудakov сообщил следующее.

С первых дней войны 135-я стрелковая дивизия в районе Владимира-Волынского направления потерпела поражение и была направлена в Шепетовку на переформирование.

В связи с имевшимися данными о гибели командира дивизии генерал-майора Смехотворцева, командиром вновь сформированной 135-й стрелковой дивизии был назначен подполковник Дубровский.

Как впоследствии выяснилось, сведения о гибели генерал-майора Смехотворцева были ложными. На самом деле генерал-майор Смехотворцев совместно с начальником штаба дивизии подполковником Михайловым в местечке восточнее гор. Коростеня собирали вышедшие из боя части и формировали из них дивизию, причем личного состава и вооружения в этих частях было больше, чем во вновь сформированной 135-й стрелковой дивизии под командованием подполковника Дубровского.

По сформировании дивизия Дубровского была перебросена километров 20 западнее ст. Полонной для занятия обороны.

Несколько позже дивизия вновь был переброшена на старый УР на реке Случь близ г. Барановка, где части дивизии заняли район обороны по восточному берегу реки Случь.

Через несколько дней дивизия Дубровского и действовавшая левее 149-я стрелковая дивизия оказались в полукольце противника.

Время на отход было, так как в районе обороны дивизии противника не было, но отход по неизвестным причинам организован командованием дивизии не был.

7 июля генерал-майор Смехотворцев прислал приказ об отводе остатков дивизии Дубровского к месту формирования частей генерал-майором Смехотворцевым.

Подполковник Дубровский этого приказа не выполнил и присланных Смехотворцевым трех лейтенантов и одного капитана с шестью младшими командирами обратно не отпустил.

Выехавший в этот же день к генерал-майору Смехотворцеву политрук Особого отделения дивизии Пашюта 8 июля в дивизию возвратился и привез подтверждение приказа Смехотворцева, но подполковник Дубровский вторично отказался его выполнить.

В среде комсостава стало нарастать недовольство. Фактически существовало две 135-х стрелковых дивизии.

Противник этим временем продолжал обход дивизии, и к 10 июля последняя оказалась полностью окруженной.

В связи с этим на совещании комсостава было принято решение разбить дивизию на три группы и начать выход из окружения каждой группы самостоятельно.

Однако прорвать кольцо противника ни одной группе не удалось. У места намеченного прорыва недалеко от села Стрибеж, Житомирской области, через Киевское шоссе разведкой было обнаружено большое движение мотомехчастей на Житомир.

Собравшиеся у села Стрибеж части двух групп дивизии оказались в 2 км от противника. Из командования дивизии никого не было, подполковник Дубровский, бросив части, еще ночью уехал в неизвестном направлении.

Оставшимся командным составом было принято решение — лишнее оружие и боеприпасы закопать в землю, людей разбить на небольшие группы и через шоссе пойти в направлении Киева.

Имевшиеся 3 машины после этого решения были приведены в негодность, лошадей с повозками передали в колхоз в селе Стрибеж. Личный состав разбился на небольшие группы, многие командиры пошли

со своими подразделениями.

В результате из окружения возвратились лишь отдельные военнослужащие» [\[81\]](#).

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 38209 от 18 июля, «командование 25-го механизированного корпуса Харьковского военного округа 24 июня 1941 г. получило распоряжение об отправке корпуса в действующую армию, со сроком погрузки в этот же день к 23 часам.

Управление корпуса и отдельные корпусные части убыли из Харькова 24 июня 1941 г. железной дорогой, следовали через Полтаву, Кременчуг, Знаменку до ст. Мироновка, откуда своим ходом прибыли в г. Богуслав и вошли в состав 19-й армии.

Из г. Богуслава управление корпуса своим ходом через Таращу, г. Белая Церковь, г. Васильково прибыло в с. Глеваха, Васильковского района Киевской области, оттуда на следующий день передислоцировалось в с. Святошино под г. Киев, а затем своим ходом на ст. Ирпень в 15 км от Киева, где погрузились в железнодорожный эшелон, которым через ст. Нежин и Гомель в ночь на 5 июля 1941 г. прибыли в г. Новозыбков, Орловской области и поступили в распоряжение 5-й армии.

На все перечисленные выше переезды корпус затратил 10 суток, бесцельно израсходовав моторесурсы, и растерял по дороге корпусные части, то есть мотоциклетный полк, отдельный инженерный батальон и др.

Из 50-й танковой дивизии, которая совершила почти аналогичный маршрут, неизвестно где находятся 4 эшелона и в таком же положении находятся 4 эшелона 219-й моторизованной дивизии, которая, кроме того, во время переездов потеряла убитыми и ранеными 150 человек личного состава, попав под бомбежку авиацией противника на ст. Васильково перед разгрузкой эшелона.

На переезд из г. Харькова (прежнее место дислоцирования) в г. Новозыбков понадобилось бы всего лишь 1–1,5 суток, следовательно, время, потерянное на переезды из одного места в другое, можно было использовать на получение недостающей матчасти и вооружения, которыми корпус до настоящего времени не укомплектован и поэтому к полной боевой готовности не приведен» [\[82\]](#).

Согласно спецсообщению Особого отдела НКВД № 39405 от 1 августа, «4-й мехкорпус с первых дней войны использовался командованием 6-й армии как часть прикрытия.

В боях с противником корпусом потеряно 27 танков «КВ» и 174 танка Т-34, кроме того, убыло по техническим неисправностям 133 танка

указанных марок.

Большая часть этих потерь произошла по вине командования 6-й армии, которое перебрасывало части корпуса с места на место на дальние расстояния.

Были случаи, когда корпус со своими частями не успевал расположиться на новом рубеже или только подходил к нему, как следовал приказ 6-й армии с новым боевым заданием, вызывавшим новые дальние передвижения (Каменка-Струмилов, Мосциск и др.).

Вследствие частых переходов корпус в целом прошел 800 километров (а 32-я танковая дивизия — 1000 километров) и остался совершенно без материальной части.

Танки «КВ» и Т-34 бросались на дорогах из-за незначительных неисправностей. Командование 6-й армии никакой работы по сбору оставленной на дорогах материальной части не проводило. Силами корпуса было подобрано и эвакуировано 73 танка, подорвано и сожжено 98 танков.

Неправильно использовался корпус и в боевых операциях. Все бои, проведенные дивизиями корпуса, не сопровождались ни артиллерийским огнем, ни авиацией. Приданные танковым частям мотострелковые полки командованием 6-й армии с первого дня боевых действий были разбросаны мелкими частями, а 202-й и 32-й полки были задержаны для охраны штаба 6-й армии.

Отход частей командование 6-й армии не организовало. Формально приказом и на картах разграничивалось движение частей, однако основные маршруты всегда были чрезмерно перегружены. Армейских регулировщиков и начальников маршрутов не было, как например, при отходе из Львова на Злочев, когда 4-й мехкорпус соединился с частями 6-го стрелкового корпуса и 3-й кавдивизии и образовал многокилометровую колонну, создав на дорогах пробки» [\[83\]](#).

Так же 1 августа было подготовлено спецсообщение Особого отдела НКВД, в котором подводились некоторые итоги боевых действий бронетанковых войск фронта. «По сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта за истекший период военных действий танковые и мотомеханизированные соединения, находящиеся в распоряжении командования фронтом, понесли большие потери материальной части.

Основными причинами больших потерь материальной части являются:

1) Громоздкость структуры командных пунктов, которая затрудняла тактическую маневренность бронетанковых соединений;

2) Слабая тактическая и техническая подготовка личного состава, особенно командного;

- 3) Плохая сколоченность частей и подразделений;
- 4) Частые изменения районов сосредоточения, следствием чего имели место большие марши, которые привели к сильной изношенности машин до участия их в боях (8-й механизированный корпус перед боем совершил марш около 500 км, потерял за это время до 45 % машин; 56-я дивизия совершила марш около 1000 км, потеряла до 35 % машин);
- 5) Отсутствие взаимодействия с танками артиллерии, авиации и пехоты и слабое прикрытие танковых соединений зенитными средствами;
- 6) Отсутствие разведывательных данных о противнике и местности, в результате чего значительное количество танков погибло в болотах;
- 7) Необеспеченность ремонтными средствами, запасными частями и эвакуационными средствами;
- 8) Проявление паникерства и трусости отдельными командирами.

По данным на 30 июля с. г.

в 8-й танковой дивизии осталось 39 танков;

в 32-й танковой дивизии — 10 танков;

в 20-й танковой дивизии — 3 танка;

в 35-й танковой дивизии — 24 танка;

в 10-й танковой дивизии — 6 танков;

в 37-й танковой дивизии — 7 танков;

в 15-й танковой дивизии — 101 танк;

в 43-й танковой дивизии — 47 танков;

в 40-й танковой дивизии — 3 танка;

в 19-й танковой дивизии — 1 танк;

в 41-й танковой дивизии — 11 танков;

в 34-й танковой дивизии — 3 танка;

в 44-й танковой дивизии — 125 танков;

в 39-й танковой дивизии — 0 танков.

Вся оставшаяся в частях фронта материальная часть требует ремонта.

Оставшийся личный состав 9-го, 19-го, 22-го и 24-го корпусов участвует в боях как пехотные соединения.

Комплектуемая в настоящее время 12-я танковая дивизия получила с заводов и ремонтных баз 75 танков; в остальных сформированных полках в общей сложности имеется 270 танков» [\[84\]](#).

Одним из видов деятельности военной контрразведки было

фиксирование различных «неправильных» высказываний военнослужащих Красной армии. Подобные материалы интересны тем, что дают возможность получить сведения об имевшихся настроениях. При этом, конечно, следует помнить, что фиксируемые органами военной контрразведки высказывания были именно заметным отклонением от широко распространённых, что и делало их объектом внимания.

22 июня 1941 г. органами 3-го Управления НКО были зафиксированы следующие высказывания военнослужащих. Преподаватель тактики ВСШ майор Мухин полагал, что «теперь немцы сделают нам мясорубку. Мы к войне не готовы. Везде распушенность и неорганизованность». По мнению слушателя 2-го курса ВСШ старшего лейтенанта Павлова, «Япония не выступит против нас, так как мы ее купили. Ведь еще Маркс говорил, что в интересах революции можно пожертвовать и целой нацией. Советское правительство, наверное, пообещало Японии дать возможность быть хозяином на Тихом океане и отдать Китай» [85]. Красноармеец 14-го стрелкового корпуса Южного фронта Тверетинов был уверен, что «Германия победит Советский Союз. При первом же наступлении немцев нужно сдать в плен. Там останешься живым, и будешь жить неплохо» [86]. Как полагал шофер автобазы НКО Родюков, «немцы нас разобьют. СССР долго воевать не может, т. к. экономически Советский Союз очень слаб, это не то, что у немцев. Кроме этого, с нашей стороны будут большие изменения, а у немцев этого быть не может. Нам в войне никто внутри страны не поможет, раньше помогали крестьяне, а теперь и они этого не будут делать. Во время финских событий было много добровольцев, а теперь в войне с Германией никто добровольцем не пойдёт, т. к. после окончания войны с Финляндией вернувшихся с фронта обратно не брали на работу и многие из них подолгу не имели никакой работы» [87].

По мнению инженера спецотдела Главного военно-строительного управления Косолапова: «Германия в вопросах подготовки к войне была умнее, чем СССР и поэтому Германия хорошо сформировалась, подготовилась и может оказаться победительницей. Одно из положительных сторон в Германии это то, что там с начсоставом запаса велась и ведется подготовительная работа, а в СССР этот важный участок работы совершенно забыт, НКО в войне рассчитывает на молодняк, находящийся в Красной Армии, это неправильно» [88]. Слушатель Военно-ветеринарной академии Мирин заявил, что «германский народ ни за что не пойдет против своего правительства, так как всем немцам живется несравненно лучше, чем остальным трудящимся тех государств, которые

поработила Германия. В Германии почти каждый крестьянин имеет свою автомашину и другие удобства в жизни» [89]. Незнакомый в документе красноармеец 266-го корпусного артполка 9-й армии Южного фронта сказал: «Хорошо говорил Молотов, что победа будет за нами, но на самом деле она может оказаться на стороне Германии. Я больше уверен в германской технике. Потом, победа остается за тем, кто первый ведет наступление» [90]. По мнению командира 1-го дивизиона 260-го гаубичного артполка Северного фронта капитана Чеснокова: «Это нам не Финляндия, у нас жидковато, а Гитлер сильный противник, он может нас растерзать на клочья» [91].

23 июня красноармеец 9-й армии Южного фронта Селюченко заявил: «У меня чувствует сердце, что мы будем разбиты, так как германская армия сильна в техническом отношении и лучше обучена. Я сегодня убедился, что Германия борется за справедливое, она нас не боится, её самолёты летают свободно, не боясь нашей зенитной артиллерии и самолетов. Они делают свои дела на наших глазах, а в наших газетах много шумихи о Красной Армии, но на фактах что-то получается иначе» [92]. Как полагал воентехник 1-го ранга эскадрильи 41-й авиадивизии Федоров (ст. Луга), «при такой организации как у нас, я чувствую, нас Гитлер покроет, разобьет в пух и прах. У них организованность не наша. У нас привыкли много болтать, а на деле совсем не то. Начальству живется, ему и бомбы не страшны. Надеяться на народ много не приходится. У нас много заключенных и многие из них сидят ни за что. Гитлер это учитывает и возможно будет выбрасывать десант около лагерей заключённых» [93]. По мнению воентехника 1-го ранга научно-испытательного полигона стрелкового вооружения Ольшанского, «сообщения нашего Информбюро не верны. Не может быть взято столько пленников, когда нашим войскам в некоторых местах пришлось отступить и даже сдать города. Потери наши, наверно, больше, чем немцев — и живой силы, и машин» [94].

24 июня исполняющий обязанности начальника кафедры Артиллерийской академии Н. П. Береснев полагал, что «Германия передовая нация, немецкая национальная социалистическая партия должна победить и победит она потому, что немецкая армия и национал-социалисты несут передовую культуру народу» [95]. По мнению командира радиороты Северного фронта лейтенанта Тарасова, «из первых дней боев с немцами видно, что наши части не имеют большого успеха и получается вроде того “Ура, наших бьют”» [96].

25 — 26 июня преподаватель тактики Интендантской академии

генерал-майор Скворцов считал, что «прорыв танков к Ошмяны говорит о многом. Слабо, очевидно, у нас руководство. Имеем колоссальное количество танков, а использовать их не умеем. Превосходства в воздухе у нас перед немцами тоже нет. Я считаю — положение на фронте для нас очень неблагоприятное. Немцы имеют определённый успех. Они могут в лесах Белоруссии высадить незаметно для нас десанты и ударить с тыла» [97]. По мнению курсанта Харьковского военно-авиационного технического училища Курочкина, «рано немцы начали с нами войну. У нас в настоящее время идет перевооружение авиации новой материальной частью. Лётный состав ещё ни одного раза не летал на этих самолетах и к воздушным боям на этих самолетах не подготовлен» [98].

26 июня работник Управления кадров Красной Армии капитан Малофеев полагал, что «будет большая драка, но у нас все же слабовато в области техники. Мехкорпуса материальной частью не укомплектованы, да еще много дураков в Красной Армии. Кроме того, немцы летали по воздушной трассе Берлин — Москва и обратно. Это была их разведка. Немцы знали, что у нас в Белостоке стоит авиадивизия, которая в воздух подняться не может потому, что аэродром был весь вспахан» [99]. Как полагал красноармеец роты обслуживания 2-го полка ВНОС 2-го корпуса ПВО Зайцев, «Гитлер освободит от жидовского засилья. В Германии всех жидов перебили, теперь и у нас тоже перебьют. Вождем теперь нашим конец и убежать им никуда нельзя, всюду капиталистическое окружение. Народ голодный, в деревне нечего есть до нового урожая, а правительство направляло Германии и Финляндии крупчатку и масло» [100]. По мнению райинженера УВС Главного интендантского управления Красной Армии инженера 1-го ранга Чувиленкова, «наступление Германии идет в полном контакте с Англией, с целью полного уничтожения СССР и установления единой капиталистической системы. Поражение СССР в этой войне неизбежно и в скором времени СССР будет вынужден сделать своей столицей Свердловск» [101]. Бригадный интендант Главного интендантского управления Красной Армии Гемизов считал, что «сейчас трудно предсказать, на чьей стороне будет победа, нужно учесть, что немецкая армия более организована, неоднократно обстреляна и к тому же имеет опыт в войне больше, чем Красная Армия» [102]. По мнению заместителя начальника отдела Главного военно-инженерного управления бригадинтенданта Зайцева, «Гитлер опутал наших. Мы дали возможность Гитлеру осуществить его мечты, сначала разбить Францию, а потом Советский Союз. Где уж нам, с нашей неорганизованностью воевать с немцем. Если

мы удержим немцев, то только нашей валовой силой». Как полагал слушатель Военной академии механизации и моторизации младший воентехник Мирошниченко, «наша авиационная промышленность выпускает мало самолетов, то ли дело Америка. Там один завод в месяц даёт до 1500 самолётов и если Америка нам не поможет, то мы не справимся с немцами. Да и самолёты наши хуже американских. Вообще-то техника Красной Армии хуже немецкой, а сейчас исход боя решает техника» [\[103\]](#).

26 июня в Главном артиллерийском управлении НКО был подготовлен план отправки пулеметов для укрепленных районов в Себеж и ЛВО из Полтавы и других мест. По этому поводу капитан Крутиков заявил: «Выходит, что вторая оборонительная линия без пулемётов — точки пустые, а Гитлер подходит к старой границе. Пока идут пулемёты, УРЫ будут заняты. Пять дней прошло, а Генштаб об этом не подумал. Вспомнили о второй укрепленной линии, когда нависла угроза. Если в Генштабе такой же большой аппарат, как в ГАУ, и работает он так же, то мы войну проиграем. Гитлер захватил врасплох. Мы были неподготовлены. Напрасно давали Финляндии хлеба, Гитлеру — горючее и хлеба, а теперь нашим горючим и нас же бьют». По мнению сотрудника Мобилизационного управления подполковника Родионова, «наши проспали, противник хитрый, учел даже все мелочи. Начал войну в воскресенье с расчетом захватить врасплох, так как командный состав в этот день отдыхал. Наше командование знало, что противник концентрирует войска на нашей границе, а отнеслось благодушно. Эта беспечность привела к тому, что наши части стали отходить. В стране у нас было много шумихи, а мало дела. Началось отмобилизование, а в некоторых военных округах нет обмундирования (ПриБОВО). Самолетам не хватает бомб. Спрашивается, к чему же готовилось наше командование» [\[104\]](#). Как полагал начальник 3-го отдела Военно-топографического управления Генштаба майор Бодалин, «а немцы опередили нас в развертывании войск и их успех, по-видимому, создает в Германии моральный подъем. Они имеют много авиации и, наверное, превосходство в воздухе, по отношению к нам. Тем более что ими используется вся военная промышленность оккупированных стран» [\[105\]](#).

28 июня работник автобазы НКО Тарасов полагал, что «если наши войска будут так обороняться как сейчас, то Гитлер, наверное, нас победит». По мнению работника Семенова, «Гитлер молодец — умеет воевать, знает тактику, а мы остались в дураках, наши хлопают ушами и

поэтому германские войска так быстро наступают и бьют Красную Армию. Особенно плохо обстоит с авиацией, потому что наша авиация гораздо хуже, чем немецкая». Как полагал шофер Макаров, «Гитлер хорошо умеет воевать, немцы свое дело знают, технически грамотны и победят. Вот, смотрите, наши с финнами положили много людей, а немцы линию Мажино взяли без потерь. Командование Красной Армии думает взять на “ура”, но это время прошло, немцы “ура” не боятся, нужна техника, умение, а этого у нас нет» [106]. По мнению преподавателя кафедры Военной академии механизации и моторизации Красной Армии полковника И. М. Снежкова, «Гитлер не ставит себе целью свержения Советской власти, а преследует лишь цель выхода на рубеж реки Днепра или на какой-либо другой рубеж и предложит нам мир на выгодных для себя условиях. Гитлер в своей декларации называет войну с Советским Союзом освободительной войной, войной за освобождение Эстонии, Латвии, Литвы и Бессарабии» [107].

29 июня начальник 3-го отдела УПС Главного интендантского управления Красной Армии Чувиленков полагал, что «война с Германией называется отечественной войной неправильно. Отечественной войной можно назвать такую войну, для ведения которой поднимается весь народ, без различия классов, сословий и состояния. В советско-германской войне есть не мало пораженцев» [108]. По мнению слушателя 2-го курса Военно-ветеринарной академии Канищева, «до начала войны с Германией везде и всюду выступали и сейчас заявляют, что наша Красная Армия непобедима, а фактически по результатам первых боев видно, что Красная Армия отстывает. Очевидно, наша армия по своей силе уступает германской. Так же не подтверждается и лозунг ведения войны на территории противника, так как бои с немцами идут не на территории Германии, а на нашей территории» [109].

30 июня инженер Энергоотдела Главного военно-строительного управления Красной Армии Пискарев считал, что «агитацией заниматься за победу Советского Союза легко, но плохо то, что Советский Союз не подготовился к войне. Германия стала наступать безнаказанно, забирая один за другим города, не встречая сопротивления. Если так будет продолжаться, СССР может потерпеть поражение и вынужден будет согласиться на любые мирные условия. Свою силу Германия уже показала на протяжении всей войны с Францией и другими странами, а сейчас с Советским Союзом» [110].

1 июля генерал-майор Павлович из 1-го Свердловского пехотного

училища полагал, что «раз речь идёт о Березине, значит, укрепления пройдены немцами... теперь до самого Ленинграда равнина... ни одного препятствия. Вопрос идет о народном ополчении, значит, кадровая армия порядочно пострадала. Теперь надо думать не об отпоре немцам, а о том сумеют ли армии Южной группы выйти из мешка, в который они попали в районе Львова» [\[111\]](#). По мнению красноармейца Горбунова Н. В. из того же училища, «цифры о потерях противника дутые, где же можно учесть, когда наши войска все отступают, а противник наступает» [\[112\]](#).

5 июля подполковник Белай (16-я армия Западный фронт) полагал, что «наше командование заключило договор с Германией и на этом успокоилось, начали митинговать, сколачиванием армии не занимались. Больше всего уделяли внимание на введение новой формы, в результате этого мы оказались неподготовленными к обороне. Немцы нас жмут, несомненно, у нас будет много дезертиров и молодежь наша мало надежная и небоеспособная, будут стараться увильнуть от войны, начнут дезертировать, пальцы рубить и искать выхода. У нас привыкли только кричать в мирной обстановке, а сейчас оказалась одна бестолковщина и нет никакого порядка» [\[113\]](#).

8 июля сотрудник Управления военно-учебных заведений НКО полковник Ковардин считал, что «немцы теснят нашу армию. Надо отдать справедливость: у немцев четко организован армейский аппарат, не то, что у нас и нам надо у них в этом отношении поучиться» [\[114\]](#). По мнению сотрудника Управления боевой подготовки полковника Вишнякова, что «наши прохлопали с развертыванием, надо было к этому готовиться раньше, а теперь неизвестно, что получится... Германская армия хорошо организована, дисциплина значительно сильнее, войска имеют большой опыт боевых действий, и организация управления войсками поставлена высоко. Наличие этих фактов дает возможность немецким войскам продвигаться на нашу территорию» [\[115\]](#).

11 июля генерал-майор артиллерии Внуков полагал, что «Красную Армию сильно бьют. В сводках фактических данных о потерях нет. Зная организацию во время финской кампании, я могу себе представить, что сейчас происходит и как наших колошматят. Дальнейшее продвижение немцев очевидно и, возможно, Москву ждет повторение 1812 года» [\[116\]](#).

13 июля лектор Отдела пропаганды Управления политической пропаганды Юго-Западного фронта старший политрук Теличко (член ВКП(б)) полагал, что «мы отступаем потому, что наши генералы бездарные полководцы, поэтому они не могут организовать отпор и наметить удар по

врагу. Я поражен этим. Немцы инициативнее и хитрее». По мнению заместителя начальника отделения по понтонным войскам капитана Химочкина, «наше отступление не иначе как связано с делом рук предателей и, безусловно, предателей из числа больших военных чинов. Это подтверждается тем, что наши части в первый день войны воевали лопатами, без оружия» [\[117\]](#).

8 июля начальник Отдела политической пропаганды 28-й танковой дивизии Северо-Западного фронта батальонный комиссар Третьяков полагал, что «наши генералы brave в мирное время, в военное время превратились в мокрых кур, растерялись и наводят панику в частях. Примером может служить заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Сафронов. Противник был еще в Ионишках, а мы отступали из Риги и на вопрос, почему отступаем, он ответил: “Немец под Митавой, надо спасать армию, вывести и взорвать мосты, не дав ему дальнейшего продвижения”». По мнению командира 28-й танковой дивизии полковника Черняховского, «мне кажется, что о действительном положении на фронте и о количественном составе противника в Москве не знают. За время боевых действий я не видел у противника хорошо сформированных частей, ни в одном месте они не выставили крепких сил, а выбрасывают отдельные группы и если им дать бой, они бегут и идут там, где нет войск. С 2 июля наша дивизия отступает. Так можно отступать до Москвы. Я со всей ответственностью заявляю, что если бы мне дали укомплектованную дивизию и оставили те войска, которые находятся в районе Острова и Пскова, я в течение двух дней выгнал бы противника за пределы наших границ и дальше». Как указывал помощник начальника 2-й части штаба 28-й танковой дивизии капитан Козлов, «среди красноармейцев, когда им говоришь об отступлении, идет массовое недовольство и буквально приходится вытаскивать из окопов, люди хотят драться, а приказы отступать» [\[118\]](#).

* * *

Таким образом, документы военной контрразведки свидетельствуют о наличии целого комплекса причин неудач советских вооружённых сил в начальный период Великой Отечественной войны. Наиболее часто указываемой в документах проблемой войск являлась не организованность и неразбериха, существовавшие в армии и в мирное время, но ставшие

серьезным препятствием к организованным действиям с началом войны. Этому немало способствовали паника и растерянность определенной части личного состава, возникшие в результате как внезапного нападения противника, так и неудачных боевых действий своих частей в первые дни войны. Можно предположить, что в это время большая часть личного состава Действующей армии пережила психологический надлом, связанный как с переходом от мирной жизни к войне, так и с явным расхождением образа войны, сформированного в сознании советских людей накануне 22 июня 1941 г., и реалий боевых действий. Не имея опыта борьбы с равноценным противником, советские войска не имели ни психологических, ни практических навыков действий в динамичной, резко меняющейся обстановке, в условиях прорыва фронта противником, окружений и отступлений. Все это накладывалось на такой стереотип общественного сознания как неверие в свои силы. Если в мирное время эта особенность общественных настроений проявлялась лишь в разговорах, то во время войны она стала питательной почвой для распространения паники и неустойчивости войск. Фактически войска действующей армии, неожиданно для себя вовлеченные в боевые действия, переживали острое шоковое состояние, в котором любые самые фантастические слухи и предположения практически сразу же воспринимались как достоверные факты, воздействуя на поведение больших масс людей.

Ещё одним бросающимся в глаза фактом является слабая профессиональная подготовка определённой части командного состава Красной армии. Это стало ещё одной причиной неразберихи, неустойчивости и паники в войсках. Не умея организовать своих подчиненных на выполнение боевых задач, такие командиры лишь подталкивали бойцов к убеждению в заведомом неуспехе любых собственных действий. Конечно, приведенные выше выдержки из документов военной контрразведки не дают возможности дать какие-либо количественные оценки подобных негативных явлений, однако они вполне позволяют констатировать, что в начальный период войны Красная армия явно не являлась отлаженным военным инструментом, готовым выполнить любой приказ Главного командования. Неорганизованное вступление в бой, отсутствие разведки, связи и управления соединениями, частями и подразделениями, а также снабжения и взаимодействия войск на поле боя, все это, по сути, превращало Действующую армию в значительной степени в вооруженную толпу, не имеющую возможности оказать серьезный отпор противнику. Естественно, что в такой ситуации заметное распространение получили настроения относительно готовности к сдаче в плен. Конечно,

это не означает, что в массе своей советские военнослужащие мечтали сдаться в плен, но в ситуации неудачного для Красной армии начала войны, когда шок от перехода от мирной жизни к военному быту и от поражений на фронтах стал питательной средой для таких настроений, неустойчивый боец видел выход из ситуации в сдаче в плен или в дезертирстве. Не случайно, что к 20 июля 1941 г. оперативными заслонами и заградительными отрядами было задержано 103 876 человек, по той или иной причине «потерявших» свои части, большая часть которых была вновь отправлена на фронт. С 20 по 26 июля было задержано ещё 25 355 человек, из которых 1189 было арестовано за шпионаж, трусость, дезертирство и дезорганизацию фронта, а 505 было расстреляно ^[119]. К 31 июля германские войска взяли в плен 814 030 советских военнослужащих ^[120].

Понятно, что в этих условиях успешные действия отдельных воинских формирований Красной армии не увязывались в единую систему и не оказывали заметного влияния на ситуацию на фронте. Однако благодаря им противник нес все более серьезные потери, что в перспективе вело к созданию условий для срыва германского «блицкрига». Конечно, для современников и участников тех далеких событий этот результат был отнюдь не очевиден. К сожалению, боевые действия советских войск в начальный период войны не оказали заметного влияния на реализацию планов германского командования. К исходу 9 июля германские войска успешно развивали наступление согласно плану «Барбаросса». Группа армий «Север» продвинулась на 450–500 км до Центральной Эстонии и вышли на фронт Псков — Остров — Опочка — Себеж. Войска группы армий «Центр» вышли на фронт Полоцк — Витебск — Орша — Жлобин, продвинувшись на 450–600 км. На Юго-Западном фронте советские войска с 1 июля начали отходить на линию старых укрепленных районов, но части 1-й танковой группы противника успели преодолеть эти укрепления до их занятия советскими частями. К 9 июля группа армий «Юг» в Западной Украине продвинулась на 300–350 км. Потери сторон в начальном периоде войны показаны в таблице .

Потери сторон к 10 июня 1941^[121]

Красная Армия / Вермахт

Личный состав 815 700 / 79 058
Орудия и миномёты 21500 / 1061
Танки 1178 / 3350
Самолёты 4013 / 826

Тем не менее, несмотря на потери и поражения первых недель Великой Отечественной войны, Красная армия вовсе не была разгромлена. Вопреки ожиданиям германского руководства, да и большинства сторонних наблюдателей, оказалось, что действия советских вооруженных сил постепенно принимают все более организованный и целенаправленный характер. Это давало самое в тот момент главное — выигрыш времени, что в свою очередь позволяло советскому военно-политическому руководству более полно использовать военно-промышленный потенциал и мобилизационные возможности Советского Союза. В итоге Красной армии в 1941 г. удалось совершить то, что до того не смог сделать ни один из противников Третьего рейха — удержать фронт и перевести войну в затяжную, выиграть которую Германия в тех условиях не могла.

Александр ОСОКИН

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА: НОВАЯ ВЕРСИЯ

(отрывок из книги «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны»)

22 июня 1941 г. — одна из самых страшных дат в жизни нашего народа, с которой связаны невосполнимые утраты в каждой семье нашей страны и которая навсегда оставила вопросы: как такое могло случиться и кто за это несет ответственность? Пока ответы на них не даны...

Основные известные версии причин успеха фашистского blitzkriegа против СССР на первом этапе войны.

1. Советская официальная версия, не пересмотренная со времен Сталина. Вероломно, без объявления войны, нарушив заключенные в 1939 г. советско-германские соглашения (Пакт о ненападении и Договор о дружбе и границе), с превосходящими силами, имея двухлетний опыт войны и более совершенную военную технику, собрав под свои знамена всю Европу, Германия напала на СССР.

2. Версия Хрущева. Сталин, создав культ собственной личности, опасаясь потерять власть, вёл политику репрессий против партии и народа, уничтожил значительную часть высшего и среднего состава Красной Армии, сильно ее ослабив. Это стало очевидным во время бездарной финской войны и спровоцировало Гитлера на клятвопреступное нарушение Пакта и Договора и нападение на СССР.

3. Версия о предательстве высшего генералитета. Эта версия — самая старая, получившая хождение ещё с 1937 г., на основании её были произведены чудовищные предвоенные репрессии против военных. Почему-то, несмотря на разоблачения культа личности и юридическую и моральную реабилитацию невинно уничтоженных командиров Красной Армии, в последнее время появился целый ряд книг и даже серийных

изданий, активно поддерживающих эту версию. Мало того, в них делаются довольно прозрачные намеки в адрес самых высоких военачальников Красной Армии периода начала войны — вплоть до наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова.

Скорее всего, поводом для подобных «открытий» и нового витка этой столь привычной для довоенного советского времени и довольно дикой для сегодняшнего дня версии стали опубликованные в последние годы (после открытия архивов и окончания сроков давности документов) многие невероятные факты предвоенного советско-германского сотрудничества, которые без понимания их истинной причины вполне могут быть приняты за предательство.

4. Версия перебежчика Резуна-Суворова (проанглийская). Сталин сам готовил революционную войну СССР против капиталистического Запада, которая должна была начаться с нападения на Германию. Для этого он стянул войска к границе, увеличил численность Красной Армии с 3,5 до 5 млн. человек. Гитлер, узнав об этом, нанёс упреждающий удар по разворачивающимся советским войскам. Сталин же был абсолютно уверен, что, не покончив с Англией, Гитлер на два фронта воевать не будет.

5. Официальная версия российского правительства, действовавшая в 1992–2000 гг. (нечто среднее между версиями Хрущева и Резуна). Ее главные элементы: Сталин вскормил Гитлера, фашистский меч ковался в СССР (имеется в виду послерапальское советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1922–1933 гг.).

6. «Обывательская». Главной причиной колоссальных потерь первых дней войны были наша российская безалаберность и наведение порядка лишь после полученного удара, как это почти всегда бывает в России.

Следует отметить, что все вышеуказанные объяснения причин поражения советских войск в первые дни войны (как и ряд других, не перечисленных здесь) рано или поздно отпадали или получали мощный отпор от историков, писателей и публицистов. Рассмотрим их мнения и комментарии к ним.

7. Версия о «стихийном, никем не управляемом восстании в Красной Армии (впервые была приведена в книге И. Бунича «Операция “Гроза”. Ошибка Сталина»). Её суть в изложении И. Бунича: «...на тысячекилометровом фронте миллионы офицеров и солдат преподнесли предметный урок преступному режиму, начав с открытием военных действий массовый переход на сторону противника». Однако, как свидетельствуют факты, массовое попадание в плен в первые дни войны

происходило по не зависящим от командиров и красноармейцев обстоятельствам.

Довольно близка к версии И. Бунича версия М. Солонина, изложенная в книге «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?», объясняющая неслыханный разгром Красной Армии в первые дни войны эффектом «бочки, с которой сбили обручи». М. Солонин имел в виду то, что «мощнейший удар, нанесенный вермахтом, разрушил старый страх новым страхом, а “наган” чекиста как-то потускнел и затерялся среди грохота десятков тысяч орудий, среди лязга гусениц десятков тысяч танков».

8. Версия о том, что «Советское правительство провоцировало политическое и военное руководство Германии на боевые действия, и потому и не приводило войска в боевую готовность, проявляя мнимую беспечность... чтобы в глазах мирового сообщества выглядеть не агрессором, а страной, подвергнувшейся нападению» (изложена в книге Р. Иринархова «Прибалтийский Особый»).

Весьма похожий взгляд на эту проблему излагают Я. Верховский и В. Тырмос в своей книге «Сталин. Тайный “сценарий” начала войны»: «Только став жертвой гитлеровской агрессии, СССР мог получить поддержку Англии и Америки, в том числе главную — “ленд-лиз”». Для этого Сталин якобы должен был разыгрывать «сценарий» полного неведения о подготовке к нападению агрессора, с которым у него был подписан договор о ненападении...

Приношу признательность авторам всех упомянутых книг, из которых я почерпнул большое количество интереснейших и важнейших фактов о подготовке и начале Великой Отечественной войны, что помогло мне прийти к новому пониманию причин катастрофы 22 июня 1941 г. и создать новую гипотезу начала Великой Отечественной войны, избежав огромной работы с архивами и первоисточниками. Хотя я не разделяю выводы и главные идеи этих книг, совершенно не согласен с версией о подготовке удара советских войск по немецким, а разговоры о предательстве советского генералитета считаю просто неприличными.

Неожиданность нападения Гитлера

С момента прихода Гитлера к власти неизбежность военного столкновения с Германией была очевидна. До этого в течение десятилетия (1922–1933 гг.) активного советско-германского военного и военно-

технического сотрудничества две страны давали другу полную картину состояния своих армий, стратегии, тактики и военной техники. Поэтому СССР имел реальную возможность принять необходимые контрмеры. Все ресурсы страны были брошены на обеспечение нужд Красной Армии. Уже в 1939–1940 гг. промышленность СССР была переведена на военные рельсы, численность Красной Армии увеличена. Сам факт прямого противостояния огромных группировок советских и немецких войск в 1939–1941 гг. указывал на возможность их столкновения.

Объяснение советского руководства и историков по поводу неожиданности нападения Германии: наши части только разворачивались, поэтому не были готовы к удару. Объяснение В. Суворова-Резуна: советские части готовились лишь к наступлению, а не к обороне. В 1941 г. немецкого удара ждали все, предупреждали о нём, но почему-то он оказался неожиданным лишь для И. В. Сталина.

Превосходящие силы и техника фашистских войск

К настоящему времени стало довольно точно известно соотношение советских и германских сил на советско-германской границе 22 июня 1941 г.

Количество	Советских	Германских	Соотношение
Дивизий	190	166	1,15:1
Солдат	3 289 851	4 306 800	1:13
Танков и штурмовых орудий	15687	4171	3,8:1
Самолётов	10743	4846	2,2:1
Артиллерии — орудий и миномётов	59787	42604	1,4:1

Из этой таблицы (по М. Мельтюхову) видно, что о превосходстве немцев говорить не приходится. Так, например, тяжелых танков (более 40 тонн) у немцев вообще не было, а в Красной Армии — 564 машины (504 новейших КВ и 59 Т-35); средних танков (более 20 тонн) у немцев было 990, а у Красной Армии — 1373, в том числе 892 новейших Т-34 и 481

T-40.

Ресурсы СССР и Германии были несоизмеримы, поэтому первую часть Второй мировой войны (1939–1941 гг.) Гитлер провёл с помощью ресурсов, полученных от СССР, вторую же он мог провести, лишь получая их от Франции и Англии либо накопив их на несколько месяцев блиц-крига за счёт прошлых поставок СССР, а в 1941–1944 гг. используя ресурсы оккупированных территорий СССР.

Превосходство немцев в боевом опыте

Здесь тоже неувязка: некоторые авторы подсчитали, что непосредственные боевые действия немецкие войска во Второй мировой войне до 22 июня 1941 г. вели всего лишь в течение 17 дней (7 дней в Польше и 10 дней во Франции). В эти же два года Красная Армия вела боевые действия в течение значительно большего времени (Халхин-Гол — 2 месяца, Финляндия — 4 месяца). Явный перевес имели лишь летчики Люфтваффе, получившие богатый опыт боев в небе Англии.

Возражения против версии о предательстве генералитета

Главная причина возникновения мыслей о предательстве — непрофессиональные и необъяснимые приказы и действия нашего военного командования в последние предвоенные дни, приведшие к катастрофе 22 июня 1941 г.:

запреты занимать предполье и укрепрайоны, выдавать снаряды и горючее в приграничных частях, сбивать немецкие самолеты-нарушители;

приказ сосредоточить вблизи границы огромное количество воинских соединений, находящихся из-за отсутствия боеприпасов и горючего в небоеспособном состоянии;

создание в непосредственной близости от границы большого количества аэродромов и сосредоточение на них основных сил фронтовой и бомбардировочной авиации, а также складов основных запасов боеприпасов, горючего, амуниции и многое другое.

Совершенно очевидно, по чьему устному указанию издавались все эти приказы, давались запреты, разрешения и распоряжения. По его же устным указаниям или с его одобрения готовились и невнятные Директивы наркома обороны № 1, № 2 и № 3.

Возражения против хрущевской версии

Некоторые авторы считают, что предвоенные репрессии не только избавили страну от пятой колонны, но даже укрепили Красную Армию. Их логика такова: многие репрессированные командиры Красной Армии были участниками Гражданской войны и тянули назад в прошлое, к кавалерии. Их уход даже выдвинул молодые современные кадры (автор категорически не разделяет этого мнения).

Возражения и соображения по версии Резу на-Суворова

У версии Суворова есть 2 главных постулата:

— Гитлер не агрессор, он лишь упредил агрессора — Сталина.

— К началу войны Германии и СССР Англия ни какого отношения не имеет. И вообще, Вторую мировую войну начали два агрессора — Гитлер и Сталин, которые потом поссорились. (Об «объективности» Суворова можно судить хотя бы по тому, что в его основополагающей книге «Ледокол» имя «Гесс» даже ни разу не упоминается, как будто за 1,5 месяца до начала Великой Отечественной войны первый заместитель Гитлера по партии не оказался в Англии. С чего бы это?)

При всей своей сенсационности (в момент появления) версия Суворова является не более чем проанглийским вариантом геббельсовско-риббентроповского объяснения причин нападения Германии на СССР, изложенного в том числе в ноте, которая, как выяснилось в последние годы, всё-таки была вручена германским послом в Москве Шуленбургом Молотову и в Берлине советскому послу Деканозову Риббентропом ранним утром 22 июня 1941 г.

Наша отечественная безалаберность

Она, конечно же, имела место и тогда, однако в необычайно ослабленном, по сравнению с любым другим периодом, виде. Сказывался сталинский жесткий порядок, где и за расхлябанность можно было стать «врагом народа». Действовали независимо друг от друга несколько жестких контролей — партийный, государственный, органов безопасности и внутренних дел... Так что думается, в 1941 г. в нашей стране

безалаберности было гораздо меньше, чем в любое другое время.

Возражения против версии о «стихийном восстании»

Главное возражение — это ментальное неприятие русским человеком предательства в принципе. Какими бы, пусть даже самыми высокими идеями оно ни объяснялось, — ни понимания, ни прощения народа предатель или перебежчик в нашей стране никогда не получал. Исторические тому примеры — Святополк, князь Курбский, Лжедмитрий I, царевич Алексей Петрович, гетман Мазепа и др. Даже невозвращенцы периода сталинских репрессий особыми симпатиями народа в последующем никогда не пользовались. Массовое предательство русских — невероятное предположение!

Другое очень веское доказательство несостоятельности версии И. Бунича — автора неправильного вывода о «стихийном восстании Красной Армии» заключается в том, что даже имея миллионы советских военнопленных и найдя главного предателя — генерала Власова, готового возглавить антисталинскую Русскую освободительную армию, немцы долго не создавали эту армию, а когда создали, то оставили ее без оружия, не доверяли ей и использовали в основном на Западе, а на Востоке — лишь в самом конце войны.

Миллионы советских бойцов и командиров, попавших в плен в 1941 году, не были предателями, скорее они были преданы, ибо не знали тайных планов высшего руководства страны, а потому не понимали подоплёки происходящего перед войной и в её первые дни

По поводу солонинской «рассыпавшейся бочки», с которой слетели «обручи страха». Образ яркий, однако неточный. Он относится к июньским дням 1941 г., когда раскатившиеся «обручи» страха перед сталинским режимом заменялись на другие — «обручи» плена и оккупации, где страха было неизмеримо больше. В России в моменты войны с захватчиками проявляется патриотизм, в мирное время почти неощущаемый, который не рассыпает народ и страну, а спаивает воедино. Так, в 1812 г. русские крепостные не отреагировали на посулы Наполеона дать им волю, а насмерть бились с иноземцами в одних рядах со своими господами. Не случайно Сталин повторил в названии войны с Германией слово,

рожденное в далеком 1812 г., — «Отечественная».

Возражения против версий «Провоцирование немцев на нападение» и «Мнимая беспечность — жертва во имя получения помощи по ленд-лизу»

Первое возражение — вопиющая несоразмерность понесенных жертв и ожидаемой помощи.

Второе — неизбежность нанесения в этом случае Красной Армии нового тяжелого поражения, которое после неудачной Финской кампании окончательно подорвало бы ее моральный дух и авторитет, с чем вождь никак не мог согласиться.

Эти версии кажутся весьма надуманными и имеют лишь одну цель — хоть чем-то объяснить совершенно необъяснимое нетерпимое отношение Сталина к доводимым до его сведения предупреждениям и фактам, свидетельствующим о подготовке Гитлера к нападению на СССР. Они сильно смахивают на народную байку: «Выбью себе глаз — пусть у моей тещи-гадины будет зять кривой!».

Все вышеприведенные версии направлены на то, чтобы хоть как-то объяснить необъясненный до сих пор неслыханный разгром 22 июня 1941 г. мощнейшей армии мира. В одной из своих последних статей В. Суворов-Резун написал: «Правильность любой теории измеряется ее объясняющей силой... Моим оппонентам не надо меня ни разоблачать, ни уличать. Им надо найти другое — простое, понятное, логичное объяснение тому, что случилось в 1941 году. Пока они другой теории не придумают, “Ледокол” будет продолжать своё победное плавание». Тут Владимир Богданович явно погорячился — его гипотеза теорией ещё не стала, хотя одно важное дело она действительно сделала — взломала незыблемый лед официальной версии начала войны, которая, мягко говоря, не очень соответствовала истине. Однако объяснения всему происшедшему в первые дни Отечественной войны «ледокольная» версия не дала — ведь если Сталин готовил нападение на Германию, советские войска должны были подтягиваться к границе и иметь полный комплект боеприпасов и горючего, они же были оттянуты от нее на 30—100 километров и не имели ни боеприпасов, ни горючего. Не объясняет она еще нескольких важных вещей — почему вдруг оказалась отложенной операция «Морской лев», зачем Гитлер отпустил 400 тысяч солдат противника из Дюнкерка в

Англию, почему материалы о пребывании Гесса в Англии засекретили на 25 лет свыше установленного законом срока (в некоторых публикациях указывается даже более страшная цифра — на 50 лет!), почему Суворов-Резун в своих многочисленных книжках ни разу даже не упомянул имя «Гесс», почему первые бомбежки советской территории 22 июня начались за полтора — два часа до назначенного фюрером срока, зачем в последние дни перед началом войны в приграничной полосе СССР меняли ширину железнодорожной колеи с русской на европейскую? Почему 22 июня 1941 г. Гитлер против своего желания нарушил сразу две заповеди своих великих предшественников — начал войну против России и повел войну на два фронта?

На все эти вопросы постарается ответить автор этой статьи.

Новая версия начала Великой Отечественной войны (гипотеза)

5 мая 1941 г. Сталин выступил с речью перед выпускниками военных академий на приеме в Кремле. В ней он, не называя противника, неожиданно объявил, что СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну, к которой страна готова. **6 мая 1941 г.** было объявлено, что Сталин назначен председателем Совнаркома, т. е. впервые официально принял на себя всю полноту власти. Ни одного события внутри страны и вне её, ради которого он мог пойти на столь серьезный шаг, не было. Остается предположить, что оно намечалось. Таким событием могла стать война. С кем же? С фашистской Германией? Но в это время Сталин боялся даже мелких провокаций, способных вызвать недовольство Германии, а тут вдруг такое. Значит, **он почему-то не опасался, что Гитлер неправильно поймет факт его назначения советским премьером.** Скорее всего, потому, что **в виду имелаась другая война — та, которую Сталин мог пообещать Гитлеру вести совместно, и эта война могла быть только против Англии.**

Англия до этого делала многое, чтобы направить острие агрессии фашистской Германии на Восток, о чем свидетельствуют, например, Мюнхенские соглашения, подписанные без СССР, политика невмешательства в Испании, «странная война» 1939 — 40 гг., приведшая к разгрому Франции, уходу английских войск с материка и оккупации большей части Европы немецкими войсками.

Несколько фактов, подтверждающих эту догадку: наши новейшие истребители МиГ-3 имели «потолок» 7 километров, однако **на такой**

высоте летали не немецкие, а английские бомбардировщики; по указанию Сталина большое количество советских транспортных судов (в первую очередь, еще недавно принадлежавших трем прибалтийским республикам) было передано Германии для участия в высадке в Англии (операция «Морской лев»).

10 мая 1941 г. произошло сенсационное событие, спутавшее карты на политическом столе Европы: **первый заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс оказался в Англии!** Сообщалось, что он перелетел в нее на одноместном истребителе Me-110 и спрыгнул с парашютом над Шотландией. Берлин утверждал, что это поступок умалишенного. Москва серьезно опасалась, что Гесс выполнял специальное поручение Гитлера, прилетел в Англию с проектом договора о совместных боевых действиях против СССР и, возможно, рассказал о согласии СССР осуществить вместе с Германией высадку в Англии. Не исключено, что Черчилль в ответ на это обманул немцев, подписал этот договор и отправил его Гитлеру. А когда Гитлер ударил по СССР, фактически открыв губительный для себя второй фронт, Черчилль никаких действий против СССР не предпринял, а напротив, немедленно предложил Сталину союз и всемерную помощь.

Известно, что до последних своих дней Гитлер в кругу соратников восхищался Сталиным, под руководством которого Германия была разгромлена, и проклинал Черчилля, армии которого внесли в этот разгром несравненно меньший вклад. **Может быть, именно за то, что Черчилль переиграл его в 1941 г. и столкнул Германию с Советским Союзом, что и стало началом её краха?**

Тайна начала Великой Отечественной войны бросает тень на многих, не исключено, что именно поэтому в конце 80-х гг., когда руководство СССР впервые стало склоняться к соглашению на освобождение из пожизненного заключения 93-летнего старика по имени Рудольф Гесс, он был убит — задушен в тюрьме Шпандау — с имитацией самоубийства.

Будучи воссозданной сегодня по различным опубликованным материалам, ибо прямых подтверждающих ее документов пока нет, **на взгляд автора, история начала ВОВ выглядит следующим образом.**

После молниеносного разгрома Германией в мае-июне 1940 г. Франции Сталин понял, что ему надо немедленно вступать во Вторую мировую войну, иначе впоследствии придется иметь дело с противником, не истощенным долгой войной, а усилившимся от побед и захвата сырьевых баз. Поэтому он в течение месяца занял Прибалтику, признанную по договорам с Германией 1939 г. сферой интересов СССР, прихватив лишку — Бессарабию. Воевать против Гитлера он был еще не готов, более

того, Гитлер, захватив после капитуляции Франции в июне 1940 г. документы о намерении Англии и Франции во время советско-финской «зимней» войны вступить в нее на стороне Финляндии, наверняка предъявил их Сталину. Может быть, это и повлияло на решение Сталина **участвовать вместе с Германией в ее главной стратегической операции — высадке десанта в Англию.** На мой же взгляд, Сталин с этой десантной операцией разыгрывал беспроигрышный для себя стратегический вариант: его флот, парашютно-десантные и механизированные корпуса, участвующие в десанте, с помощью Германии выносились далеко на Запад на берег Северного моря. При этом Сталин получал возможность или действительно высадить десант в Англии, или же договориться с англичанами и ударить по Германии с Запада и образовать там вместо англо-французского фронта с его «странной войной» весьма горячий советско-германский фронт, т. е. взять Гитлера в клещи. Свое согласие на высадку в Англии с помощью немцев он объяснил бы как хитроумный маневр (нечто вроде одиссеевского троянского коня), что позволило бы ему получить, в конце концов, моральную и материальную поддержку Запада и Америки и разгромить Гитлера, энергично атакуя его с двух сторон.

Но Сталин сильно просчитался в оценке способности западных стран долго противостоять Германии на европейском континенте, так как ожидал, что силы противоборствующих сторон примерно равны, из-за чего война превратится в долгую и позиционную, как это произошло во время Первой мировой войны. Гитлер же разгромил Францию в считанные дни и готовился к высадке десанта в Англии...

Почему Гитлер отпустил английский экспедиционный корпус?

В конце мая 1940 г. Гитлер вдруг принял загадочное решение об остановке своих успешно наступающих танковых соединений в нескольких километрах от порта Дюнкерк., где были окружены английский экспедиционный корпус в Европе и остатки французской армии. Несколько дней этой остановки дали возможность разнообразным английским судам — от океанских лайнеров до частных яхт и баркасов — перевезти через Ла-Манш почти всех своих солдат, в результате чего в Англии, где войск-то было всего ничего (ее основные войска были раскиданы по колониям), оказалось дополнительно 340 тысяч обстрелянных солдат и офицеров (немецкая авиация и флот этой эвакуации почему-то особо не препятствовали).

Своим генералам Гитлер объяснил остановку танковых частей якобы стремлением сберечь танки для войны в России. Для англичан же это был намек об особом отношении Гитлера к своей англо-саксонской родне. На взгляд автора, причина этого была совсем другой: **Гитлер уже тогда знал, что высадку десанта в Англию будет осуществлять не Германия, а ее союзник (или же не одна Германия, а вместе с союзником), и ему очень хотелось, чтобы союзник при этом понес максимальные потери.** Таким союзником в тот момент мог быть только СССР, имеющий мощные авиадесантные соединения и вышедший на исходные позиции для десантной операции, заняв Прибалтику с ее портами, откуда могли отправляться морские суда и транспорты с техникой и пехотой.

Такое понимание загадки Дюнкерка объясняет и постоянно упоминавшиеся Сталиным перед войной «два года», которых ему не хватало для полной готовности к этой уникальной десантной операции, которая, если бы состоялась, по сложности значительно превосходила бы высадку союзников в Нормандии в 1944 г. (кстати, готовившуюся ровно три года).

Нельзя не заметить, что и боевые действия фашистской Германии в Европе в тот период прямо способствовали выходу СССР к Англии: захват Дании давал полный контроль над проливами, через которые можно выйти из Балтики, а оккупация Норвегии открывала самый короткий путь к Англии для советского Северного флота. Да и советско-финская война велась в первую очередь из-за балтийских портов. Так что многое косвенно подтверждает версию автора.

Лето 1940 г.

Всё лето 1940 г. Гитлер и Сталин готовят десантную операцию. Наступает осень, время уходит, Гитлер нервничает — высадка может отложиться на целый год, а за это время может многое измениться, Черчилль же ведет чрезвычайно активную и хитроумную политику, прежде всего втягивая в войну против Гитлера СССР и Америку. Гитлер отлично понимает, что война с Англией — это еще и война в ее колониях, откуда в метрополию будут поставляться живая сила и ресурсы. Для её ведения он завершает создание Тройственного союза на базе бывшего Антикоминтерновского Пакта (прежний был, очевидно, направлен против СССР, к радости Запада, новый же мог повернуть в любую сторону и давал возможность СССР войти в него). Создание оси «Берлин-Рим-Токио»

существенно изменило ситуацию в мире, теперь война действительно превращается в мировую. Договоренности Германии и СССР августа-сентября 1939 года большей частью реализованы, Гитлеру понятно, что в этой новой ситуации СССР вновь начнет искать свое место и может качнуться в сторону Англии. Поэтому 27 сентября 1940 г. Германией, Италией и Японией подписывается Пакт трех, а уже 15 октября Риббентроп от имени Гитлера просит советского вождя о встрече. Сталин же, успевший понять, что перед мировым общественным мнением от Гитлера лично ему надо дистанцироваться, посылает в ноябре 1940 г. в Берлин советскую правительственную делегацию во главе с Молотовым. В нее входили несколько наркомов и первых заместителей руководителей и ответработников основных наркоматов.

Делегация Молотова в Берлине

Уже по численности делегации (65 человек) видно, что в программу встречи входило создание какого-то серьезного совместного документа. Если принять во внимание, что одним из встречающих ее на вокзале в Берлине был генерал-фельдмаршал Кейтель — высший (после фюрера) военачальник Германии, военный аспект этих переговоров очевиден.

Есть несколько источников сведений о пребывании советской делегации в ноябре 1940 г. в Берлине — рассказы самого Молотова Ф. Чуеву, воспоминания переводчика В. Молотова и И. Сталина В. Бережкова, рассказ управделами Совнаркома Чадаева Г. Куманеву об отчете Молотова об этой поездке на Совнаркоме, мемуары Риббентропа, переводчика Гитлера П. Шмидта и другие. Наиболее интересный источник — рукописные молотовские записи указаний, данных ему Сталиным на эту поездку, недавно введенные в научный оборот Л. Безыменским в книге «Гитлер и Сталин перед схваткой».

Обобщив информацию всех указанных источников, получаем следующую картину этих переговоров. Во время первой главной встречи Молотова с Гитлером последний много говорил о развале Британской империи, о необходимости раздела ее наследства и предлагал СССР часть Ирана и Индию. Он также предложил СССР присоединиться к пакту «Берлин-Рим-Токио». Молотов якобы возмущенно отказался. После чего на следующий день Молотов вновь имел переговоры с Гитлером, а на следующее утро советская делегация уехала. Что же делали в течение 48 часов остальные 63 члена советской делегации, совершенно неясно.

О содержании переговоров дают некоторое представление уже упоминавшиеся указания Сталина Молотову о целях поездки в Берлин от 9 ноября 1940 г. Их заголовок: «Некоторые директивы к Берлинской поездке». В нем указаны следующие главные задачи, поставленные Сталиным Молотову.

1. Выяснить, как предлагает Гитлер делить мир по заключаемому пакту (в этих записях он назван «Пактом трёх»).

2. Обозначить сферу интересов СССР (Финляндия, Болгария, Венгрия, Турция, Иран). СССР не может быть в стороне от принятия решений по Греции, Югославии, нейтралитету Швеции. Необходимо добыть почетный мир для Китая (с Чан-Кай-Ши).

3. **Ничего не подписывать**, имея в виду организацию продолжения переговоров в Москве, куда затем должен приехать Риббентроп.

По мнению автора, тут и зарыта собака ноябрьских переговоров в Берлине: Гитлер более всего хотел **зафиксировать на бумаге присоединение СССР к оси**, что сломало бы непреклонность Англии, возглавляемой Черчиллем. Сталин, казалось, был готов участвовать в дележе мира с Гитлером, но не хотел афишировать это. Скорее всего, здесь и надо искать результат берлинских переговоров: **стороны договорились, но не опубликовали договоренность**. Возможно, даже разыграли недоговоренность, например, Гитлер не явился на прием в Советское Посольство. А договариваться они могли, скорее всего, лишь об одном — **об участии СССР в десантной операции в Англии**. Ибо у Гитлера выбор был весьма ограничен: бросок или на Запад, или на Восток. Он же не мог долго держать без дела под ружьем свои отмобилизованные дивизии, а воевать на два фронта не собирался.

Молотов увёз в Москву немецкий вариант «Пакта четырех», однако **Сталин ни в Берлине, ни в Москве к «Пакту трёх» официально не присоединился** — не захотел быть с агрессорами и поджигателями войны в одной компании. Но союз он с ними всё-таки оформил, заключив с каждым отдельный договор — с Японией Пакт о ненападении, подписанный 13 апреля 1941 г. Мацуокой в Москве, с Германией уже существовал Договор о дружбе от 28 сентября 1939 г., а возможно был подписан и новый. С Италией еще 26 июня 1940 г. был подписан договор, продлевающий действие советско-итальянского Пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете от 2 сентября 1933 года. Поэтому Сталин с Молотовым могли считать, что они **обманули всех**.

25 ноября 1940 г. Молотов пригласил посла Германии Шуленбурга и сообщил о готовности СССР подписать «Пакт четырех» о политическом и

экономическом сотрудничестве с поправками; в частности, секретных протоколов предлагалось сделать пять. Текст был передан, однако ответа от Гитлера так и не последовало. Вообще после этого до 22 июня 1941 г. между СССР и Германией не было никаких переговоров, оформленных документами, если не считать подписанного в Москве **10 января 1941 г.** секретного протокола об отказе Германии от неуказанной области Литвы и денежной компенсации, выплачиваемой ей за это СССР в сумме 7,5 млн. золотых долларов. Лишь в 2006 г. появилась публикация о том, что **это была Сувалкская область.** Автор считает, что Сталин заплатил такую огромную сумму (равную цене, за которую Россия когда-то продала США Аляску) за возможность использовать **Августовский канал** для провоза своих барж к Северному морю через реки и каналы Польши и Германии при подготовке десанта в Англии.

Рядом с «заключенными друзьями»

Советский Союз начинает активно готовиться к вступлению в войну — увеличивается численность Красной Армии, промышленность переводится с шестидневной на семидневную неделю, рабочий день увеличивается на час, вводится закон об уголовной ответственности за опоздания и прогулы и т. п. В серийное производство запускаются образцы выдающейся военной техники: новейшие самолеты, танки, «Катюши» и т. д. Войска стягиваются к западным границам. Некоторые авторы все это объясняют подготовкой к нанесению превентивного удара по немецким войскам. Но чем же тогда объяснить максимальные уступки и сотрудничество СССР с немцами во всем в этот же период?

А допуск немецких **военных** комиссий в присоединенные к СССР Латвию, Литву и Эстонию якобы для оформления выезжающих в Германию местных немцев и поиска захоронений периода Первой мировой войны и т. п.? А непрерывное нарушение воздушных границ СССР немецкими самолетами безо всяких для них последствий? (Наши самолеты, оказывается, тоже летали тогда над германской территорией, а в портах Германии находились советские военные представители.) В некоторых публикациях указывается, что поставки, осуществленные из Германии в СССР в 1939–1941 гг., носили не только информационный, но и **инновационный** характер, в значительной степени обеспечив смену поколений техники и технологии в ряде отраслей советской промышленности. То есть **Третий рейх внес значительный вклад в**

развитие и совершенствование оборонной мощи своего главного противника во Второй мировой войне. Почему же?

А показ немцами советским делегациям абсолютно всего, в т. ч. новейшей секретной авиатехники? (Кстати и немецкой делегации авиаспециалистов, прибывшей вскоре после этого в Москву, было показано почти все.) А передача Германией в счет поставок СССР новейшего крейсера «Лютцов», пусть даже недостроенного?! А создание на Севере на советской территории базы «Норд», которую немецкие подлодки использовали до 1941 года?! А проводка через Северный морской путь по личному указанию Сталина начальнику Главсевморпути Папанину с помощью трёх советских ледоколов замаскированного под гражданское судно немецкого рейдера «Komet» в Тихий океан в 1940 году?! А использование сигналов Минской радиостанции при бомбежке немцами польских городов для наведения их бомбардировщиков в 1939 г.?! Это уже не нейтралитет, это сотрудничество и координация действий государств-союзников. А непрерывные, скрупулезно выполняемые СССР поставки Германии сырья и продовольствия (последние эшелоны проследовали в Германию ночью 22 июня 1941 г.)?! А демонтаж вооружения укреплений на старой границе СССР перед самой войной?!

На границе тучи ходят хмуро...

Теперь перейдём к самому главному — так и не объясненному никем факту сосредоточения в течение двух лет на советско-германской границе двух колоссальных армий. Ну допустим, начало этого сосредоточения более-менее правдоподобно объяснила официальная точка зрения в советские времена: немцы захватили Польшу, СССР не мог остаться безучастным к судьбе братьев-украинцев и белорусов и ввиду развала польского государства присоединил исконно российские земли — Западную Украину и Западную Белоруссию (восстановив границы царской России).

Немецкая официальная точка зрения тех лет: немцы предотвратили нападение Польши на Германию, «освободили исконно немецкие земли» — Померанию, Данцигский коридор, разгромили потенциального агрессора и присоединили часть его территории. Но ведь после этого надо было снимать дивизии с границы и переводить туда, где они нужнее: Гитлеру — на Западный фронт, Сталину — на Восток, лишние же демобилизовать. Однако же ничего подобного не происходит. Войска на месте. У Гитлера

объяснение: «странная война» на Западе пока не требует новых воинских частей; у Сталина, начавшего войну с Финляндией: это якобы стратегический резерв для нее (в начале лета 1940 г. выясняется, что не только для нее — советские войска вводятся в Прибалтику и составляют новый военный округ — Прибалтийский).

По неизвестной причине количество войск, сосредоточенных у границы с обеих сторон, продолжает увеличиваться. Объяснение каждой из сторон для Запада: они противостоят самому страшному агрессору в Европе и выступают гарантом мира. Объяснение Гитлера для Сталина: это маневр, он сосредоточил здесь и спокойно обучает немецкие войска вне досягаемости английской авиации; для англичан: они готовятся к удару на Восток. Объяснение Сталина для англичан: он сосредотачивает войска на западной границе СССР ввиду немецкой угрозы; объяснения Гитлера для Сталина и Сталина для Гитлера: **они соединяют свои войска, готовясь к совместным действиям по высадке в Англии.**

Самое интересное, что для различных ситуаций все эти варианты разрабатывались и готовились одновременно, значительная часть их с целью дезинформации. Почему-то **Сталин исключал возможность лишь одного-единственного варианта развития событий — внезапного удара Германии по СССР.** Объяснять это незыблемой верой Сталина в советско-германский пакт о ненападении просто смешно, так как Сталин отлично знал, что Гитлер без зазрения совести нарушит все и вся. Многие объясняют это невозможностью одновременного ведения Германией войны на 2 фронта из-за отрицательного опыта Первой мировой войны, а также из-за необходимости получения ею сырьевых ресурсов со стороны — или от России или от Британской империи, ибо своих Германии явно не хватало.

Почему же Сталин исключал возможность этого варианта? По единственной причине: он знал, что этот вариант не может осуществиться, пока СССР нужен Гитлеру как союзник для разгрома Англии. То есть сначала война с Англией, а уж потом с СССР...

15 мая 1941 г. немецкий «Юнкерс-52», беспрепятственно пролетев от западной границы СССР до Москвы, приземлился на Тушинском аэродроме. Что означал этот перелет, никогда не объяснялось. Однако в последние годы опубликован текст **письма Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г.** Начинается оно так: «Уважаемый господин Сталин, я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без **окончательного сокрушения Англии** и уничтожения её как

государства». А заканчивается так: «Примерно 15–20 июня я планирую **начать** массированную переброску войск на запад с Вашей границы... **прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации...** Если же провокации... не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, **не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне** по известному Вам каналу связи (*вот и ответ на вопрос: «Что делал Сталин 22 июня 1941 г.?» Да, он действовал по инструкции своего «искреннего» коллеги Адольфа, не слушая никого другого! — Прим. авт.*). Только таким образом мы сможем **достичь наших общих целей**, которые, как мне кажется, **мы с Вами четко согласовали**. Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе (*скорее всего, имеется в виду согласие на участие в операции «Морской лев».* — Прим. авт.) и прошу извинить меня за тот **способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам**. Я продолжаю надеяться на **нашу встречу в июле**. Искренне Ваш **АДОЛЬФ ГИТЛЕР**. 14 МАЯ 1941 ГОДА».

Судя по дате, главная цель письма — объяснение появления Гесса в Англии, в письме же об этом лишь несколько слов: «...господин Гесс, я полагаю — в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, побудить англичан к здравому смыслу...» Кстати, вполне возможно, что Гесс никуда не летал, а его выкрала английская разведка, чтобы поссорить Сталина с Гитлером и сорвать совместный десант. Тогда, узнав от своих агентов в Германии об этом письме, Черчилль мог начать через Гесса заочные переговоры с Гитлером (убеждая его в том, что Сталин его письму не поверил и готовит удар по немецким армиям), договориться о «крестовом походе против большевизма» и совместном нападении 22 июня на СССР. А в назначенный день не выполнил своих обязательств, оставив Гитлера в положении, когда он должен вести войну на два фронта. Но Черчилль просчитался в другом — он был убеждён, что схватка двух гигантов — СССР и Германии — будет жестокой и длительной. Ему и в голову не приходила возможность катастрофы советских армий в первые дни войны. Ибо он не знал истинной степени союзнических отношений Сталина и Гитлера, сложившихся за последние 2 года их «дружбы».

Начало

Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. —

превентивный удар Германии не по противнику, готовившемуся напасть, а по союзнику, вместе с которым, координируя свои действия, готовились к удару по третьей стране — Англии. Причем по союзнику, практически **безоружному** — не имеющему в частях боеприпасов и горючего, разоружившему (наверняка тоже в соответствии с договоренностью) укрепрайоны на старой границе.

Ко всему и психологически советские войска абсолютно не были готовы к смертельному бою со вчерашними союзниками. Поэтому и первый приказ был: «огонь не открывать» (а может быть, потому и был дан этот приказ, что боеприпасов в приграничных частях не было согласно ранее отданному приказу, и нужно было время, чтобы их подвезти). В первые часы войны яростное сопротивление вероломному агрессору оказали только имевшие боеприпасы героико-пограничники, сражавшиеся до последнего патрона, и то небольшое количество воинских частей, командиры которых, рискуя жизнью, нарушив приказ высшего командования, привели свои части в состояние боеготовности и имели в них боекомплект. Поэтому благодаря отважному наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову ВМФ не потерял в первый день войны ни одного корабля, танковая дивизия И. Д. Черняховского углубилась на 20 км на территорию Восточной Пруссии и, получив приказ вернуться, прорвалась назад, а бессмертный гарнизон Брестской крепости героически оборонялся более месяца! Конечно же, были и другие командиры, нарушившие установки высшего руководства, соединения и части которых дали достойный отпор врагу, нанеся ему значительные потери. Красноармейцы и командиры повсеместно проявляли массовый героизм, однако, не имея боеприпасов, укреплений, прикрытия авиацией и артиллерией, наши войска были вынуждены отступать от границы.

Только этим и объясняются невообразимые потери СССР в начале войны: техники, территории, а главное — личного состава армии. Это трудно себе даже представить — при численности Красной Армии 5 млн. чел. только за 1941 г. в плен попали 3,8 млн. советских бойцов и командиров! А если сюда приплюсовать убитых и раненых?! Есть сведения, что к октябрю 1941 г. от кадрового состава Красной Армии осталось лишь 8 % и она существовала лишь за счет ежедневного пополнения вновь призванными новобранцами и запасниками.

А уничтоженные фашистской авиацией в первый день войны 1200 советских самолетов (из них 800 самолетов на земле) дали гитлеровцам, по крайней мере, полтора года безраздельного господства в небе.

Такой удар мог выдержать только наш народ. Наши отцы и деды

сумели выйти из этой страшной войны победителями, даже не подозревая ни о каких интригах в высших сферах, а ценою своей крови и своих жизней отстояв независимость нашей Родины.

Правильность новой гипотезы подтверждает «Генералиссимус»

В 2002 г. в издательстве «Вече» Москва, вышла книга участника войны, Героя Советского Союза, бывшего Первого секретаря правления Союза советских писателей В. Карпова «Генералиссимус», в которой он привел ряд документов И. В. Сталина, ранее никогда не публиковавшихся. В частности, в ней сообщается, что **20–27 февраля 1942 г. в занятом немцами г. Мценске по поручению Сталина состоялась встреча высших представителей советской и немецкой разведки по вопросу немедленного заключения перемирия с немцами (аналогичного Брестскому миру 1918 г.)**. И.В. Сталин лично набросал тезисы для руководителя советской делегации — первого замнаркома внутренних дел СССР Меркулова, которые В. Карпов привел полностью за факсимильной подписью вождя.

Пункт № 3 этих тезисов выглядит следующим образом: **«ПОСЛЕ ПЕРЕДИСЛОКАЦИИ АРМИИ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР К КОНЦУ 1943 ГОДА ГОТОВЫ БУДУТ НАЧАТЬ СОВМЕСТНЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ГЕРМАНСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ПРОТИВ АНГЛИИ И США»**. В. Карпов называет это «тактическим ходом с целью выиграть время»...

Автор данной публикации с ним не согласен и считает это первым мощным документальным подтверждением правильности изложенной выше его новой гипотезы начала Великой Отечественной войны.

Игорь Васильевич ПЫХАЛОВ

1941: миф о разбежавшейся Красной Армии

В 1920 — 1930-е гг. на Западе было модным считать Советский Союз «колоссом на глиняных ногах». Станут ли русские сопротивляться всерьез в случае внешней агрессии? Совсем недавно Россия пережила очередное смутное время. Взбунтовавшаяся чернь осмелилась посягнуть на самое святое — власть и привилегии благородных сословий. Оставшаяся без надлежащего руководства страна обречена на гибель и распад. Вот что писал, сидя в тюремной камере после подавления «пивного путча» будущий правитель «Третьего рейха» Адольф Гитлер:

«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было,

подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории» [\[122\]](#).

Сходных мнений придерживались и многие российские эмигранты. Проиграв Гражданскую войну, бывшие хозяева жизни нашли пристанище на Западе, в бессильной злобе глядя, как Россия обходится без них. Сейчас, сейчас, еще немного, и возомнившие о себе хамы поймут, что же они натворили. Осознают, раскаются, приползут на коленях, умоляя бывших господ смилостивиться и вернуться. Стоит явиться освободителям в иноземных мундирах, неважно, английских, французских или германских, как измученные сталинским режимом мужики тут же бросятся резать ненавистных большевиков.

«Но как бы ни оценивать шансы “мирной эволюции”, мирного вращающегося социализма в кулака (можно утверждать, что издали — виднее), один факт остается для меня абсолютно вне всякого сомнения. Об этом мельком говорил краском Тренин в “Последних Новостях”: страна ждет войны для восстания. Ни о какой защите “социалистического отечества” со стороны народных масс не может быть и речи. Наоборот, с кем бы ни велась война и какими бы последствиями ни грозил военный разгром, все штыки и все вилы, которые только могут быть воткнуты в спину красной армии, будут воткнуты обязательно. Каждый мужик знает это точно так же, как это знает и каждый коммунист! Каждый мужик знает, что при первых же выстрелах войны он в первую голову будет резать своего ближайшего председателя сельсовета, председателя колхоза и т. д., и эти последние совершенно ясно знают, что в первые же дни войны они будут зарезаны, как бараны» [\[123\]](#).

Можно понять И. Л. Солоневича, писавшего эти строки в 1935 г. Совсем недавно сбежал из СССР, пользуясь ротозейством лагерного начальства. Равно как и «краскома», на которого ссылается Иван Лукьянович. П. Н. Тренин — советский летчик, бежавший из СССР в начале 1930-х, во время Великой Отечественной войны нашел бесславную смерть в рядах власовской армии [\[124\]](#). Предатели всегда ненавидят тех, кого они предали.

Правящие круги западных демократий также оценивали шансы СССР устоять в будущей войне весьма невысоко. Помимо морально-политического состояния советского общества, они выдвигали и технические соображения. И так уже сильно отставшая в промышленном развитии от ведущих стран Запада, в результате революции и Гражданской войны наша страна потеряла еще десять лет. Форсированная

индустриализация 1930-х позволила совершить мощный рывок вперед, однако западные «доброжелатели» привыкли относиться к советским достижениям скептически.

Так, в датированной 2 августа 1939 г. инструкции для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции было сказано следующее.

«Другим затруднением является состояние внутренних коммуникаций России. Железные дороги работающе настоящий момент с максимальной нагрузкой и не могут выдержать никакого дополнительного бремени. Если в течение первых недель войны они могли бы выполнять свою роль по мобилизации армии, то промышленность и другие важные отрасли оказались бы в большей или меньшей степени парализованы. По истечении двух или трех недель военная мобилизация должна была бы быть остановлена или, по меньшей мере, приостановлена, с тем чтобы избежать полного паралича промышленности и всей жизни страны» [\[125\]](#).

В самом деле, в Русско-японскую войну железные дороги не смогли обеспечить своевременной переброски войск и военных грузов на Дальний Восток. В годы Первой мировой войны опять же именно транспорт оказался самым уязвимым местом русской военной экономики. Почему сейчас должно быть иначе?

Впрочем, осторожные британцы тут же делают оговорку:

«С другой стороны, хотя все правила лотки заставляют полагать, что русская транспортная система должна потерпеть крах под давлением потребностей войны, не следует забывать, что все русские транспортные средства и промышленность фактически до сих пор функционировали вопреки тому, что они уже давно должны были бы потерпеть полный крах, если исходить из общепризнанных положений. Поэтому следует помнить о том, что нельзя судить о потенциальных силах России, исходя из западных представлений» [\[126\]](#).

* * *

Однако случилось непредвиденное. Ведомый большевиками и лично Сталиным советский народ не только выстоял, но и победил. Мало того, СССР внёс решающий вклад в разгром Германии. Вопреки голливудской киношпоне, именно на Восточном фронте была уничтожена львиная доля германских войск, именно Красная Армия в мае 1945 г. взяла Берлин.

Этот факт совершенно не укладывается в концепции обличителей «преступлений сталинизма». Впрочем, они нашли выход из положения. Если нельзя отрицать саму Победу, можно представить её следствием неправильной немецкой политики. Дескать, в поражении Германии виноват сам Гитлер. Измученные «коммунистическим рабством» народы СССР были готовы встречать немцев как своих освободителей. Увы, одержимый русофобскими идеями «бесноватый фюрер» не оправдал надежд. Увидев, что вместо свободы пришельцы принесли террор и геноцид, граждане нашей страны поневоле вынуждены были взяться за оружие и дать отпор оккупантам.

«И если бы пришельцы не были так безнадежно тупы и чванны, не сохраняли бы для Великогермании удобную казённую колхозную администрацию, не замыслили бы такую гнусь, как обратить Россию в колонию, — то не воротилась бы национальная идея туда, где вечно душили её, и вряд ли пришлось бы нам праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма» [\[127\]](#), — сокрушается автор «Архипелага ГУЛАГ».

А вот что пишет В. Э. Спроге, добровольно оставшийся в оккупированном немцами Харькове:

«— Открывайте! Открывайте! Город занят немцами!

Это были Щеткины. Мы выбежали, обнимая и целуя их, радостно возбуждённые.

Так закончился советский период нашей жизни. Только тот, кто испытал гнет и ужас коммунистического ига, может понять, что означало освобождение от него.

Но, увы, мы ошиблись. Это не был конец нашим злоключениям. За освобождением от большевиков последовало горькое разочарование в самих “освободителях”. Новые “коричневые” злодеяния сменили прежние “красные”. Даже ужас угрожавшей нам голодной смерти в осажденном Харькове бледнеет перед тем, что творило “коричневое” управление.

За этим последовали потери близких и дорогих, всего имущества, болезненные разлуки, авантюрное бегство, бомбы и пожары в Берлине» [\[128\]](#).

«Доказательством» подобного тезиса служит «нежелание воевать за Сталина», якобы имевшее место в первые месяцы после гитлеровского нападения. Сладострастно смакуя поражения Красной Армии в начальный период войны, сегодняшние обличители пытаются представить их как неслыханную катастрофу.

«Сопrotивление отдельных застав, частей и гарнизонов не могло скрыть от командования совершенно невероятное поведение армии. Такого история войн еще не знала.

Полтора миллиона человек перешли к немцам с оружием в руках. Некоторые целыми соединениями, под звуки дивизионных оркестров.

Два миллиона человек сдались в плен, бросив оружие. (Под словом «оружие» подразумевается не только винтовка или пистолет, но все до танка и самолета включительно.)

500 тысяч человек были захвачены в плен при различных обстоятельствах.

1 миллион человек откровенно дезертировали (из них 657354 человека было выловлено, 10200 — расстреляно, остальные исчезли без следа).

800 тысяч человек были убиты и ранены.

Примерно миллион человек рассеялся по лесам» [\[129\]](#).

* * *

Разумеется, причина всех этих поражений кроется исключительно в нежелании армии воевать за людоедский сталинский режим.

«Когда началась советско-германская война — через 10 лет после душегубской коллективизации, через 8 лет после великого украинского мора (шесть миллионов мёртвых и даже не замечены соседнюю Европой), через 4 года после бесовского разгула НКВД, через год после кандалных законов о производстве, и все это — при 15-миллионных лагерях в стране и при ясной памяти еще всего пожилого населения о дореволюционной жизни, — естественным движением народа было — вздохнуть и освободиться, естественным чувством — отвращение к своей власти. И не «застиг врасплох» и не «численное превосходство авиации и танков» (кстати, всеми численными превосходствами обладало РККА) так легко замыкало катастрофические котлы — по 300 тысяч (Белосток, Смоленск) и по 650 тысяч вооруженных мужчин (Брянск, Киев), разваливало целые фронты и гнало в такой стремительный и глубокий откат армий, какого не знала Россия за все 1000 лет, да наверно и ни одна страна, ни в одной войне, — а мгновенный паралич ничтожной власти, от которой отшатнулись подданные как от виснувшего трупа» [\[130\]](#).

«Находясь в полной уверенности, что проводимые с 1917 г. воспитательные мероприятия с русским народом, главным из которых

было постоянно проводимое массовое истребление этого народа, окончательно превратили его в оболваненную, бессловесную массу, годную только для перемолки в лагерную, а теперь и окопную пыль, товарищ Сталин был потрясен тем сюрпризом, что ему преподнесла любимая армия.

Извращенная психология, культивируемая в коммунистическом антимире, заставила и самого вождя поверить, что красноармейцы и командиры (среди которых практически не найти человека, у кого бы не был расстрелян, замучен, раскулачен, сослан, арестован или бесследно исчез кто-нибудь из родных, близких или друзей) настолько растеряли все нормальные человеческие чувства и эмоции, настолько мутировали на страшном пути от обычного человека к человеку советскому, что не имеют уже никаких других желаний, кроме как идти в поход, чтобы завоевать для преступного режима мировое господство.

К великой чести русского народа надо сказать, что этого не произошло. События лета 1941 г. можно без всяких преувеличений назвать стихийным восстанием армии против сталинской деспотии» [\[131\]](#).

«С утра 22 июня сталинская номенклатура оказалась даже не между двух, а меж трех огней.

С запада наступали гитлеровцы, своих намерений по отношению к коммунистам не скрывавшие.

С востока, из Кремля и с Лубянки, летели приказы, один расстрельнее другого. Самый многочисленный враг был рядом — и та безрассудная решимость, с которой большевики когда-то сожгли все мосты между собой и обманутым, замордованным народом, обернулась теперь против них. Вот и пришлось их женам хватать горшок с фикусом и в панике бежать, куда глаза глядят.

Последствия массового бегства руководителей оказались фатальными. Любая система выходит из строя после разрушения центра управления. Любая армия временно (а то и навсегда) теряет боеспособность в случае потери командиров. Но у нас-то была не «любая», а очень даже специфическая система: система, скрепленная террором и террором управляемая.

Вместе со сбежавшим начальством ушел страх — и Красная Армия, великая и ужасная, стала стремительно и неудержимо разваливаться.

Как бочка, с которой сбили обручи» [\[132\]](#).

Однако давайте отбросим завывания и посмотрим, как все обстояло на самом деле. Разумеется, переход красноармейцев на сторону немцев

«целыми соединениями, под звуки дивизионных оркестров» имел место лишь в воспаленном воображении нынешних доморощенных ниспровергателей и обличителей. Тем не менее результаты боевых действий советских вооруженных сил в начальный период войны нельзя назвать слишком удачными.

Так, с первого дня войны до конца сентября 1941 г. наши войска потеряли убитыми, умершими от ран и болезней, погибшими в результате происшествий 430 578 человек, пропавшими без вести и попавшими в плен — 1 699 099 человек. В октябре-декабре 1941 г. соответственно 371 613 и 636 383 человека [\[133\]](#).

Обращает на себя внимание соотношение погибших и пленных: с 22 июня до конца сентября на каждого убитого советского военнослужащего приходилось почти 4 пропавших без вести или сдавшихся в плен, в последние три месяца 1941 г. это соотношение уменьшилось до 1 к 1,7. Впрочем, не всех пропавших без вести следует считать сдавшимися в плен. Согласно подсчетам Г. Ф. Кривошеева, из 5 млн. советских военнослужащих, пропавших без вести за годы войны, примерно 500 тыс. не были пленены, а погибли или, будучи тяжелоранеными, остались на поле боя, занятом противником [\[134\]](#).

Что ни говори, потери тяжелые. Однако прежде чем обличать ошибки и преступления «сталинского режима», давайте посмотрим, насколько успешно воевали с Гитлером другие страны.

Как известно, Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу. Уже 28 сентября гарнизон Варшавы капитулировал, а польские вооруженные силы были к тому времени полностью разгромлены. Миллионная польская армия прекратила свое существование. При этом на германском фронте поляки потеряли 66,3 тыс. убитыми и пропавшими без вести, 133,7 тыс. ранеными и 420 тыс. пленными [\[135\]](#).

17 сентября 1939 г., после того как польское руководство позорно бежало из страны, в Польшу вступили советские войска. В боях и стычках с ними польская армия потеряла 3,5 тыс. убитыми, 20 тыс. ранеными и пропавшими без вести, а также 454,7 тыс. пленными [\[136\]](#).

Итак, в ходе боевых действий против германских войск на каждого убитого польского военнослужащего приходилось 6,3 попавших в немецкий плен. Если же посмотреть на результаты столкновений с советскими войсками, картина становится просто вопиющей: на одного убитого 130 пленных жолнежей. Господа обличители, бьющиеся в истерике

по поводу массовой сдачи красноармейцев в 1941-м, — вот как выглядит армия, действительно не желающая воевать!

Впрочем, ситуация вовсе не удивительна. Едва появившись на свет, «уродливое детище Версальского договора» немедленно развязало вооруженные конфликты со всеми соседями, стремясь максимально раздвинуть свои границы. В 1920 г., воспользовавшись идущей в нашей стране Гражданской войной, Польша оккупировала Западную Украину и Западную Белоруссию. Став в возрожденной Речи Посполитой гражданами второго сорта, население этих территорий подвергалось многолетним издевательствам и унижениям. Когда в 1939 г. Советский Союз забрал свое обратно, мобилизованные в польскую армию украинцы и белорусы отнюдь не горели желанием умирать за «независимую Польшу», обращавшуюся с ними как с бесправным быдлом. Об их отношении к начавшейся войне можно судить по тогдашней частушке:

*Вы не думайце, палякі,
Вас не будзем бараніць,
Мы засядзем у окопах
І гарэлку будзем пить.*

Но если к польскому государству можно предъявить справедливые претензии, то тогдашняя Франция без сомнения могла считаться оплотом свободы и демократии. Ее индустриальная и военная мощь также не шли ни в какое сравнение с польскими. Мало того, в отличие от Польши 1 сентября 1939 г. или СССР 22 июня 1941 года, к моменту германского нападения Франция уже больше восьми месяцев находилась в состоянии войны. Французская армия успела отмотобилизоваться, занять оборонительные позиции, дожидаться прибытия британских союзников. Тем не менее результат оказался более чем плачевным.

10 мая 1940 г. немецкие части перешли в решительное наступление. Уже через несколько дней положение на фронте стало катастрофическим. Выяснилось, что французские солдаты вовсе не горят желанием умирать за родину. Как пишет в своих мемуарах Черчилль:

«Очевидцы рассказывали о толпах пленных французов, которые шагали рядом с немцами, причем многие из них все еще несли свои винтовки, которые время от времени собирали и уничтожали под

танками. Я был потрясен крайней беспомощностью и отказом от борьбы с немецкими танковыми частями, которые, имея несколько тысяч машин, осуществляли полное уничтожение могущественных армий; не менее поразил меня и быстрый крах французского сопротивления сразу же после прорыва фронта. Все немецкое передвижение осуществлялось по главным дорогам, и ни в одном месте их не остановили» [\[137\]](#).

14 июня немецкие войска без боя вступили в Париж. 22 июня 1940 г. Франция позорно капитулировала. В ходе скоротечной военной кампании французская армия потеряла 84 тыс. убитыми и 1547 тыс. пленными [\[138\]](#). Таким образом, на одного убитого французского военнослужащего приходилось свыше 18 сдавшихся в плен.

А ведь это не хвастливое польское панство. Это французы, победители Первой мировой войны. Это те самые французские солдаты, что насмерть стояли под Верденом, что бесстрашно шли на немецкие пулеметы. Как справедливо пишет Черчилль: «Франция руководила военными действиями и несла на себе основное бремя тяжелых наземных боев с 1914 по 1918 год. Она потеряла 1 миллион 400 тысяч человек убитыми» [\[139\]](#).

Ныне же под ударами германской армии бывшие победители в мгновение ока превратились в трусливое стадо. Четыре долгих года пытались в тот раз сломить Францию немецкие войска, да все без толку. А теперь справились за месяц с небольшим.

Итак, господа обличители, объясните, какой кровавый диктатор довел несчастный французский народ до такого состояния, что гордые галлы начали массово сдаваться в плен, не желая воевать за свою страну? Какие массовые репрессии подкосили под корень командный состав французской армии?

Или, может быть, наступающая германская армия имела подавляющее превосходство в живой силе и технике? Вот и Черчилль пишет:

«Поэтому Гитлер был в состоянии осуществить наступление на Францию силами 136 дивизий с использованием всей грандиозной мощи его десяти танковых дивизий в составе почти трех тысяч танков, в числе которых находилась, по крайней мере, тысяча тяжелых» [\[140\]](#).

«Пикирующие бомбардировщики и почти непробиваемые орудийными снарядами танки, которые показали себя с такой выгодной стороны в Польше, хотя и в меньших масштабах, снова образовали острие главной группировки» [\[141\]](#).

Что же это за «непробиваемые орудийными снарядами» гусеничные монстры? Неужели те самые Т-IV, вооруженные короткоствольной 75-мм

пушкой и весившие всего лишь около 20 тонн [\[142\]](#), над которыми так любят глумиться Резун и его последователи? Да и тех в составе наступающей немецкой армии насчитывалась отнюдь не тысяча. На 10 мая 1940 г. на Западном фронте их имелось всего лишь 278 штук. Плюс 349 средних танков Т-III. Остальные — лёгкие Т-I (523 шт.) и Т-II (955 шт.), да трофейные чехословацкие 35(t) (106 шт.) и 38(t) (228 шт.) [\[143\]](#).

Как справедливо отметил участник тех событий французский генерал Ф. Гамбьез:

«Французское поражение в 1940 г. было событием необычайным. Мы знаем теперь, что в общем соотношении сил франко-британские войска имели преимущество в танках и артиллерии, а их слабость в авиации была не такой, чтобы можно было предугадать столь быстрый разгром» [\[144\]](#).

Приходится признать, что в начальный период Второй мировой войны другие противники Германии воевали с немецкими войсками куда хуже, чем Красная Армия.

* * *

Но может быть, подобное поведение допустимо для других держав, но абсолютно несвойственно русской армии? Так, автор недавно вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» биографии трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина, процитировав приведенное мною выше предсказание Солоневича, многозначительно добавляет:

«Этот прогноз не сбывся, но всё же масштабы измен и количество сдавшихся в плен — небывалые в российской истории...» [\[145\]](#)

Увы, в русской истории данное событие отнюдь не уникально. Чтобы не погружаться в глубь веков, вспомним позорные поражения царской армии в начале XX века.

Русско-японская война. Втрое уступавшая Российской империи по численности населения Япония всего лишь несколько десятилетий назад вышла из феодальной самоизоляции, едва ли не чудом избежав участи стать колонией или полуколонией великих держав. Тем неожиданней исход военного противоборства.

Конечно, весомую негативную роль сыграли недооценка противника, удаленность театра военных действий от европейской части России, низкая пропускная способность железнодорожной сети. Однако собранных в Маньчжурии русских сил было вполне достаточно, чтобы если не выиграть

войну, то хотя бы свести её «вничью».

6 (19) февраля — 25 февраля (10 марта) 1905 года состоялось Мукденское сражение. Русские войска насчитывали свыше 300 тыс. штыков, 16 тыс. сабель и до 8 тыс. саперов, 1219 полевых и 256 тяжелых орудий, 56 пулемётов [\[146\]](#). Численность японцев достигала 335 тыс. человек, их войска имели на вооружении 892 полевых и 170 тяжелых орудий и до 200 пулемётов [\[147\]](#). Силы противников были примерно равны. Несмотря на это, русская армия потерпела сокрушительное поражение. Было убито 8,4 тыс. солдат и офицеров, ранено 51 тыс., попало в плен 21 тыс. и более 8 тыс. пропало без вести. Японские потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили, согласно иностранным источникам, 67,5 тыс. человек, сами японцы определяют свои потери в открытой печати в 41 тыс. человек [\[148\]](#).

Таким образом, количество пленных и пропавших без вести более чем втрое превосходит число убитых. Следует отметить еще один нелицеприятный момент. В предшествующих боях на Маньчжурском театре военных действий из 3630 военнoслужаших русской армии, захваченных японцами, 1976 попали в плен ранеными. В Мукденском же сражении из 21 100 русских пленных лишь 2537 были ранены, остальные сдались в японский плен невредимыми [\[149\]](#).

Мало того, русская армия обратилась в паническое бегство. Вот что докладывал об этом Николаю II генерал от инфантерии Н. П. Линевиц, назначенный после сражения главнокомандующим на место смещенного генерала А.Н.Куропаткина:

«...к крайнему прискорбию, во время паники, происходившей у Мукдена, потоком потекло из армии в тыл на север частью с обозами, а частью просто поодиночке и даже группами около шестидесяти тысяч нижних чинов, из числа которых было множество задержано в Телине и на других станциях. Но, несомненно, множество ушло еще далее к Харбину... Несомненно, что некоторая часть нижних чинов прошла и далее Харбина... Уходящие из армии в тыл нижние чины говорят, что они уходят потому, что воевать не могут» [\[150\]](#).

К счастью, у японской армии не было маневренных соединений, чтобы завершить окружение в панике бегущих русских войск. Время танковых дивизий наступит лишь тридцать лет спустя.

Сами же японцы сдавались в плен крайне неохотно. Японских пленных считали буквально на единицы.

«За каждого пленного японского солдата было обещано платить

взявшему в плен 100, а за офицера 300 руб. Но количество пленных оставалось ничтожным, и все они или отказывались что-либо сообщить, или давали неверные сведения»^[151].

Всего в ходе войны в японском плену оказалось 74 тыс. русских военнослужащих ^[152], в то время как японцев в русском плену — чуть больше 2 тысяч ^[153].

В результате постоянных поражений моральный дух русских войск сильно упал. К концу войны, во время стояния на Сыпингайских позициях действующая русская армия в Маньчжурии насчитывала около 800 тыс. человек, превосходя японцев почти вдвое ^[154], однако даже не пыталась наступать.

В отличие от Второй мировой войны, в Первую мировую Восточный фронт был для Германии второстепенным. Несмотря на это, русские войска неоднократно терпели тяжелые поражения.

Так, в ходе Восточно-Прусской операции в августе-сентябре 1914 г. была разгромлена 2-я русская армия под командованием генерала от кавалерии А. В. Самсонова, потерявшая 6739 человек убитыми, 20,5 тыс. ранеными и 92 тыс. пленными ^[155].

Особенно тяжелой оказалась летняя кампания 1915 г. В начале августа почти без сопротивления была сдана крепость Новогеоргиевск.

«6 августа потерявший голову комендант крепости — презренный генерал Бобырь — перебежал к неприятелю и, уже сидя в германском плену, приказал сдать державшейся еще крепости. В огромном гарнизоне не нашлось ни генерала Кондратенки, ни майора Штоквича, ни капитана Лико... И утром 7 августа прусский ландвер погнал человеческое стадо в бесславный плен. Численность гарнизона Новогеоргиевска равнялась 86 000 человек. Около 3000 было убито, а 83 000 (из них 7000 раненых) сдалось, в том числе 23 генерала и 2100 офицеров. Знамена гарнизона благополучно доставлены в Действующую армию летчиками. В крепости потеряно 1096 крепостных и 108 полевых орудий, всего 1204. Торопясь капитулировать, забыли привести в негодность большую часть орудий. Германцы экипировали этими пушками свой Эльзасско-Лотарингский фронт, а французы, выиграв войну, выставили эти русские орудия в Париже, на Эспланаде инвалидов, на поругание своих бывших братьев по оружию» ^[156].

Всего с 1 мая по 1 ноября 1915 г. царская армия потеряла 976 тыс. человек пленными ^[157], при этом её потери убитыми и умершими от ран составили лишь 423 тысячи ^[158].

Общее количество русских солдат и офицеров, попавших в плен в ходе Первой мировой войны, также весьма внушительно. Согласно данным Центральной Коллегии о пленных и беженцах (Центропленбежа), оно составило 3 911 100 человек, из которых 2 385 441 находился в плену в Германии, 1 503 412 — в Австро-Венгрии, 19 795 — в Турции и 2452 — в Болгарии [\[159\]](#). Однако эмигрантский историк Н. Н. Головин полагает это число существенно завышенным. Согласно его данным, основанным на немецких и австро-венгерских документах, в Германии оказалось приблизительно 1,4 млн, в Австро-Венгрии — 1 млн., в Турции и Болгарии — 10 тыс. русских пленных [\[160\]](#).

В свою очередь с начала войны по 1 сентября 1917 г. русская армия взяла в плен 159 390 германских, 1 736 764 австро-венгерских, 64 509 турецких и 670 болгарских военнослужащих [\[161\]](#).

Как мы видим, результаты боевых действий против германских войск отнюдь не радуют: на каждого пленного немца приходится почти 10 русских в немецком плену. Что же касается огромного количества австро-венгерских пленных, то это вполне объяснимо. Армия «лоскутной империи» отличалась низкой боеспособностью ввиду нежелания славянского населения воевать за дом Габсбургов. Отсюда массовое дезертирство и бегство к русским. Кстати, господа обличители, обожающие завывать насчет перехода в Великую Отечественную войну красноармейцев к противнику «под звуки дивизионных оркестров», с непременными комментариями, дескать, «такого история войн еще не знала». Вот вам реальный, а не мифический случай: 3 февраля 1915 г. на нашу сторону с развернутыми знаменами и полковой музыкой перешел 28-й пехотный полк австро-венгерской армии во главе с офицерами-чехами [\[162\]](#).

Раз уж речь зашла о предательстве. Сегодня нам активно внушают, будто массовое сотрудничество с оккупантами жителей СССР во время Великой Отечественной войны — явление уникальное и беспрецедентное как для истории нашей страны, так и для мировой истории. Это, мягко говоря, неправда.

Увы, всякий раз, когда на территорию России вторгался враг, среди наших соотечественников находились предатели или просто малодушные, предлагавшие свои услуги противнику. Здесь можно вспомнить и события Смутного времени начала XVII века, и измену гетмана Мазепы во время Северной войны.

Во время Отечественной войны 1812 г. православное духовенство

Могилевской епархии во главе с архиепископом Варлаамом, оказавшись в оккупации, в полном составе присягнуло Наполеону и служило молебны за победу французского оружия [\[163\]](#).

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. крымские татары массово сотрудничали с высадившимися на полуострове оккупантами [\[164\]](#). В годы Первой мировой войны немцами и австрийцами на территории бывшего Царства Польского формировались многочисленные части из поляков — бывших русских подданных. Были созданы и подразделения из финских эмигрантов.

Но может быть, подобное явление свойственно только России? Во время Второй мировой войны в занятых немцами странах Западной Европы сотрудничество с оккупантами было практически поголовным. Причем если у нас служба немцам воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, то на Западе это было в порядке вещей — полиция и органы местного управления продолжали исправно функционировать и при оккупантах. Можно также вспомнить наплыв добровольцев в части СС со всех концов Европы.

Что же касается поражений Красной Армии в начальный период войны, то обличители забывают простую вещь: причиной военных неудач может стать как собственная слабость, так и сила противника. Причем мощь армии выражается не только в количестве танков и самолетов, не в длине стволов танковых пушек и толщине брони, о чем так любят рассуждать поклонники Резуна. Это, в первую очередь, уровень организации и подготовки войск. Германская армия 1939–1941 гг. была очень сильна, с легкостью громила всех противников. А на России споткнулась, причем во многом благодаря стойкости красноармейцев. Так, по словам начальника оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генерал-полковника А.Йодля:

«Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то, что последние 8-10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы и попали в плен уже в таком истощении, когда были едва ли в состоянии передвигаться» [\[165\]](#).

Разгром Польши стоил немцам 16 343 убитых и 320 пропавших без вести [\[166\]](#), наступление на Западном фронте и разгром Франции в мае-июне 1940 г. — около 45 тыс. убитых и около 630 пропавших без вести [\[167\]](#). Между тем первая же неделя боев против СССР обошлась германским

войскам в 22 тыс. убитыми и 900 пропавшими без вести, что превышает их потери за всю польскую кампанию. К концу августа 1941 г. потери на Восточном фронте превысили суммарные немецкие потери, понесенные с начала Второй мировой на всех других фронтах [\[168\]](#).

Уже в самом начале войны руководителей Третьего рейха ждало жестокое разочарование: вопреки уверениям русских эмигрантов народы России хотят сражаться и будут сражаться за советскую власть. Красная Армия не разбежалась, не повернула штыки против Сталина. А вслед за поражениями настала очередь побед, вслед за июнем 1941-го — май 1945-го.

Д. Е. КОМАРОВ

Неизвестное Смоленское сражение

В современной исторической науке и обществе в последнее время отмечается повышенный интерес к истории Великой Отечественной войны. Появляется много научных и публицистических работ, рассматривающих различные эпизоды той войны. Однако необходимо отметить, что различные страницы Великой Отечественной изучаются сейчас далеко не в равной степени. На фоне повышенного внимания к событиям на Ленинградском направлении, Сталинградской и Курской битвам, Вяземскому окружению практически не разрабатывается проблематика Смоленского сражения. Степень научного изучения и осмысления этого колоссального по своим масштабам и последствиям сражения до сих пор находится на уровне начала 80-х гг. прошлого столетия. Достаточно сказать о том, что в отечественной историографии отсутствует монографическое исследование, посвященное этому важнейшему событию начального периода Великой Отечественной войны. Такое «невнимание», как со стороны официальной науки, так и самостоятельных современных исследователей, трудно объяснить. Вероятнее всего, внимание исследователей в первую очередь привлекают так называемые «белые пятна», а Смоленское сражение, «о котором так много написано», считается отработанной темой. Однако это далеко не так. Смоленское сражение далеко не однозначная и противоречивая страница самой кровопролитной за всю историю человечества войны.

Смоленская область, где развернулись основные события сражения, не являлась пограничной, но уже спустя три недели после начала войны боевые действия шли на ее территории. Вражеское наступление развивалось стремительно. Части РККА, оказывая сопротивление противнику, отступали. В конце июня бои шли уже в районе старой границы. 26 июня германские войска заняли Минск, 30 июня вступили во Львов. В первые 15–18 дней войны войска противника продвинулись на Северо-Западном направлении на глубину до 450 км; на Западном — на 450–600 км; на Юго-Западном — до 350 км [\[169\]](#). Части Красной Армии понесли огромные потери.

Основным направлением наступления гитлеровское командование считало центральное — московское направление. Именно здесь противник

сосредоточил свои основные силы. Из общего количества живой силы и техники, сосредоточенных для нападения на СССР, в группу армий «Центр» входили 40,2 % всех дивизий (в том числе 48,2 % моторизованных и 52,9 % танковых) и крупнейший воздушный флот Люфтваффе. В них насчитывалось 36 % всего личного состава, 53 % танков, 41 % орудий и минометов и 43 % самолетов, развернутых от Черного до Баренцева моря [170]. Части этой группы должны были осуществить двойной охват войск Западного округа, расположенных в Белостокском выступе, и после их уничтожения развивать наступление на Смоленск и Москву. Главный удар гитлеровских войск проходил по территории Смоленской области. Именно здесь развернулось грандиозное противостояние противоборствующих сил на центральном участке фронта в начальный период войны, вошедшее в историю под названием Смоленское сражение (10 июля — 10 сентября 1941 г.).

Смоленское сражение представляет собой первую крупную оборонительную операцию начального периода войны, в которой продвижение врага было остановлено на два месяца. Противник понес ощутимые потери, а на отдельных участках вынужден был отступить (Ельнинская наступательная операция). Если неудачи в приграничных боях с противником можно было в определенной степени оправдать фактом внезапности, неподготовленности, то Смоленское сражение развивалось уже совсем в других условиях. Говорить о внезапности уже не приходится, четко обозначились основные замыслы противника и тактика действия вражеских войск, страна на полную мощность включила свои мобилизационные, политические и экономические ресурсы, из тыловых районов были подтянуты части и соединения, в обществе царил большой патриотический подъём.

Смоленское сражение представляло собой сложнейший комплекс взаимосвязанных наступательных и оборонительных действий советских войск на огромном участке фронта в 650 км и в глубину до 250 км. Это сражение распространилось на территорию Смоленской и близлежащих областей. В нем принимали участие части и соединения четырех советских фронтов — Западного, Резервного, Центрального и Брянского. Главным направлением, где развернулись основные боевые действия, стало Смоленско-Московское направление, а узлом нашей обороны — город Смоленск. Из-за географических особенностей этот район получил условное наименование «Смоленские ворота» (междуречье Зап. Двины и Днепра). Именно обладание этими «воротами» открывало дорогу на Москву.

Успехи противника при прорыве государственной границы и в Белоруссии в первые две недели войны вселили в германское командование уверенность, что в тылу Западного фронта нет резервов, способных оказать серьезное сопротивление на пути продвижения к Москве. После поражения под Минском наши войска отходили на Могилев и Жлобин, а на советско-германском фронте на участке Себеж — Могилев образовалась «брешь», куда и нацелили удар войска группы армий «Центр». Командующий группой армий «Центр» фон Бок определял силы Западного фронта на Смоленско-Московском направлении всего в 11 дивизий. В связи с этим разгром частей Западного фронта германское командование рассматривало как свершившийся факт и планировало дальнейшие действия. Начальник генерального штаба Гальдер еще 30 июня отмечал: «Когда мы форсируем реки Западную Двину и Днепр, то речь будет идти не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы отнять у него промышленные районы», «после уничтожения русской армии под Смоленском... перерезать железные дороги, ведущие к Волге, и овладеть всей территорией до этой реки» [\[171\]](#).

Общий замысел действий противника на смоленском направлении сводился к тому, чтобы рассечь оборону Западного фронта на три части, окружить и ликвидировать его невеликую, смоленскую и могилевскую группировки и создать тем самым благоприятные условия для наступления на Москву.

Войскам противника на этом направлении противостоял практически созданный заново Западный фронт под командованием маршала С. К. Тимошенко, войскам которого предстояло создать оборонительный рубеж: р. Зап. Двина до Витебска, Орша, р. Днепр до Лосева. Командование фронтом к этому периоду располагало разрозненными и ослабленными дивизиями 3, 4, 10 и 13-й армий, отошедших из приграничных районов и выведенных на переформирование и доукомплектование. Одновременно с этим фронту передавались силы свежих 16-й, 19-й, 20-й, 21-й и 22-й армий, включенных в его состав и прибывающих в начале июля из тыловых районов и других участков фронта. Всего к началу Смоленского сражения в составе Западного фронта действовало семь армий, пять из которых (13, 19, 20, 21 и 22-я) выделялись в первый эшелон. Второй эшелон должны были составить части 4-й и 16-й армий. Понимая сложность обстановки на Западном направлении, Ставка принимает решение в тылу Западного фронта, в 100 км восточнее Смоленска, развернуть фронт резервных армий, в состав которого вошли шесть общевойсковых армий, значительная часть которых была укомплектована ополченческими формированиями.

Долгое время в советской историографии в качестве объяснения и оправдания катастрофических поражений начального периода войны, в том числе и неудачно начавшегося Смоленского сражения, ссылались на превосходство противника в живой силе и технике. Чтобы показать это «превосходство», авторы прибегали к разнообразным способам — от открытых фальсификаций до «оригинальных» методик. Например, общая численность войск Западного фронта к началу вражеского наступления составляла 579 400 человек [\[172\]](#). Однако в официальной науке с силами противника сравнивали не всю боевую мощь Западного фронта, а только силы первого эшелона, которые составляли 24 дивизии, 145 танков, около 3800 орудий и минометов и 389 исправных самолётов [\[173\]](#). На каждую дивизию первого эшелона приходилось по 25–30 км линии обороны фронта, а на некоторых участках — до 70 км. Группа армий «Центр» же к началу наступления располагала 29 дивизиями (12 пехотными, 9 танковыми, 7 моторизованными и 1 кавалерийской), 1040 танками, более 6600 орудиями и минометами и свыше 1 тыс. самолетами. При таком сравнении на начало вражеского наступления 10 июля соотношение вступивших в сражение сил было в пользу противника: в людях — 1,5: 1; в артиллерии 1,7: 1; в танках — 7: 1.

Как правило, дальше шло описание всей сложности обстановки, в которой вступил в сражение практически сформированный заново Западный фронт. Наши войска не успели подготовить оборонительные рубежи в инженерном отношении, часто оборона организовывалась под огнем наступавшего противника. Командование не имело четкой разведывательной информации о дислокации, силах и планах гитлеровцев. Многие дивизии не успели до начала вражеского наступления развернуться на указанных рубежах и с ходу вводились в бой: на полоцком направлении — части 22-й армии, на лепельском — 20-й армии, на переправах через Днепр у Быхова и Рогачева — 21-й армии.

Безусловно, все эти факты имели место, но приведение их без анализа состояния войск противника накануне наступления противоречит научным принципам. Во-первых, в наступлении «на Смоленск» смогли принять участие далеко не все силы группы армий «Центр». Наступление началось, когда сражение между Белостоком и Минском не было закончено. Во-вторых, противник в значительной степени утратил свою пробивную способность. Танковые части группы армий «Центр» были изрядно потрепаны сопротивлением советской армии и бездорожьем. Только в 3-й танковой группе за первые дни июля потери в танках составили до 50 %

[174]. Ощутимыми были потери в живой силе. Так, 9-й армейский корпус с 22 по 28 июня понес потери в 1900 солдат и офицеров (убитые и раненые), 78-я пехотная дивизия потеряла в Белоруссии 340 человек, 137-я — 700, 263-я — 650 и т. д. [175]. Очевидным является то, что на начало наступления центральная группа германских войск не имела того превосходства, которое ей приписывалось в советской историографии. Наоборот, мы можем согласиться с немецким историком В. Хауптом, отметившим, что «впервые за время кампании получилось, что Советы сильнее» [176].

С самого начала войны гитлеровское командование не надеялось на численный перевес своих войск, особенно на фоне мобилизационных возможностей Советского Союза, огромного превосходства РККА в танках, авиации и т. п. Германское командование делало ставку на стремительность, подготовленность и слаженность военного механизма. Поспешность в наступлении была вызвана в первую очередь стремлением не допустить создания прочной обороны отступившими из Белоруссии армиями и вновь прибывшими на фронт советскими частями.

Для стремительного прорыва нашей обороны германское командование в полосе главных ударов создало значительный перевес в силах. Концентрация танков в местах прорыва доходила до 30 единиц на один километр фронта. Так, в полосе наступления 18-й танковой и 29-й моторизованной дивизий противника (фронт наступления 37 км) в бой было введено 350 танков. В противостоящих же им 18,53 и 110-й советских стрелковых дивизиях танков не было вообще. Против шести дивизий 22-й армии, оборонявшихся в полосе 280 км, действовало 16 вражеских дивизий [177].

10 июля 1941 г. гитлеровские войска на центральном участке фронта перешли в наступление. Главный удар немцы нанесли по двум направлениям — из района Витебска в сторону Духовщины (с целью обойти Смоленск с севера) и из района Орши — Могилёва на Ельню (чтобы обойти Смоленск с юга и тем самым окружить основные силы Западного фронта). Одновременно на севере — на правом крыле нашего Западного фронта — противник нанес вспомогательный удар в северо-восточном направлении в сторону Невеля и Великих Лук, а на левом крыле — на юго-восток в направлении Кричева. Этими ударами гитлеровцы планировали изолировать фланговые группировки советских войск Западного фронта.

В начале своего наступления гитлеровцы добились значительных успехов, но затем обстановка стала меняться. Вместо стремительной

победоносной операции основные силы группы армий «Центр» были втянуты в кровопролитное двухмесячное сражение на смоленских рубежах.

Ещё в советской период сложилась периодизация Смоленского сражения, рассматривающая это грандиозное противостояние на центральном участке фронта в четыре этапа: первый — с 10 по 20 июля; второй — с 20 июля по 7 августа; третий — с 8 по 21 августа; четвертый — с 22 августа по 10 сентября. Само вычленение и определение границ этих периодов (при взятии за основу характер боевых действий, постановку целей и достигнутые результаты) представляется вполне правомерным, однако многие выводы с позиций достижения современной науки представляются весьма спорными.

Предпримем попытку проанализировать этапы Смоленского сражения с позиции комплекса документов и материалов, являющихся на данный момент доступными современным российским исследователям.

Первый этап характеризовался успешным началом наступления для германской армии, особенно на правом крыле и в центре советского Западного фронта. Наши войска вынуждены были отходить на восток. 22-я армия генерала Ф. А. Ершакова, сражавшаяся в районе Полоцка, была рассечена на две части, и ее дивизии вели бои в окружении. 19-я армия генерала И. С. Конева, не успевшая сосредоточиться и развернуться на указанном рубеже, не смогла сдержать натиска противника и отошла к Смоленску, где вместе с 16-й армией генерала М. Ф. Лукина и 20-й армией генерала П. А. Курочкина сражалась практически в полном окружении. 13-я армия генерала В. Ф. Герасименко тоже была рассечена, одна ее часть вела бои в окружении в районе Могилева, другая — в районе Кричева.

На южном фланге Западного фронта обстановка развивалась по-иному. Здесь 21-я армия генерала Ф. И. Кузнецова 13 июля перешла в наступление в направлении на Бобруйск и выбила немцев из городов Рогачев и Жлобин. Этот удар для немецкого командования оказался полной неожиданностью, и оно спешно стало перебрасывать в район прорыва механизированные части из-под Смоленска.

Сложная обстановка складывалась непосредственно на смоленском направлении. Противник искал в нашей обороне слабые места и направлял туда удары своих моторизованных частей. Так, например, встретив упорное сопротивление на главной дороге к Смоленску со стороны Орши, которое оказывали части 20-й советской армии, захватчики сменили направление главного удара, устремившись на Красный. К 14 июля 1941 г. танковые дивизии 39-го германского моторизованного корпуса пробились к Рудне и Демидову, 47-й моторизованный корпус устремился к Смоленску через

Красный, 46-й корпус охватывал Смоленск с юга. Складывалась катастрофическая обстановка — на пятый день наступления враг оказался у ворот Смоленска. 14 июля командующий Западным фронтом отдал приказ, согласно которому оборона города возлагалась на командарма 16-й армии генерал-лейтенанта Лукина, ему же подчинялись все советские войска, находившиеся в секторе обороны города и прибывавшие из тыла и с других направлений.

Необходимо отметить, что генерал Лукин получил этот приказ за полтора дня до взятия Смоленска противником. Правомерна постановка вопроса — была ли возможность у Лукина не допустить захвата Смоленска? На наш взгляд, ответ очевиден — командованием фронта перед генералом Лукиным была поставлена уже невыполнимая задача. В распоряжении командарма на тот момент было всего две дивизии — 46-я генерал-майора Филатова и 152-я полковника Чернышева, которые занимали оборону севернее магистрали Москва-Минск (остальные дивизии армии либо были переданы в другие армии, либо находились на подходе к Смоленску). Единственное, что могло сделать в этой обстановке командование 16-й армией, это создать мобильные подвижные группы для прикрытия ими самых опасных направлений. Одной из таких групп под командованием подполковника П. И. Буняшина у деревни Хохлово на дороге Красный-Смоленск была устроена засада: вырыты рвы, между домами сделаны завалы, орудия и пулеметы были расставлены так, что могли вести перекрестный огонь. В эту засаду попал вражеский мотоциклетный полк, который практически был весь уничтожен. В дальнейшем гитлеровцы предприняли три попытки взять Хохлово, но всякий раз их атаки отбивались мужественно оборонявшимися советскими воинами. Только после четвёртого штурма отряд начал отход к Смоленску.

Конечно, героическое сопротивление отдельных частей и соединений могло ослабить и задержать наступление гитлеровских войск на отдельных направлениях. Мужественно проявили себя в начале Смоленского сражения воины 127-й стрелковой дивизии, которые уже 11 июля вступили в бой в 30 км от Рудни с передовыми подразделениями 3-й танковой группы противника. Стремительным и неожиданным ударом воины дивизии атаковали арьергард неприятеля и обратили его в бегство. Подтянув основные силы, противник атаковал позиции дивизии, и ему удалось окружить один из ее батальонов. Окруженный батальон под командованием капитана М. С. Джавоева, нащупав слабое место в обороне противника, стремительно прорвался из окружения. За первые дни сражения только этот батальон уничтожил более сотни гитлеровцев и 20 танков противника [\[178\]](#).

Ярким примером героизма и воинского мастерства является удар 57-й танковой дивизии под командованием полковника В.А. Мишулина. Дивизия была выдвинута из Смоленска в район Красного и с ходу вступила во встречный бой с 29-й моторизованной дивизией противника. Враг, понеся значительные потери, вынужден был приостановить свое наступление. Но судьба города, не имевшего достаточных сил для обороны и оказавшегося под концентрированным ударом моторизованных групп противника, была уже предрешена.

Вечером 15 июля подвижные группы противника со стороны Рославльского, Киевского шоссе и Краснинского большака вступили в южную часть Смоленска. В течение 16 июля гитлеровцам удалось овладеть большей частью города. Сопrotивление противнику непосредственно в городе оказывал смоленский гарнизон, наиболее боеспособной частью которого являлся отряд подполковника Буняшина. Кроме этого отряда, в бой на улицах Смоленска вступили: бригада П. Ф. Мальшева, отряд городской милиции под командованием Г. Н. Одинцова, курсанты милицейской школы, возглавляемые Ф. И. Михайловым, истребительный батальон под командованием Е. И. Сапожникова и др. Стойкого, организованного сопротивления эти полурегулярные формирования организовать не могли. Сначала обороняющиеся отступили к центру города, затем к парку культуры и отдыха и к площади Смирнова. Ночью, взорвав за собой мосты (15 июля в 24.00 был взорван новый мост через Днепр, 16 июля в 2–3.00 — старый ^[179]), однако имеются отдельные сведения, что не был разрушен железнодорожный мост, которым противник сразу же воспользовался ^[180]), защитники города переправились на другой берег Днепра.

В послевоенной историографии сложился определенный шаблон, в рамках которого описываются эти бои. Центральное место занимают героические примеры, проявленные защитниками Смоленска в период обороны города. В боях на улицах города пали смертью храбрых Г. Н. Одинцов и Ф. И. Михайлов. У Дома специалистов геройский подвиг совершил милиционер Г. И. Поддубный, со связкой гранат бросившийся под вражеский танк. Особое упорство проявили защитники северной части города, о которых в германских источниках говорится следующее: «В северной части города, в индустриальных пригородах милиция и рабочее ополчение сражались упорно. Каждый дом, каждый подвал приходилось штурмовать отдельно, выбивая оттуда защитников стрелковым оружием, ручными гранатами и штыками» ^[181].

Бесспорно, те советские вооруженные силы, которые приняли участие в обороне города, проявили героизм и решимость, но эти факты не должны заслонять масштабы произошедшей катастрофы — практически с ходу гитлеровцы захватили важнейший опорный пункт нашей обороны, имевший огромное стратегическое и политическое значение. Стремительный захват противником Смоленска является наглядным показателем того уровня организации и командования войсками на западном стратегическом направлении. По факту захвата Смоленска была создана особая «Военно-экспертная комиссия по вопросу оставления Смоленска нашими войсками 15–16 июля 1941 г.», возглавляемая генералом И. П. Камерой [\[182\]](#).

Конечно, работая с документами этой комиссии, необходимо учитывать условия, в которых она работала, и давление со стороны Ставки, и лично Верховного Главнокомандующего, но на данный момент материалы комиссии являются одним из немногих официальных документов, в которых обобщен и проанализирован значительный материал о захвате Смоленска. Уже в самом наименовании комиссии, которая работала по «горячим следам», указывалось словосочетание «оставление Смоленска». Определение военных действий в районе Смоленска как «оборона Смоленска» появится намного позже. Результаты работы этой комиссии были обобщены в ноябре 1941 г. Согласно данным, собранным комиссией, непосредственно обороной города «занимались части общей численностью 6,5 тыс. человек», причем в гарнизоне «не было кадровых частей, а только запасные и специальные». Относительно боев непосредственно за город комиссия делает однозначный вывод: «Бои непосредственно за город Смоленск 15.07.1941 г. продолжались крайне скоротечно» [\[183\]](#).

Как командованием гарнизона, так и командованием 16-й армии, на которых была возложена ответственность за оборону города, не было принято действенных мер по обеспечению устойчивой и эффективной обороны Смоленска: «вместо организованного сопротивления противнику, в южной части города имеющимися силами... оборона города вылилась в форму разрозненных боев с противником», «со стороны 16 А, знавшей о тяжелом положении города [\[184\]](#), реальных мероприятий проведено не было, и вся борьба с наступающим противником была передана в руки только начальника гарнизона» [\[185\]](#). В отношении тех частей, которые прикрывали южную часть города, вывод комиссии, основанный на выводах Военного совета 16-й армии звучит однозначно: «оказались крайне

неустойчивыми и при первом боестолкновении с противником сдали город без какого-либо вооруженного сопротивления» [\[186\]](#).

Как видим, комиссия сделала вывод, который не совсем согласуется с масштабами произошедших событий. Захват противником Смоленска явился кульминацией широкомасштабной операции германской группы армий «Центр», развернувшейся на фронте в несколько сотен километров и почти на 200 километров в глубь нашей обороны. Такие масштабы не могут являться зоной ответственности командования армии (в нашем случае 16-й армии). Кроме этого, ответственность за оборону города была возложена на генерала Лукина всего за полтора дня до того, как захватчики вступят в южные предместья Смоленска. Стремительный захват противником Смоленска является наглядным показателем уровня организации и командования войсками на всем западном стратегическом направлении (ив масштабах фронта, и Генерального штаба, и Ставки).

Выводы комиссии о стремительном захвате города без стойкого сопротивления его защитников подтверждаются и документами германской стороны. Так, в отчете одной из частей, принимавших участие в захвате Смоленска, отмечалось: «Когда мы вступили в этот мертвый город, перед нами открылась призрачная картина. Выстрелов не слышалось. Отдельные появлявшиеся советские солдаты бросались наутек. Все мосты через Днепр были разрушены» [\[187\]](#). «Просмотрев» прорыв подвижной немецкой группы к Смоленску, Главком Западного направления С. К. Тимошенко и командующий Западным фронтом предприняли действия по обороне северной части города и возвращению Смоленска под свой контроль. Уже 16 июля под командование Лукина поступили 129, 12 и 158-я стрелковые дивизии. Эти силы значительно превосходили войска противника, овладевшего практически всем городом. Но время было упущено, враг прочно закрепился на достигнутых рубежах. Наши части перешли к обороне северной части города по реке Днепр.

Как известно, захват Смоленска вызвал гнев со стороны Верховного главнокомандующего. В последующем советские войска во исполнение приказа Сталина будут проводить постоянные атаки с целью вернуть Смоленск. Так, 20 июля бойцы 127-й и 158-й стрелковых дивизий переправились на левый берег Днепра и завязали бои с противником, освободили часть города, но закрепиться на захваченных рубежах не смогли.

Печально сознавать, что практически так же, но без всякого противодействия гитлеровцы два с лишним месяца спустя овладеют

Вязьмой, завершив тем самым создание огромного «Вяземского котла». Причем следует отметить тот факт, что нашим войскам не удавалось эффективно использовать в оборонительных боях естественные преграды: в Смоленске — Днепр, на вяземском направлении — Днепр, Вопец и другие реки. Но зато эти же преграды стоили огромной крови нашим бойцам при освобождении области в 1943 г.

Очень часто, особенно в советской историографии, одной из основных причин захвата Смоленска называют отсутствие инженерно-оборонительных сооружений. Но в начальный период Смоленского сражения аналогичная ситуация развивалась и на других участках фронта, где оборонительные сооружения имелись. Например, в сводке оперативного отдела штаба 24-й армии, части которой обороняли город Ельню, за 18 июля отмечалось, что строительство оборонительных рубежей в районе города закончено на 85 % [\[188\]](#). Однако, несмотря на имеющееся время для подготовки и обустройства оборонительных рубежей, наличие артиллерии, город Ельня был взят противником в течение скоротечного боя 19 июля 1941 г.

Можно сделать вывод, что советское высшее командование не выработало действенных мер по борьбе с подвижными соединениями врага. Противник, используя их, прорывал линию обороны, выходил на оперативный простор, совершал масштабные перемещения с глубокими охватами на десятки и даже сотни километров. Причем, по данным командующего 3-й танковой группой Г. Гота, Смоленск был захвачен 16 июля силами всего одной 29-й моторизованной дивизии [\[189\]](#).

Основываясь на вышеизложенных материалах, можно утверждать, что многочисленная советская историография, свидетельствующая о фактах подвига и героизма в боях за Смоленск, связана с отдельными, единичными фактами проявления героизма 15–16 июля 1941 г. в боях за город (но не массовым героизмом и упорством), что вполне традиционно. Как известно, очень часто бесстрашие, мужество и героизм отдельных воинов как раз и компенсируют массовую панику, безответственность, а порой и открытое предательство. В отдельных работах, рассматривая «героическую оборону Смоленска», авторы концентрируют внимание на фактах героизма и мужества, проявленных советскими воинами в период многочисленных попыток вернуть город, но ни в ходе его обороны. Достаточно туманной представляется целесообразность овладения Смоленском войсками, которые сами находились практически в полном окружении и перед которыми рано или поздно будет поставлена задача прорыва к основным

силам фронта. Но таково было требование Ставки и Верховного Главнокомандующего.

На первом этапе Смоленского сражения гитлеровцами были достигнуты основные цели начальной стадии наступательной операции. Им удалось прорвать линию фронта, продвинуться на 200 км, захватить Смоленск, Ельню, Великие Луки, Ярцево и практически окружить части 16, 19 и 20-й армий. Однако именно в эти первые дни Смоленского сражения гитлеровская стратегия дала трещину.

Во-первых, советские войска оказали врагу стойкое сопротивление, чего противник не ожидал, думая, что наши войска в связи с угрозой окружения отступят на восток. Так, в отчете о боевых действиях 2-й танковой группы с 12.07 по 10.08.1941 г. отмечалось: «Когда же перед 2-й танковой группой были обнаружены очень крупные силы противника восточнее Днепра и южнее Смоленска, командование 3-й танковой группы не верило, что противник рискнет бросить их в решительный бой у Смоленска» [\[190\]](#). Как видно из документа, враг рассчитывал, что наши войска в связи с угрозой окружения отступят на новые оборонительные позиции, и создание «смоленского котла» ими не планировалось. Но боевые действия стали развиваться по иному сценарию. И, как оказалось, сил для стремительного разгрома советских войск при сложившейся ситуации на фронте было явно недостаточно.

Наши войска не просто оказали серьезное сопротивление, но и нанесли противнику значительный урон. Например, окруженные части 13-й армии генерала В. Ф. Герасименко только с 11 по 16 июля, по советским данным, в междуречье Днепра и Сожа уничтожили 227 автомашин, 27 орудий, 11 самолетов и не менее 1 тыс. гитлеровцев [\[191\]](#). Войска 20-й армии под командованием генерала П. А. Курочкина восточнее Орши нанесли ощутимые потери 27-му моторизованному корпусу противника. Враг потерял 35 танков и 25 мотоциклов и вынужден был в течение трех суток вести бои в этом районе [\[192\]](#). Даже с учетом свойственных советской военной статистике приписок можно утверждать, что противник на смоленском направлении нес потери (немецкая статистика будет приведена ниже), равных которым не было за весь предыдущий период Второй мировой войны.

Здесь же, под Оршей, был нанесён первый удар по врагу реактивными минометами БМ-13. Залп, длившийся всего 15 секунд, нанёс противнику значительный урон.

Частям Красной Армии удалось провести ряд контр наступательных

операций. Наибольшего успеха достигло наступление корпусов 21-й армии под командованием Ф.И. Кузнецова, отдельным частям которой удалось прорваться в глубину вражеской обороны на 80 км. В общей сложности войска армии сковали до 15 фашистских дивизий, что значительно ослабило натиск противника на главном направлении [\[193\]](#).

Во-вторых, после захвата Смоленска противнику не удалось развернуть дальнейшее наступление на Москву. Путь вражеским частям 17 июля преградила сформированная боевая группа под командованием генерала Рокоссовского, в составе 38-й сд и 101-й танковой дивизии, а активные действия окруженных советских частей не давали гитлеровцам возможности высвободить достаточное количество войск для успешного продвижения на московском направлении. Войска К. К. Рокоссовского не просто остановили противника, но и провели стремительную и неожиданную для противника наступательную операцию. 19–20 июля 1941 г., форсировав реку, нанесли удар по не успевшему закрепиться противнику, освободили город Ярцево (почти за два месяца до освобождения г. Ельни, признанного первым из освобожденных в годы войны).

Кроме того, как отмечалось выше, германское командование рассчитывало, что в связи с угрозой охвата наши войска отступят. Однако находящиеся в полуокружении наши части организовали активную оборону и предпринимали непрекращающиеся попытки вернуть Смоленск. Сил для разгрома этой группировки у противника явно не хватало. Немецкие войска напоминали удава, проглотившего добычу, которую не мог переварить. В дальнейшем уроки «смоленского котла» будут использованы при подготовке операции «Тайфун», когда противник сконцентрировал необходимое количество сил не только для стремительного прорыва и окружения, но и для быстрого уничтожения окруженных войск. «Вяземский котел» был защищен противником менее чем за десять дней.

В-третьих, противник не смог добиться полного окружения и изоляции частей 16, 19 и 20-й армий от основных сил фронта. Отчасти наличие коридора, соединявшего находившиеся в районе Смоленска советские войска с основными силами фронта, объясняется несогласованностью действий германских армейских и танковых групп (войска 2-й германской танковой группы и 4-й армии, действовавшие с юга, «запаздывали с выходом к намеченному рубежу») [\[194\]](#). Практически в течение всего периода ведения боёв окружёнными советскими армиями во вражеском

тылу действовала переправа через Днепр у д. Соловьево (15 км южнее Ярцево), обеспечивавшая окруженным 16-й и 20-й армиям связь с основными силами фронта.

Если в первый период Смоленского сражения советские войска вели преимущественно оборонительные бои, то в последующем части Западного и Резервного фронтов (в пределах Смоленской области) ведут наступательные действия.

Второй период Смоленского сражения характеризуется переходом частей Западного фронта в наступление с целью возвращения Смоленска и уничтожения смоленской группировки противника. Его отличает широкое использование активных методов боевых действий с обеих сторон, что повлекло за собой резкое нарастание напряженности на центральном участке советско-германского фронта. И именно на этом этапе Смоленского сражения напряженность противостояния советских и германских войск на западном стратегическом направлении достигла своей кульминации — германское командование перейдет на центральном участке фронта к обороне.

19 июля Ставка приняла решение о проведении контрнаступления в полосе Западного фронта [\[195\]](#). На следующий день 20 июля состоялись переговоры Сталина и Жукова с командующим фронтом Тимошенко, где Верховный главнокомандующий, в свойственной ему манере, поставил задачу перед маршалом о создании ударных группировок по 7–8 дивизий: «Я думаю, пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами» [\[196\]](#).

Во исполнение приказа Ставки из 20 дивизий фронта резервных армий было создано 5 армейских оперативных групп, в составе 3–4 дивизий каждая, которые вошли в состав Западного фронта. Этим группам войск, которые возглавили генералы В.А. Хоменко, С.А. Калинин, К.К. Рокоссовский, В.Я. Качалов и И.И. Масленников, предстояло нанести одновременные удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск. После разгрома прорвавшегося врага они должны были соединиться с основными силами 16-й и 20-й армий [\[197\]](#).

Планируя действия наших оперативных групп, советское командование ставило перед ними грандиозные задачи, свидетельствовавшие об ошибках в оценке оперативной обстановки на Западном направлении и недооценке противника. Так, например, перед группой генерала Хоменко 24 июля ставилась следующая задача: «... основной задачей этой группы является разгром противника в районе

Смоленска и выход на рубеж реки Днепр для восстановления положения и изгнания противника из района Орши» (информация переговоров по БОДО между Жуковым и Тимошенко 24 июля) [\[198\]](#).

Для увеличения ударной мощи этих групп в каждую дивизию, назначенную для наступления, передавалось по танковому батальону (21 танк), а в группу генерала Качалова — 104-я танковая дивизия [\[199\]](#). Для поддержки и прикрытия ударных групп с воздуха выделялось три авиационных группы, каждая в составе до смешанной авиационной дивизии. В дополнение к этому, учитывая растянутость коммуникаций противника и отставание его тыловых частей, было решено направить в рейд по тылам врага кавалерийскую группу (в составе трёх кавалерийских дивизий), сосредоточенную в полосе 21-й армии.

Обстановка не благоприятствовала переходу в наступление, но очевидна была и его необходимость. Нельзя было дать возможность гитлеровцам воспользоваться достигнутыми на смоленском направлении результатами. Необходимо было заставить расплыть его ударные группировки и оттянуть вражеские войска на второстепенные направления. Кроме того, важной задачей являлось снятие угрозы полного окружения 16-й и 20-й армий.

Факт выделения в ударные группировки 20 дивизий определенного числа бронетехники и авиации свидетельствует о том, что на тот момент войска фронта и все вооруженные силы имели необходимые резервы и силы для осуществления крупных наступательных действий. В советской историографии внимание акцентируется на недостаточности сил и слабости этих оперативных групп, но главная проблема нам представляется не в этом. Следует напомнить, что войска противника захватили Смоленск всего лишь силами одной дивизии. Основной вопрос эффективного применения этих сил заключается в рассчитанной и грамотной стратегии использования этих войск, в определении наиболее уязвимых участков обороны, в слаженности и скоординированности действий и умении войск.

Наступление наших войск, в 20-х числах июля, совпало с активными наступательными действиями и войск противника, стремящегося расширить и укрепить внешнее кольцо окружения [\[200\]](#). Бои второго периода отличались встречным характером и ожесточенностью. Однако следует сказать, что достичь поставленной цели в ходе наступления частей Западного фронта в конце июля 1941 г. не удалось. Сил для нанесения по противнику действенных ударов оказалось явно недостаточно, к тому же войска действовали изолированно друг от друга и имели слишком мало

времени для подготовки операции. На отдельных направлениях нашим войскам удалось достичь определенного успеха. Так, ударная группа войск 30-й армии действовала в направлении на Духовщину и продвинулась с боями на 20–25 км, сковав крупные силы противника [201]. Наступление других частей Западного фронта успеха не имело. Например, группа генерала Качалова, перешедшая в наступление 23 июля, оказалась в окружении и понесла значительные потери. К 27 июля дивизии группы в ходе непрерывных боев потеряли: 104 тд — 1540 человек убитыми и ранеными; 143 сд — 966 человек убитыми и ранеными; 145 сд — 2241; во всей группе осталось только 45 орудий всех калибров и т. д. [202] При прорыве из окружения погиб и генерал Качалов. Практически вся оперативная группа Качалова была уничтожена и пленена противником. В оперативном донесении ГА «Центр» от 8.8.1941 г. отмечалось, что в районе Рославля в плен были взяты 38561 красноармеец, 250 танков и разведывательных машин, 359 орудий всех калибров и т. д. [203]

Стремление вернуть любыми средствами Смоленск во исполнение требования Ставки и Верховного главнокомандующего привело к тому, что части 16-й и 20-й армий, штурмовавшие окраины города с 20 июля, ослабили фланги. Противнику 26–27 июля удалось нанести удар в тыл этих армий и окружить их севернее города [204].

Кроме того, не получился одновременный удар оперативными группами. Например, группа войск генерала Рокоссовского не смогла перейти в наступление в установленное время, отражая многочисленные атаки противника. Но именно эта группа, остановив противника, нанесла удар, обеспечивший разрыв вражеского кольца, в котором в конце июля оказались части 20-й и 16-й армий севернее Смоленска.

Несмотря на тяжёлые, непрекращающиеся бои и большие потери, в том числе в условиях окружения, части Красной Армии, по словам самих немецких военачальников, сражались «ожесточенно и фанатично». Ожесточенное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь германской группы армий «Центр». Она оказалась скованной на всех участках фронта. Командующий группой армий «Центр», фельдмаршал фон Бок писал в те дни: «Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор не было возможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время не будет где-либо нанесен сокрушительный удар,

то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы» [205]. Именно в ходе Смоленского сражения наглядно проявился просчет гитлеровского командования в оценке способности советских войск к сопротивлению.

В результате упорных и кровопролитных оборонительных боев под Смоленском и на других участках советско-германского фронта наступательный темп противника ослаб, части вермахта были измотаны и понесли значительные потери, и, что самое главное, противник уже не мог вести наступление на всех трех главных направлениях.

Исходя из сложившейся обстановки, Гитлер подписывает директиву № 34 от 30 июля 1941 г., согласно которой войска группы армий «Центр» должны были перейти к обороне. По приказу фюрера основные усилия вермахта с центра были перенесены на фланги. В августе намечалось продолжить наступление, в первую очередь с целью окружения и уничтожения советских войск на Украине, а также совместно с финскими войсками блокировать Ленинград. Танковые группы, входившие в состав войск Бока, выводились из боев для срочного восстановления боеспособности и последующего использования их на флангах Восточного фронта (2-я танковая группа генерала Гудериана перешла в подчинение командующего группы армий «Юг», 3-я танковая группа генерала Гота поддерживала наступление группы армий «Север»). Данное решение было последней точкой в длительном споре между Гитлером и германским генеральным штабом о направлении стратегических ударов в войне с СССР. Многие видные военачальники нацистской Германии (Гальдер, Йодль, Гудериан, Типпельскирх и др.) считали решение о повороте сил на юг для «захвата Украины» одним из трагических решений в ходе войны с Россией [206].

Таким образом, героизм советских воинов на центральном направлении и других участках фронта заставил германское командование пересмотреть первоначальные планы и в августе-сентябре изменить направление главных ударов. Среди германского генералитета в это время все чаще высказывались сомнения о «возможности достижения решающего успеха» на тех или иных направлениях, ибо упорное сопротивление Красной Армии «приводит к критическому обострению обстановки на отдельных участках» [207]. По данным германской стороны, с 22 июня по 13 августа 1941 г. потери всего восточного фронта составили 3714 офицеров, 76 389 солдат и унтер-офицеров; раненых — 9161 офицер и 264 975 солдат и унтер-офицеров. Эти цифры составляли приблизительно 10 % всей

численности войск на восточном фронте. В сравнении с потерями вермахта в Польше и Франции они были чрезвычайно велики [208].

Однако советские войска понесли значительно большие потери. Например, только за август 1941 г. войска западного фронта потеряли 138 тыс. человек [209]. Исследователь Л. Н. Лопуховский на примере отдельных противостоящих друг другу частей советской и германской армий предпринял попытку определить соотношение потерь в период оборонительных боев этого периода на западном направлении. Сравнив 19-ю советскую армию, потери которой составили с 1 августа по 10 сентября 1941 г. 45 тыс. человек, и потери противостоящего ей германского 8-го армейского корпуса — около 7 тыс. человек, поддерживающих его 7-й танковой (около 1 тыс. человек) и 14-й моторизованной (около 1 тыс. человек) дивизий, он получил соотношение 4,4: 1 в пользу противника [210].

Третий этап Смоленского сражения вытекал из особенностей оперативно-стратегической обстановки, складывавшейся в это время на советско-германском фронте. В период с 8 по 21 августа советское командование предприняло новую попытку перехватить инициативу. С поворотом значительной части сил группы армий «Центр» на юг войска Западного и Резервного фронтов перешли в наступление с целью разгрома ельнинской и духовщинской группировок противника. Следует отметить, что в первой половине августа эпицентр военных событий переместился к югу, в полосу Центрального (создан Ставкой 24 июля с подчинением ему 13-й и 21-й армий), а затем и Брянского фронтов (создан 16 августа в составе 13-й и 50-й армий).

8 августа 2-я танковая группа противника перешла в наступление и прорвала оборону Центрального фронта в полосе 13-й армии. Одновременно 2-я полевая армия глубоко охватила с востока 21-ю армию. Одновременно с ударами войск противника возобновили наступательные действия и части Западного фронта. Войскам в соответствии с приказом предстояло, «прочно удерживая левым крылом фронта рубежи реки Днепр и отражая атаки противника на своем правом крыле, центром разгромить и уничтожить духовщинскую группировку противника» [211]. Основная роль в решении поставленной задачи возлагалась на соединения 19-й и 30-й армий.

8 августа войска этих армий перешли в наступление, несколько дней части армий безуспешно пытались прорвать вражеские позиции. Немцы организовали плотную оборону и оказывали эффективное сопротивление. Одним из немногих позитивных результатов нашего наступления на

Духовщину явился прорыв в полосе 19-й армии из вражеского тыла группы генерала Болдина, которая совершила 500-километровый рейд по тылам врага. 15 августа командование фронта отдало приказ на продолжение Духовщинской операции. Этот этап Духовщинской операции был более тщательно подготовлен, обеспечен войсками и вооружением. 17 августа наступление начала 19-я армия, а затем к нему перешли 30-я и 29-я армии. Войска прорвали оборону противника, но дальнейшего успеха развить не удалось. Наступательные возможности армий иссякли. Но в результате наступательных действий противник был вынужден перебросить на духовщинское направление 57-й механизированный корпус из состава 3-й танковой группы [\[212\]](#).

Наступление силами частей Резервного фронта на ельнинском направлении было менее успешным. Части 24-й армии не выполнили поставленной задачи — уничтожить ельнинский выступ. Но именно активные наступательные действия привели к тому, что та ударная группа, которую противник сосредотачивал в районе ельнинского выступа, была обескровлена. Так, в телеграмме-донесении штаба 46-го танкового корпуса командиру 2-й германской танковой группы отмечалось: «В районе ельнинского плацдарма идут непрекращающиеся бои. Боеспособность корпуса, особенно дивизий СС и пехотного полка «Великая Германия» ежедневно уменьшается настолько, что их дальнейшее боевое использование вызывает серьезные сомнения» [\[213\]](#).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что наступательные действия на ельнинском и других участках фронта явились одной из важнейших причин отмены германским командованием ширококомасштабного наступления на московском направлении. Так, в телеграмме группы армий «Центр» № 725/711 от 14.08.1941 танковой группе Гудериана приказывалось: «Главное командование сухопутных сил приказало отменить намеченное наступление через реку Днепр. О возможном оставлении ельнинской дуги последует особый приказ...» [\[214\]](#). В последующем во второй половине августа командованию группы армий «Центр» пришлось вывести из под Ельни «потрепанные» 2 танковые, 1 моторизованную дивизию и моторизованную бригаду и заменить их пятью пехотными дивизиями [\[215\]](#).

Советское командование осознавало, что для решения такой сложной задачи, как ликвидация ельнинской группировки, необходима тщательно спланированная операция с привлечением дополнительных сил. Ликвидация этого стратегически важного плацдарма стала центральным

эпизодом четвертого, заключительно этапа Смоленского сражения.

В 20-х числах августа на огромной территории (протяженностью в 600 км от Торопца до Новгорода-Северского) развернулись ожесточенные бои. Смоленское сражение вступило в свою завершающую стадию. На правом крыле Западного фронта противник в полосе 22-й и 29-й армий прорвал оборону и отбросил советские войска на левый берег Западной Двины. Но советскому командованию при активном использовании инженерных частей и создании минно-взрывных заграждений удалось остановить продвижение врага. Как уже говорилось выше, к этому времени германское командование сменило направление стратегических ударов и не имело достаточных сил для широкомасштабного наступления в полосе Западного фронта. Не сумев развить первоначального успеха, немецкие войска сами были атакованы частями советской 30-й армии. 29 августа части этой армии прорвали фронт противника и развернули его преследование. В образовавшийся прорыв была введена кавалерийская группа под командованием генерала Л. М. Доватора. Это был уже второй опыт ввода во вражеский тыл подвижной группы в ходе боев на Западном стратегическом направлении. Для охраны своих коммуникаций, тыловых объектов и борьбы с советской конницей командование сухопутных войск вермахта было вынуждено выделить из своего резерва 3 пехотные дивизии [\[216\]](#).

1 сентября в наступление перешли части 16, 19 и 20-й армий. Но ослабленные в ходе предыдущих боев армии за девять дней упорных боев сумели продвинуться лишь на несколько километров. Армии понесли колоссальные потери. Так, в журнале боевых действий Западного фронта за сентябрь 1941 г. отмечалось: «...за пять дней боев (с 1 по 6 сентября) только 16 А потеряла убитыми и ранеными 12 тыс. человек и почти все танки» [\[217\]](#). Ввиду бесплодности атак и больших потерь наступление этих армий было остановлено.

Положение на московском стратегическом направлении в начале сентября 1941 г. можно охарактеризовать как своеобразный временный паритет сил, возникший в результате непрекращающихся боев, больших потерь и перемещения значительных сил германской армии на другие участки фронта, при котором ни одна из противоборствующих сторон не смогла переломить обстановку и захватить инициативу; эпицентр боев сместился на южное направление советско-германского фронта.

Несмотря на неудачу общего сентябрьского наступления частей Западного и Резервного фронтов в полосе 24-й армии Резервного фронта

была проведена Ельнинская наступательная операция, ставшая первой крупной победой Красной Армии в начале Великой Отечественной войны.

Отсутствие возможности у противника для проведения крупных наступательных действий на московском направлении советское командование решило использовать для ликвидации ельнинского выступа, который в перспективе мог быть использован гитлеровцами как плацдарм для дальнейшего наступления на Москву.

В соответствии с директивой Ставки «войскам Резервного фронта предстояло 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: разгромить ельнинскую группировку противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлении Починок и Рославль, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы — Хиславичи — Петричи...» [\[218\]](#).

Во исполнение этой директивы командование Резервным фронтом (с начала августа фронтом командовал Г. К. Жуков) разработало план ельнинской наступательной операции. Предполагалось нанесением одновременных ударов на флангах выступа, согласованных с наступлением с фронта, рассеять немецкие войска на части, окружить и уничтожить их, В план операции входило создание внешнего и внутреннего кольца окружения, с тем чтобы сорвать попытки противника оказать помощь блокированным частям [\[219\]](#). Основной удар под основание клина должны были нанести две ударные группировки в составе пяти дивизий — северная (две стрелковые и танковая дивизии) и южная (стрелковая и моторизованная дивизии). Остальные дивизии 24-й армии должны были вести наступление по фронту с востока на запад, рассекая войска противника. Слабым звеном планируемой операции являлось отсутствие возможности обеспечить наступавшие войска с воздуха, так как вся авиация к началу операции была передана по приказу Ставки соседнему Брянскому фронту. Командование стремилось компенсировать это концентрацией артиллерийских частей. В состав ударных группировок были включены все имеющиеся танки и около 70 % артиллерии 24-й армии. Плотность артиллерии на участках прорыва достигала 60 орудий и минометов на 1 км фронта [\[220\]](#).

30 августа 1941 г. части 24-й армии перешли в наступление. Противник оказывал упорное сопротивление, и за сутки наши войска сумели вклиниться в глубь вражеской территории на 1,5 км, и не на всех участках [\[221\]](#). Упорные бои продолжались четыре дня, за это время, во многом благодаря мужеству и самоотверженности советских воинов,

северной и южной группировкам, наносившим удары под основание клина, удалось сузить горловину ельнинского выступа до 6–8 км. В этой обстановке немецкое командование приняло решение об отводе своих войск с территории ельнинского плацдарма. Одновременно с 24-й армией наступление начала и 43-я армия в общем направлении на Рославль. И хотя частям армии не удалось прорвать фронт, их действия отвлекали силы противника, что способствовало успешному развитию обстановки на ельнинском направлении.

6 сентября Ельня была освобождена, а 8 сентября ельнинский выступ перестал существовать. Неоднократные попытки прорвать новый рубеж обороны противника на линии Новые Яковлевичи — Ново-Тишово — Кукуево успеха не имели. Учитывая большие потери и измотанность войск, Ставка приказала прекратить наступление.

Ельнинская операция далеко не первая из наступательных операций начального периода войны. На время приостановил наступление противника удар советских мехкорпусов 26 июня 1941 г. в районе Дубно. 13–15 июля 1941 г. 64-й стрелковый корпус генерала Петровского нанес стремительный удар по противнику и овладел городами Рогачев и Жлобин. Войска под командованием генерала Рокоссовского в 20-х числах июля 1941 г. выбили противника из г. Ярцево. В этих и других боях советские войска громили отдельные гитлеровские части и заставляли их отступать на различных участках фронта в июне — сентябре 1941 г.

Однако Ельнинская операция имеет ряд особенностей, выделяющих ее среди всех предшествующих наступательных действий Красной Армии, которые являлись стремительными контрударами по наступающему противнику и его тылам. Под Ельней наши войска атаковали уже укрепленные позиции противника, который перешел к обороне и имел своей целью удержать линию фронта. Выполнить в полном объеме поставленные перед 24-й армией задачи не удалось. Противник не был окружен и уничтожен, также не удалось развить и дальнейшее наступление. Но достигнутые результаты имели огромное значение. Несмотря на отсутствие численного перевеса, слабое обеспечение танками (немецкие войска танковых частей на ельнинском выступе не имели), отсутствие поддержки с воздуха, на ограниченный опыт ведения эффективных наступательных действий и взаимодействия родов войск, части 24-й армии нанесли противнику серьезное поражение. Был ликвидирован опасный плацдарм на московском направлении. Серьезные потери понесли пять вражеских дивизий, однако необходимо отметить, что ни одна из них не была отправлена на переформирование, и все приняли

участие в наступлении на Москву. Долгое время в отечественной науке при анализе потерь на этом участке фронта использовалась информация, указанная Г. К. Жуковым в своих мемуарах. По его данным, противник в ходе Ельнинской операции потерял убитыми и ранеными 45–47 тыс. человек [\[222\]](#). Современные исследования показывают, что потери вермахта были почти в два раза ниже и составили около 25 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести [\[223\]](#). Как видим, в боях на ельнинском выступе были разгромлены две полнокровные дивизии вермахта. Таких потерь на одном участке фронта вермахт ещё не нёс за весь период Второй мировой войны.

В советской историографии сложился штамп, ограничивающий хронологию Ельнинской операции периодом с 30 августа по 8 сентября 1941 г. Однако последние работы, посвященные этой странице войны [\[224\]](#), показывают, что это не вполне соответствует действительному ходу развития событий. Во многом указанный штамп был подогнан под личность Г. К. Жукова, который непосредственно в это время принимал активное участие в разработке и осуществлении кульминационного финала ельнинской эпопеи. Бои за ельнинский плацдарм с неослабевающим ожесточением велись с 19 июля, т. е. практически 7 недель до официальной даты начала операций. Ещё до 30 сентября 1941 г. в боях на ельнинском рубеже были измотаны и обескровлены девять вражеских дивизий. В немецкой литературе, посвященной боям под Ельней, этот эпизод войны характеризуется как «ельнинский ад», «мясорубка» [\[225\]](#). Эти и другие обстоятельства дают основание расширить хронологические рамки ельнинского сражения, а не ограничивать его только периодом активных наступательных действий 30 августа — 8 сентября, когда советские ударные группировки повели наступление на измотанного и обескровленного противника со слабой артиллерией и не имевшего танков. Победа под Ельней далась нашим войскам дорогой ценой. В донесении политотдела в штаб 24-й армии указывалось, что за время боев под Ельней армия, по приблизительным подсчетам, потеряла 77 728 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Наибольшие потери понесли 19 сд. — 11 359 и 6-я дивизия народного ополчения, в которой из первоначально имевшихся 9791 военнослужащего в строю к 20 сентября 1941 г. осталось всего 2002 человека [\[226\]](#). В дивизиях, которые позже будут за участие в ельнинской операции преобразованы в гвардейские (100, 127, 153, 161), выбыло до 80 % личного состава (убитые, раненые, контуженные, пленные и т. д.). После боев под Ельней в них осталось по 200–400 активных

штыков [\[227\]](#). Несмотря на значительное политическое, моральное значение, приобретение опыта наступательных действий, необходимо признать, что стратегическое значение данной операции было сравнительно небольшим.

Во-первых, опасность использования ельнинского выступа в качестве плацдарма для наступления на Москву существовала лишь теоретически. В дальнейшем германские войска и без ельнинского выступа подготовят и осуществят грандиозную операцию, в результате которой практически будут уничтожены Западный и Резервный советские фронты. Во-вторых, победа под Ельней и ее результаты практически никак не были использованы нашим командованием и не внесли какого-либо изменения в общую стратегическую расстановку сил на западном направлении. Но стране, народу, Сталину нужна была победа, и она была достигнута.

Следует отметить, что следующую крупную наступательную операцию наши войска смогут подготовить и осуществить только спустя два с половиной месяца: под Тихвином наступление начнется 10 ноября 1941 г., а под Ростовом — 17 ноября (21 ноября гитлеровцы возьмут Ростов, но 27 ноября под натиском наших войск оставят город и отступят).

При анализе развития обстановки на центральном участке фронта в районе Ельни становится очевидным стремление германских войск до последней возможности удерживать Ельнинский плацдарм. Бои под Ельней приковали к этому участку фронта внимание советского командования и позволили противнику скрытно перебросить и перенацелить мобильные соединения на юг, чтобы уничтожить основные силы пяти советских армий под Киевом.

Смоленское сражение заняло особое место в истории Великой Отечественной войны и особенно на ее начальном этапе. Впервые враг вынужден был перейти к обороне. Наши войска получили кровавый опыт не только ведения оборонительных, но и наступательных действий. Если в период боев в Белоруссии советское командование практически не оказало никакой помощи окруженным частям под Минском и Белостоком, ограничившись созданием только новой линии обороны, то в Смоленском сражении все выглядело иначе. Избежавшие окружения войска и свежие части не просто создали новую линию обороны, но и активно атаковали противника с целью деблокаирования окруженных севернее Смоленска советских войск. Командующий 3-й танковой группой вермахта Гот отмечал: «Окружение и разгром многих дивизий противника под Смоленском не обеспечили 3-й танковой группе свободы оперативного маневра в восточном направлении, как это произошло под Минском» [\[228\]](#).

Опыт войны с сильным врагом давался нам дорогой ценой. В Смоленском сражении ярко проявилась печальная особенность ведения боевых действий на Западном стратегическом направлении — огромные потери в живой силе и технике, как при ведении оборонительных, так и наступательных боев. В ходе Смоленского сражения, согласно официальной статистике, безвозвратные потери советской армии составили 486171 человек, а санитарные — 273 803 человека (однако следует учитывать, что в эту цифру входят потери Центрального и Брянского фронтов, фронтовая линия которых выходит за пределы Смоленской области) [229]. Колоссальны были потери в технике и вооружении, они составили 1348 танков и САУ, 9290 орудий и минометов, 903 самолёта [230].

Но и войскам противника был нанесен серьезный урон. Только за период с 17 августа по 13 сентября 1941 г. шестью армиями Западного фронта, по нашим данным, было уничтожено: 39 861 солдат и офицеров противника, 194 орудия, 108 минометов, 170 танков, 9 самолетов и т. д. [231] По признанию самих немцев, к концу августа моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава и материальной части, а общие потери (безвозвратные и санитарные. — *Прим. авт.*) на всем восточном фронте, по традиционным оценкам советской историографии, составляли около полумиллиона человек [232].

Сравнительный анализ показывает, что в ходе Смоленского сражения наши войска потеряли такое же количество живой силы, как вся немецкая армия на всем восточном фронте с начала войны до сентября 1941 г. Это наглядно показывает уровень подготовленности противоборствующих армий. Несмотря на то что наши войска действовали в обороне, имели подготовленные укрепленные линии и укрепрайоны, они несли большие потери, чем наступающие части вермахта. Однако здесь необходимо отметить, что в ходе Смоленского сражения основное количество потерь наши войска понесли в ходе наступательных действий (удар оперативных групп в июле 1941 г., почти двухмесячные атаки ельнинского плацдарма и др.), выполняя приказы командования о разгроме противника. В действительности же наступательные действия в июле — сентябре 1941 г. привели только к сковыванию гитлеровских войск и освобождению отдельных территорий.

В официальной трактовке отечественной науки и в общественном сознании большинства граждан нашей страны Смоленское сражение представляется как героическая страница отечественной истории, когда враг был задержан на целых три месяца. Именно в ходе Смоленского

сражения дал трещину гитлеровский план молниеносной войны и родилась советская гвардия. Эти итоговые выводы почти трех месяцев противостояния на центральном московском направлении вряд ли кто может подвергнуть сомнению. Однако промежуточные выводы об отдельных событиях и явлениях в ходе сражения не являются такими однозначными. И их также необходимо учитывать. Например, когда мы говорим о создании советской гвардии, необходимо отмечать и тот факт, что известный приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» возник как раз в период Смоленского сражения и содержал в себе нелицеприятные факты (отдельные из них, как информация о генерале Качалове, не подтвердились), отмеченные в полосе Западного фронта.

Также не совсем правомерным является утверждение о том, что именно в результате Смоленского сражения потерпела крах вражеская стратегия блицкрига. Войска группы армий «Центр» были задержаны на смоленской земле, в первую очередь, не в результате эффективных действий советских войск на западном направлении, а в результате сопротивления Красной Армии на всем советско-германском фронте. Именно это сопротивление сорвало план молниеносного одновременного удара на всех стратегических направлениях, и германское командование вынуждено было снять значительное количество своих ударных сил с центрального участка и перебросить или перенацелить их на фланги советско-германского фронта. Другой причиной срыва плана молниеносной войны является авантюристность самого плана «Барбаросса», который формировался на основе недооценки сил Красной Армии и переоценки своих возможностей.

Июльская операция немцев на смоленском направлении является классическим выражением германской военной мысли, направленной на молниеносный прорыв и окружение значительных сил противника механизированными клещами. В ходе Смоленского сражения гитлеровскому командованию не удалось в полном объеме реализовать свои планы. Несмотря на то что Смоленск был взят практически с ходу и в окружении (сначала в полуокружении) оказались значительные силы Западного фронта, гитлеровцам так и не удалось полностью разгромить окружённые советские войска и развить дальнейшее наступление на московском направлении. Окруженные под Смоленском советские войска, несмотря на большие потери, сумели организовать устойчивую оборону, долгое время удерживать коридор, связывающий с основными силами

фронта, и даже вести активное наступление с целью овладения Смоленском. Боевые действия наших войск на западном направлении в июле-августе 1941 г. — это ценнейший опыт, в том числе и опыт борьбы в условиях окружения.

К сожалению, мы вправе утверждать, что в начале октября 1941 г., когда части Красной Армии имели значительные силы, несколько оборонительных рубежей, время для подготовки и обустройства позиций, данные разведки и т. д., этот опыт не был использован как командным составом всех уровней, так и рядовым. Одновременно с этим германская сторона в период Вяземской операции учла опыт боев под Смоленском. Предприняла меры по предотвращению ошибок, допущенных в ходе Смоленского сражения, и к 7 октября прочно захлопнула «вяземский котел», умело блокировала, рассекла и уничтожила окруженные наши войска.

Кроме этого, именно в ходе боев на Смоленщине наша армия получила первый опыт удачного проведения наступательных операций, пусть и на отдельных участках фронта — освобождение города Ярцево войсками армейской группы генерала Рокоссовского. В начале сентября войска Резервного фронта ликвидировали Ельнинский плацдарм и нанесли ощутимое поражение противнику. Именно в этой операции проявилась трагическая, характерная черта всех последующих наступательных операций Красной Армии на западном стратегическом направлении — большие потери в живой силе. Ельнинская наступательная операция была кровопролитной, после ее завершения дивизии, получившие наименование гвардейских, были выведены на переформирование.

Одновременно с этим необходимо отметить, что в результате данной операции не удалось окружить и уничтожить войска противника (пехотные части), они были выдавлены с территории ельнинского выступа. Победа под Ельней имела больше политическое и моральное, чем стратегическое значение. Дальнейшие события — разгром (уничтожение, пленение и рассеивание) в Вяземской оборонительной операции основных сил Западного и Резервного фронтов показали, что германская армия и без выгодной конфигурации фронта и плацдармов способна эффективно действовать, окружать и громить наши войска.

В общем же следует отметить, что наступательные действия советских войск были малоэффективными. Так, удар пятью армейскими оперативными группами, каждая из которых представляла собой многочисленное и достаточно усиленное техникой соединение, поставленной задачи не достиг. Так же были безрезультатны и

последующие наступательные действия наших войск. Постоянные атаки войск Западного и Резервного фронтов в августе — сентябре 1941 г. не помешали германскому командованию не только удерживать линию фронта (кроме заранее предполагаемого к оставлению «ельнинского выступа»), но и вывести из состава группы армий «Центр» две армии и использовать их на другом участке фронта.

Правда, следует отметить отдельные тактические успешные действия наших войск в период оборонительных боев в июле — августе 1941 г. Они являлись результатом талантливых, нестандартных решений советского командования в стремительно меняющейся обстановке. К подобному роду операциям можно отнести:

- контрнаступление 21-й армии 13–15 июля, 64-й корпус которой стремительным ударом овладел городами Рогачев и Жлобин и создал угрозу выхода в тыл противника на могилевско-смоленском направлении;
- введение в прорыв на слабых участках германской обороны кавалерийских частей и соединений, как это было в 20-х числах июля в полосе 21-й армии (в тыл врага было направлено 3 кавалерийские дивизии) и в конце августа, когда стремительный рейд по вражеским тылам совершила кавгруппа генерала Доватора (в составе двух кав. дивизий);
- стремительный и эффективный контрудар войск под командованием К. К. Рокоссовского в начале 20-х чисел июля, в результате гитлеровцы были выбиты из г. Ярцево [\[233\]](#).

Эти удары противоречили шаблонной тактике и ставили противника в тупик, но по своим масштабам указанные операции не могли внести серьезных изменений в положение дел на фронте.

Изучение соотношений сил и средств противоборствующих сторон показывает, что здесь, на Смоленском направлении Красная Армия имела все необходимое для того, чтобы не просто дать отпор врагу, но и нанести ему серьезное поражение. В период всего Смоленского сражения противник не имел решающего превосходства в численности войск и технике. Однако на протяжении всего Смоленского сражения стратегическая инициатива полностью принадлежала германской армии.

Объективную характеристику состояния нашей армии и советского командования в начальный период войны дал Г. К. Жуков, отметивший в своих мемуарах, что «наше командование, как в тактическом, так и в оперативно-стратегическом плане, еще не имело всестороннего опыта ведения боевых действий и войны в целом... наши довоенные оперативно-стратегические методы вооруженной борьбы вошли в некоторое

противоречие с практикой войны, с реальной действительностью» [\[234\]](#).

Просчёты в общей стратегии Вооруженных сил СССР в предвоенный период и подготовке войск (ориентация на наступательные действия в ущерб отработки действий в обороне), истребление командных кадров, безынициативность командиров и др. дали свои плачевные результаты.

В таких условиях основная ставка советского командования делалась на мужество и упорство советского солдата, а зачастую на принуждение и угрозы репрессий. Дальнейшие колоссальные потери нашей армии в борьбе с подготовленным и воодушевленным успехами врагом были неизбежными. Именно огромные людские потери компенсировали все просчеты и ошибки как руководства страны, так и командования.

Однако было бы неправильным увязывать трагические ошибки, нереализованные возможности и большие потери в период Смоленского сражения только с шаблонностью, стереотипностью и в ряде случаев неграмотностью советского командования, чаще руководствующегося в своих действиях не анализом складывающейся обстановки, а исходя из мнения Ставки. Необходимо отметить, что командование принимало решения, прекрасно осознавая, какой уровень подготовки был у советских войск в тот момент. Мы можем выделить следующие особенности состояния Красной Армии в начальный период войны, снижавшие ее военную мощь:

- отсутствие опыта ведения боевых действий (только незначительное число частей и соединений имели опыт участия в реальных боевых действиях, причём не всегда удачный (война с Финляндией);
- отсутствие боевых традиций (практически полностью была разрушена идеологическая составляющая российского воинства, развивавшаяся до 1917 г. «Героические ориентиры» Гражданской войны и пролетарские ценности, искусственно созданные и чаще всего насильственно навязанные, не могли компенсировать этой утраты);
- на армии, как зеркале общества, отразились все социальные противоречия, развивавшиеся в обществе на протяжении всего советского периода. Мы вправе говорить о колоссальной дистанции между рядовым составом, состоявшим преимущественно из крестьян, и командирами, особенно политработниками. Наиболее наглядно это проявится в окружении, когда солдаты указывали гитлеровцам на командиров и политруков [\[235\]](#).

Красная Армия накануне и в самом начале войны отставала от того уровня, который предъявляли условия современной войны. И в первую

очередь это касается не технического оснащения войск, которое было (вопреки штампам советской историографии) на достаточно высоком уровне, а выучки войск, качества подготовки командного состава всех уровней, умения вести наступательные действия и сражаться в обороне и т. д.

Не последнее место в организации армии занимала идеологическая сплоченность личного состава. В абсолютном большинстве рядовой состав РККА являлся представителем советского крестьянства, пережившего коллективизацию, «голодомор», не имевшего даже паспортов. Серьезные проблемы в Красной Армии имелись и в воинской дисциплине. Известный приказ наркома К. Ворошилова в декабре 1938 г. «О борьбе с пьянством в РККА» возник не на пустом месте, а явился вынужденной мерой, призванной пресечь это явление в войсках. Как необходимая мера появился и указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г. «Об усилении ответственности за самовольные отлучки и дезертирство». На совещании у нового наркома обороны Семёна Тимошенко в мае того же года было заявлено, что «такой разболтанности и низкого уровня дисциплины нет ни в одной армии, как у нас» [\[236\]](#).

Именно нравственное, моральное состояние советской армии в начале Великой Отечественной войны является самой закрытой и неразработанной проблемой отечественной истории. Шаблонные штампы советской историографии о патриотизме, бесстрашии и самопожертвовании Красной Армии в начале войны не совсем соотносятся с фактическим ходом развития событий. Необходимо комплексное изучение всех явлений и процессов, развивающихся в армии и обществе в начале войны. Но в связи с закрытостью значительного количества архивных материалов проведение подобных исследований крайне затруднительно. Даже с учетом «либерального» приказа министра обороны в апреле 2007 г. о рассекречивании документов и материалов Центрального архива Министерства обороны по Великой Отечественной войне необходимо отметить, что в закрытом доступе остались документы «политотделов», Ставки и др. Именно в политдонесениях содержится необходимая для объективного и взвешенного анализа информация.

Определяя общее число потерь наших войск в Смоленском сражении, необходимо отметить, что более половины военнослужащих, попавших в число «безвозвратных потерь», были пленены. Согласно немецким данным, только до 5 августа в ходе Смоленского сражения германской армией было пленено 309 110 солдат и офицеров Красной Армии [\[237\]](#), по другим

германским источникам число плененных определяется 348 000 [\[238\]](#). Пленение, а часто и неоправданная сдача в плен при имеющейся возможности дальнейшего сопротивления достигли в первые месяцы войны колоссальных размеров. По тем же немецким данным, за первые пять месяцев войны противником было пленено 2465 тыс. советских военнослужащих [\[239\]](#).

Проблема массового пленения советских военнослужащих относится к числу наиболее сложных в общей проблематике вопросов, связанных с Великой Отечественной войной. Данное явление являлось результатом развития советской общественно-государственной модели, с одной стороны, и непосредственных действий захватчиков — с другой.

На наш взгляд, главной причиной массового пленения является целый комплекс противоречий между народом и политической властью в СССР. Наиболее глубоко корни причин массового пленения и последующего участия советских военнопленных в изменнических формированиях обозначил Антон Деникин. Наблюдая за масштабами коллаборационизма и процессом привлечения советских граждан в вооруженные силы Германии, в своем дневнике 14 ноября 1943 г. он отметил, что: «...Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва русского народа от власти, извратившей своей окаянной политикой самые ясные основы национального самосознания» [\[240\]](#). Кроме того, сказалось и деморализующее влияние предвоенной доктрины «воевать малой кровью и на чужой территории».

Одновременно с этим в начальный период войны немцы активно отпускали из плена представителей отдельных национальностей, стимулируя тем самым отказ от сопротивления и сдачу в плен. Только украинцев до ноября 1941 г. «немцы отпустили из плена домой» от 600 до 900 тыс. человек [\[241\]](#). Данные действия имели значительный эффект особенно в тех частях армии, в том числе и в войсках Западного фронта, где значительный процент составляли военнослужащие, призванные из присоединенных двумя годами ранее территорий Украины и Белоруссии.

Сдачу в плен сотен тысяч военнослужащих летом-осенью 1941 г. мы также вправе рассматривать — как стремление выжить на фоне превосходства противника и, как казалось, неизбежной гибели советского государства. Другой формой спасения и сохранения собственной жизни являлось массовое дезертирство.

В сообщении комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна народному комиссару внутренних дел Л. П. Берия о действиях Особых

отделов и заградительных отрядов войск НКВД СССР за период с начала войны по 10 октября 1941 г. отмечалось, что «Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта... Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт... По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек...» [\[242\]](#). В сравнении с общей численностью советских Вооруженных сил число дезертиров и отставших от своих частей составляет незначительное количество — около 4 %. Однако при детальном рассмотрении этого явления, с привязкой к конкретной территории и периоду, положение в корне меняется. Только в Смоленской области в период отступления из Белоруссии и в начале Смоленского сражения было задержано 50–60 тыс. военнослужащих [\[243\]](#), что соответствует средней численности общевойсковой армии того времени.

Несмотря на все высказанные в статье критические замечания в отношении советских войск, неоспоримым является тот факт, что Смоленское сражение является проявлением кульминации потенциальных возможностей Красной Армии на тот период. Пройдут кровопролитные месяцы, годы, прежде чем наша армия по своему мастерству сначала сравнится с врагом (преимущество в вооружении и численности будет уже достигнуто в 1942 г.), а затем станет способной его теснить и уничтожать.

А. В. ШУБИН

«Клещи» Сталина

Вызов Суворова

Споры о трагедии 22 июня будут идти, наверное, вечно. Трагическая картина событий этого лета поражает невероятным на первый взгляд поведением действующих лиц и масштабом сокрушительных последствий. Она требует объяснения. И каждое объяснение связано с целым веером идеологических оценок.

Н. Хрущёв в своем докладе XX съезду предложил универсальную причину трагедии 22 июня: во всем виноват Сталин. Мы доверились вождю, а он плохо готовился к обороне. Вариант этой версии есть и у сталинистов: Сталина плохо информировали. Однако критики Сталина в основном продолжали укреплять как раз его версию — мы готовились к обороне и только к обороне.

В 1992 г. в России вышла книга В. Суворова «Ледокол», в которой утверждалось, что Сталин готовил удар по Германии в 1941 г., но чуть-чуть не успел. Версия Суворова привлекла к себе внимание и симпатии значительной части читателей свежим взглядом. Советский Союз перестал выглядеть страной дураков, возглавляемой дураком. Сталин считался с угрозой и нашел на нее свой ответ. И ошибся чуть-чуть. С кем не бывает.

При том, что такой вывод естественно вытекает из «наступательной» версии В. Суворова, сам автор сначала преследовал другие идеологические цели, что придало спору дополнительную полемическую остроту. Чего только не утверждал В. Суворов, «раздувая» значение своего открытия: «Я замахнулся на самое святое...» На память о войне. И на место СССР во Второй мировой войне. Потому что «Советский Союз — главный ее виновник и главный ее зачинщик» [\[244\]](#).

А ещё Сталин проиграл Вторую мировую войну (это — в другой книге, «Последняя республика»). Правда, в «Ледоколе» В. Суворов утверждал прямо обратное: «На Западе выпущено множество книг с идеей: Сталин был к войне не готов, а Гитлер — готов. А на мой взгляд, готов к

войне не тот, кто об этом громко заявляет, а тот, кто ее выигрывает, разделив своих врагов и столкнув их лбами» [\[245\]](#).

Чтобы выиграть войну, Сталин (по Суворову) сам и привёл Гитлера к власти, сделав его «Ледоколом революции». Якобы даже вооружал его. Видимо, для того, чтобы Гитлер бросил на СССР силы объединенной Европы. Ещё Сталин подписал с Гитлером пакт о ненападении специально для того, чтобы спровоцировать завоевание Гитлером Европы. Когда Гитлер Европу почти объединил, Сталин готовился все это наследство захватить.

Не только для специалистов, но и для публицистов не представляет особого труда доказать — идейно-политические рассуждения В. Суворова не стоят бумаги, на которой написаны.

Беспомощность В. Суворова в области политики не отменяет необходимости рассмотреть по существу его аргументы военно-стратегического характера. Эти аргументы распадаются на две части: во-первых, военно-технические доказательства преимуществ советского оружия и его специально наступательного характера (следовательно, Сталин планировал наступательную войну и поэтому не был готов к оборонительной) и, во-вторых, «разведывательная операция» (В. Суворов, он же В. Резун — профессиональный разведчик), которую автор провел по открытым источникам (мемуары, советская литература и т. д.). Навыки разведчика, анализирующего материалы печати с целью выявления скрытых приготовлений к войне, позволили В. Суворову сделать вывод: Сталин выдвигал к границам с Германией мощную группировку войск, которая превосходила по силам германскую, носила наступательный характер и не могла не ударить по противнику уже в 1941 г.

Заслуга В. Суворова в том, что он спровоцировал весьма продуктивную дискуссию о ситуации 1941 г. Историки, изучающие этот период, разошлись по трем лагерям. Первые по принципу «ни шагу назад» продолжали защищать прежнюю концепцию — СССР готовился только к обороне. Но готовился плохо. Их мы будем условно называть «оборонцами». Другие с теми или иными оговорками поддержали главный тезис В. Суворова — Сталин готовился в 1941 г. первым нанести удар по Гитлеру и наступать на Берлин. Странников этой концепции мы будем условно именовать «наступателями». Третьи пока не определились, ссылаясь на недостаток источников для окончательного вывода — часть архивов все еще закрыта, да и проблема уж очень всеохватная.

Прежде всего специалисты в области истории военной техники подвергли технические аргументы В.Суворова придирическому обстрелу.

Очень многие его утверждения легковесны, причем многие из них явно излишни для доказательства версии «Ледокола». Они просто бросаются в глаза, как, например, утверждение, что литера «А» означает «автострадный» танк, хотя мы с детства помним: такую же литеру, означающую экспериментальную разработку, имел даже прототип Т-34. Очень много у В. Суворова поэтических сравнений, которые также не придают убедительности его книгам: «БТ — это танк-агрессор. По всем своим характеристикам БТ похож на небольшого, но исключительно мобильного конного воина из несметных орд Чингиз-хана» [\[246\]](#). Но модель БТ имеет американское происхождение. Неужели американцы вдохновлялись образом конника Чингиз-хана или хотя бы воинов из племени апачей? Ах, дело в том, что танк имеет съёмные гусеницы! Прямо как конники Чингиз-хана (съёмные копыта, что ли). Эти танки должны быстро обтекать укрепления врага и врывать на германские автострады, где следует скинуть гусеницы и автомобильным порядком катиться хоть до самого Берлина. Но вот загвоздка: до германских автострад нужно ещё доползти через Польшу, что явно нельзя сделать сразу, в момент первого удара. Что же, все это время БТ будут прохлаждаться в резерве?

Этот пример показывает, что В. Суворов то и дело принимает за чисто наступательное оружие технику двойного назначения (каковой и должна быть хорошая военная техника) — можно наступать, можно обороняться. Можно «обтекать узлы обороны», а можно и наносить контрудары.

Такая же ситуация сложилась у Суворова и с другими образцами «оружия победы». Огневая мощь И-16 превосходит Мессершмит-109Е и Спитфайр-1. Но скорость — уступает. И самолет ТБ-7, снятый по Суворову с производства за свой «оборонительный» характер, не был так хорош, как уверен разведчик. И Су-2 оказывается не чисто наступательным оружием и не в тех массовых количествах производился. Да и новые образцы танковой техники — знаменитые Т-34 и КВ были совсем не лишними в обороне, хотя и наступать тоже умели.

«Оборонцы» изрядно потрепали версию В. Суворова об исключительной агрессивности советских вооружений, об отказе Сталина от эффективного оборонительного вооружения и т. д. Мы не будем далее углубляться в споры историков военной техники. Решение проблемы лежит не здесь. Многочисленные ошибки Суворова (как и его противников) в обозначениях маркировок, цифрах скоростей и т. д. лишь иногда сказываются на исходе спора «наступа-телей» и «оборонцев». Очевидно, что характеристики вооружений СССР и Германии вполне сопоставимы (не с копьями же на пулеметы шли). Значит, важно — куда это оружие и войска

направляют. На оборонительные рубежи или в чистое поле поближе к границе, да еще в выступы, глубоко врезающиеся в территорию потенциального противника. Когда Суворов преувеличивает тактико-технические данные техники, это компрометирует его версию, все же прочие ошибки говорят лишь о небрежности, но не могут быть признаны за подтасовки, которые призваны обмануть читателя.

Так, С. Исайкин поправляет Суворова, который упомянул о запасе хода танка БТ-7 в 700 км: «правильнее: 600 км для БТ-7М с дизелем (на гусеницах)». И тут же рассказывает (опровергая другую фразу Суворова), что в район Халхин-Гол бригада БТ-7 и БТ-5 прошла преимущественно на колесах 800 км [\[247\]](#). Собственно, рассуждения Суворова по поводу использования танков БТ против Германии как раз и держатся на их способности преодолевать расстояния в несколько сот километров, используя колесный ход. Таких примеров «неконструктивной критики» со стороны «оборонцев» можно привести немало. В итоге этой дискуссии потери понес не только В. Суворов, но и миф о технической отсталости РККА накануне войны.

Важный козырь «оборонцев» — превосходство противника в силах. К началу войны соотношение сил по численности было 1 к 1,3 в пользу Германии и ее союзников. Но это было единственное численное преимущество Германии. СССР имел превосходство по орудиям 1 к 1,4; по танкам 1 к 3,8; по самолетам 1 к 2,2. На суше военно-техническое превосходство СССР было более чем серьезным. Если бы задуманный Сталиным военный механизм был собран, превосходство в пехоте вряд ли могло бы спасти вермахт, оказавшись он под «упреждающим» ударом.

Традиционно провал Советской армии, обладавшей таким преимуществом, объяснялся не только внезапностью нападения, но и низкими качествами советской техники, которая в большинстве своем была «устаревшей». Однако сравнительные исследования военной техники дают иные результаты. «Ход боевых действий в 1941 г. показал, что если советские “устаревшие” танки примерно соответствовали германской технике, то Т-34 и особенно КВ существенно превосходили все типы танков вермахта» [\[248\]](#).

При этом в РККА было 501 исправных КВ и 891 исправных Т-34. Для сравнения, лучший у немцев средний танк Т-4, заметно уступавший Т-34, наличествовал в количестве 572 исправных экземпляров.

По свидетельству Круппа, высказанному на волне германских успехов в 1942 г., «основные принципы вооружения для танков и устройство башни

были разработаны еще в 1926 году... Из орудий, использовавшихся в 1939–1941 годах, наиболее совершенные были разработанные еще в 1933 году» [249]. Итак, лучшие образцы германской наземной техники, по словам ее творца, находились на уровне инженерной мысли 1926–1933 гг. — до войны в Испании.

Сложнее была ситуация с самолетами. Новые советские самолеты составляли четверть советских ВВС и были слабо освоены. Программа обучения должна была завершиться к осени (то есть к концу августа). Это, конечно, не значит, что на новой технике вообще никто не умел летать. На 1540 новых самолетов, сосредоточенных на западе СССР, приходилось 208 подготовленных экипажей. Остальные готовились. Во время войны лётчиков будут готовить быстро, и они будут относительно успешно летать. Еще легче подготовить летчика, который уже умеет летать на старом самолете. Так что в конце лета ситуация была бы лучше, чем в середине.

Проблема и РККА, и вермахта заключалась в разнородности имевшейся у них техники — старой и новой. В 1939 г. в советских вооружениях произошла техническая революция. Если в 1938 г. отечественная техника уступала германской, то новые ее образцы 1939–1940 гг. стали германскую технику превосходить либо (в некоторых случаях) по крайней мере не уступать ей. Однако численно новые образцы в общей массе советских самолетов и танков еще не преобладали. Эту проблему также решала бы наступательная стратегия. Сталин так разъяснил эту сторону дела своим офицерам и генералам в речи 5 мая 1941 г.: «Мы имеем в достаточном количестве и выпускаем в массовом количестве самолеты, дающие скорость 600–650 километров в час. Это самолёты первой линии. В случае войны эти самолёты будут использоваться в первую очередь. Они расчистят дорогу для наших относительно устаревших самолетов И-15, И-16, И-153 (Чайка) и СБ. Если бы мы пустили в первую очередь эти машины, их бы били» [250]. Это важно. Получается, что в мае 1941 г. Сталин понимал: при сложившемся соотношении сил по новым и старым самолетам наступательная стратегия войны помогает решить проблему, возникшую к этому моменту. Следовательно, время столкновения выбирал все же не Сталин. Его бы устроил как можно более поздний срок столкновения, когда перевооружение было бы завершено, скажем 1942 г. На этом основана важная часть аргументов «оборонцев»: новая техника еще не освоена, перевооружение не завершено. Зачем Сталину нападать? Но и Гитлер предпочёл бы начать войну более подготовленным. А начал, подчиняясь

политической логике, когда готовность была недостаточной. Понимая, что война может вспыхнуть уже в 1941 г., а к полноценной обороне мы ещё не готовы, Сталин мог избрать в качестве выхода из ситуации «превентивный удар».

Говоря о неготовности Сталина к наступлению, «оборонцы» ссылаются на положение, сложившееся на 22 июня 1941 г. «Вопреки тому, что утверждает Суворов, ни механизированные войска Красной армии, ни ее военно-воздушные силы не находились в состоянии готовности» ^[251], — утверждает Г. Городецкий, сообщая таким образом читателю, что он ознакомился с сочинением Суворова лишь бегло — ведь Суворов не утверждает, будто РККА была готова к войне 22 июня. Суворовское объяснение катастрофы Красной армии строится на том, что армия «находилась в вагонах» и потому была застигнута врасплох.

Что могло измениться за два-три месяца? Учились летчики, танкисты и десантники. Шла передислокация войск. Продолжалось производство новых танков, самолетов и других вооружений. Лихорадочно заготавливались горючее и боеприпасы.

Нападение Германии 22 июня действительно сорвало планы Сталина, во всяком случае те, о которых он говорил 5 мая. Когда с 22 июня немцы смогли навязать советской авиации свой порядок вступления авиации в бой, под первый удар попали и старые самолеты, и новые. Не все они погибли на аэродромах, но те, что уцелели, вступали в бой хаотически, совсем не в том порядке, который продумал Сталин. В результате новые самолёты не могли прикрыть старые, и советскую авиацию ожидало неминуемое поражение. Это имело множество катастрофических последствий.

А пока наращивание важнейших видов новой техники в СССР шло быстрее, чем в Германии. В 1940 г. в СССР было произведено 10 565 самолетов и 2793 танк, а в Германии соответственно — 9869 и 1975. В первой половине 1941 г. СССР произвёл 5958 самолётов и 1848 танков, а Германия — 5470 и 1621. Время работало на СССР, отсюда и надежды на то, что война все же начнется в 1942 г. Только с весны 1941 г. оснований для таких надежд не оставалось, и Сталину пришлось исходить из более тяжелой ситуации. Но каждый месяц давал Сталину все новые преимущества.

Таким образом, и здесь техническая сторона дела вторична в отношении стратегической стороны. Анализ параметров техники не позволяет доказать, что Сталин все время придерживался стратегии первого удара. Но и опровергнуть наличие наступательных намерений у

Сталина этот анализ не может. Так что оставим технику в стороне и обратимся к «разведывательной операции» В. Суворова.

Читая литературу о начале Великой Отечественной войне, В. Суворов обнаруживал в действиях Красной армии как раз те признаки готовящегося нападения, которые его учили искать в действиях противника, когда В. Суворов был В. Резуном и работал в разведке. «Страна, которая готовится к обороне, располагает свою армию не на самой границе, а в глубине территории» [\[252\]](#). Сталин выдвигает массы войск к самой границе, сосредотачивая наиболее мощные группировки в Белостокском и Львовском выступах, которые глубоко врезаются на запад. С точки зрения обороны это — безумие, так как выступления в случае нападения врага будут тут же окружены. С точки зрения наступления — вполне разумно. Если Сталин боялся гитлеровского нападения, нужно было бы отвести основные силы в тыл, чтобы парировать удары врага мощными резервами. Если Сталин панически боялся нападения, то нужно было изо всех сил укреплять оборонительную линию на старой границе.

Версия Суворова объясняет множество хорошо известных парадоксов: разоружение старых оборонительных рубежей, «парашютный психоз», то есть наращивание негодных для обороны, но полезных при внезапном ударе воздушно-десантных сил, создание Дунайской и Пинской флотилий, которые могут только наступать, но которым некуда отходить, снятие пограничных заграждений и т. д. Все эти действия с началом войны должны были быть расценены как минимум в качестве вредительства, но под удар репрессий не попал ни начальник Генерального штаба Г. Жуков, ни другие стратеги, кроме командования Западного фронта. Меры, аналогичные тем, что предпринимались Сталиным и его генералами в канун войны, проводятся и при других наступательных операциях от Халхин-Гола до «Барбароссы». «Говорят, что Сталин хотел напасть на Гитлера в 1942 году. Такой план действительно был, но потом сроки передвинули. Если бы Сталин готовил “освобождение” на 1942 год, то пограничную проволоку можно было бы резать в 1942 году» [\[253\]](#).

Важный аргумент Суворова — резкий рост Советской армии. Но он был обеспечен уже военной реформой 1 сентября 1939 г., введением всеобщей воинской повинности. Решение о реформе было принято 16 июня 1939 г., то есть в то время, когда сближение с Германией еще было в будущем. Реформа позволяла под благовидным предлогом в зависимости от ситуации то наращивать, то уменьшать размеры армии. В распоряжении Сталина были миллионы новобранцев, возможность постоянно призывать

массы людей на Большие учебные сборы (БУС). В. Суворов считает, что реформа 1939 г. означала не что иное, как скрытую мобилизацию — армия выросла до 5 миллионов. Это потому, что Сталин уже в августе 1939 г. задумал напасть на Германию. Если на Германию не напасть, то «небывалый призыв 1939 года предстоит отпустить по домам» [\[254\]](#).

Суворов не знал, что призыв 1939 г. распустили по домам уже после польской кампании. По завершении советско-польской войны армия была сокращена с 5 284 000 человек до 3 273 400 человек. А потом снова выросла во время Зимней войны до 4 416 000 человек. И снова была сокращена в июле-августе 1940 г. до 3 423 499 человек. «Оборонцы» «ловят» Суворова на том, что армия с 1939 г. неоднократно сокращалась. И сам Суворов признает, что по плану Сталина настоящая мобилизация должна была начаться уже после вступления СССР в войну: «Воевать еще до того, как все дивизии будут полностью укомплектованы. Потому что если все это укомплектовать, то экономика рухнет немедленно» Там же. С. 137. [\[255\]](#). Этот аргумент парирует утверждение «оборонцев» о том, что Сталин даже 22 июня сначала не решался объявить мобилизацию. Правильно, полная мобилизация — после начала войны. А пока скрытая. И она действительно началась, но только не в 1939 г., а весной 1941 г. Летом армия достигла отметки в 5 774 211 человек. Но она ещё уступала по численности армиям Германии и её союзников. По завершении полной мобилизации Вооружённые силы СССР должны были составить 8,9 миллиона человек, что превосходило силы Германии. Но такую мобилизацию, чтобы не разорить страну, можно было проводить только после начала войны, для доукомплектования уже существующих дивизий второго эшелона и формирования стратегических резервов.

«Германское вторжение застало Советский Союз в момент создания небывалого количества ударных армий. Были созданы каркасы этих чудовищных механизмов, и шел процесс достройки, доводки, отлаживания» [\[256\]](#) **Суворов В.** Ледокол. С. 145., — суммирует свое чтение военных мемуаров В. Суворов. Несмотря на то что и при подсчете сил Сталина он увлекается и местами преувеличивает, картина все равно впечатляет. Но не «оборонцев»: «Выдвижение дополнительных частей Красной Армии на запад, начавшееся в мае 1941 г., являлось ответом на германские военные приготовления и отнюдь не свидетельствовало о намерении СССР напасть на «Третий рейх» [\[257\]](#). Это очень важная связка в концепции «оборонцев»: если Сталин действовал в ответ на военные приготовления Гитлера, то он не готовился и к нападению. Это

психологически понятное допущение: «в ответ» Сталин мог только обороняться. Но это ещё надо доказать.

Доказательство первое: для наступления у Сталина мало сил. А. Н. Мерцалов и Л. А. Мерцалова, опровергая возможность нанесения первого удара Сталиным, задаются вопросом: «Были ли советские войска готовы к этому, было ли создано трехкратное превосходство для наступления?» [\[258\]](#) Неплохо было бы задать тот же вопрос применительно к вермахту. Тогда Мерцаловы могли бы доказывать, что и Гитлер не планировал удара по СССР. Ведь трехкратного превосходства у него и близко не было. Первоначально трехкратного превосходства не было и во время войны в Финляндии. У вермахта его не было ни в Польше, ни на Западном фронте.

Более того, Сталин и его генералы несколько преувеличивали качество своих войск и недооценивали противника. Этой же болезнью страдало и германское военное командование. Хотя подготовка вермахта была лучше, стойкость советских частей была выше, чем ожидали генералы Гитлера, а их техническая оснащённость — несравненно выше немецких ожиданий.

Важный аргумент Суворова — уязвимость энергетических коммуникаций Германии. Нет никаких доказательств, что Гитлер всерьёз рассматривал возможность внезапного советского нападения на румынские нефтепромыслы. Но это не значит, что такой угрозы не было.

В. Суворов обращает внимание на учения Черноморского флота 18–19 июня 1941 г., когда отрабатывалась высадка дивизии на побережье противника. Одновременно проводились учения 3-го воздушно-десантного корпуса в Крыму. 14-й стрелковый корпус учился высадке в дельте Дуная. Все вместе они представляли угрозу именно Румынии. «Румыния — основной источник нефти для Германии. Удар по Румынии — это смерть Германии, это остановка всех танков и самолетов, всех машин, кораблей, промышленности и транспорта. Нефть — кровь войны, а сердце Германии, как ни странно, находилось в Румынии. Удар по Румынии — это прямой удар в сердце Германии» [\[259\]](#). Суворов опять несколько преувеличивает. Он забыл, что «удар в сердце Германии» советская армия действительно нанесла в августе 1944 г. После этого вермахт сопротивлялся еще восемь месяцев. Уже в 1941 г. у Германии были запасы энергоносителей (около 8 млн. т), она добывала нефть на своей территории (1,3 млн. т), производила синтетическое горючее (более 4 млн. т). Тем не менее значительную долю потребностей Германии в нефти покрывал импорт (около 5 млн. т) преимущественно из Румынии и СССР. Поэтому захват Румынии Красной армией наносил Германии хотя и не смертельный удар,

но очень большой ущерб.

Суворов показывает, что одновременно с ударом по Румынии планировался и удар вдоль Карпат, который перерезал каналы нефтеснабжения из Румынии. Для этого готовились части, специально подготовленные для действий в горах — а ведь горы были не на нашей территории, а за границей.

Советские войска выстраивались именно в наступательную группировку (хотя, конечно, не выстроились полностью к 22 июня), причем масштаб перемещений войск был таков, что развернуть эту махину в обратном направлении было уже почти невозможно. При этом «советские войска перестали заботиться о том, как они проведут следующую зиму... Выбора у Сталина уже не было. Во-первых, он не мог вернуть свои армии назад... Во-вторых, Сталин не мог оставить свои армии зимовать в приграничных лесах... Если Красная армия не могла вернуться назад, но и не могла долго оставаться в приграничных районах, то что же ей оставалось делать?» ^[260] Вывод: столкновение планировалось именно на 1941 г.

Навстречу советским войскам к границе двигались немецкие. «Действия двух армий — это зеркальное изображение. Несовпадение — только во времени» ^[261]. Немцы имели возможность быстрее перебрасывать свои силы — меньше расстояния, лучше сеть железных дорог. Вермахт тоже выстраивался в наступательную группировку и потому тоже не был готов к обороне. Резервы слабы — основные силы у границы. Наиболее мощные группировки выдвинуты вперед и уязвимы для окружения. Боеприпасы, штабы, авиация — все у границы и может быть накрыто превентивным ударом. Удар по войскам, готовым к нападению, — самый сокрушительный для них. В этом — объяснение катастрофы Красной армии, которое дает Суворов. Она готовилась к нападению на Германию и потому не была готова к обороне. «Внезапность нападения действует ошеломляюще. Внезапность всегда ведет за собой целую цепь катастроф, каждая из которых тянет за собой другие: уничтожение авиации на аэродромах делает войска уязвимыми с воздуха, и они (не имея траншей и окопов в приграничных районах) вынуждены отходить. Отход означает, что у границ брошены тысячи тонн боеприпасов и топлива. Отход означает, что брошены аэродромы, на которых противник немедленно уничтожает оставшиеся самолеты. Отход без боеприпасов и топлива означает неминуемую гибель» ^[262]. Такая же участь грозила бы вермахту: «Если бы Красная армия ударила на день раньше, то потери на той стороне были бы

не меньшими» [\[263\]](#).

В. Суворов утверждает: «Опыт войны показал, что в случае, когда советским войскам ставилась задача обороняться, ...такую оборону прорвать не удавалось» [\[264\]](#). Суворова губит однозначность утверждений. В целом в 1941 г. советские войска оборонялись неважно. Не удалось сдержать обход Киева. С разгрома обороны советских войск началась битва за Москву. Прошло много месяцев, прежде чем наступательная Красная армия научилась искусству обороны.

Стратегические аргументы В. Суворова убедили немалое количество авторов. Б. В. Соколов утверждает: «Сожно однозначно утверждать: суворовская гипотеза о планировавшемся на 6 июля 1941 г. нападении Сталина на Гитлера обрела статус научной истины» [\[265\]](#). Ох уж мне эта однозначность! Что случилось? Найден план с указанием срока — 6 июля? Нет, не найден. Даже если Сталин и планировал удар по Гитлеру, то, как мы увидим, не 6 июля. В. Д. Данилов не преминул связать успех концепции «Ледокола» с победой над советской исторической наукой: «основной вывод В. Суворова о проработке и практической подготовке по указанию Сталина упреждающего удара против Германии верен. Что касается советской историографии, то до последнего времени она была прямолинейна, как Невский проспект» [\[266\]](#). Однако, как известно, Невский проспект имеет изгиб у московского вокзала. Так же и советская историография не столь уж прямолинейна.

Дело в том, что честь выдвижения наступательной концепции в нашей стране принадлежит не В. Суворову, а Д. М. Проэктору. В своей книге, вышедшей в 1989 г., он писал: «И здесь мы возвращаемся к вопросу: не готовил ли Сталин всю эту массу войск не только для обороны, но и для наступления? Есть много признаков, что да» [\[267\]](#).

Подводя промежуточные итоги этой дискуссии, О. Вишнев справедливо отмечает, что ни мнение Хрущева о том, что Сталин не верил в нападение Гитлера и должным образом не готовил армию к войне, ни мнение Суворова «о «вооруженных до зубов», оснащенных новейшей техникой бесчисленных «красных полчищах», которые летом 1941 г. готовы были обрушиться на Германию», не соответствуют действительности [\[268\]](#). Впрочем, реальность может находиться и не строго посередине между крайними точками зрения Хрущёва и Суворова.

И «оборонцы», и «наступатели» сходятся на том, что перед войной Сталин совершил самую большую в своей жизни ошибку. Вот только какую? «Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне» [\[269\]](#), — считает «оборонец» Г. Городецкий. Этот «роковой самообман» одного человека и стал причиной нелепого поведения советского руководства перед лицом военной угрозы Германии. Война на носу, а мы к обороне не готовимся и ругаем всех, кто о войне предупреждает. Более того, разведка трубит, что Гитлер замыслил недоброе, а Сталин гонит от себя мысль, по-страусиному закапывает голову в песок. Раздолье для психологических и даже психиатрических рассуждений на тему безумия вождей.

Мысль о войне Сталин, видимо, «гнал прочь» и на заседаниях Политбюро, где постоянно обсуждались и утверждались новые виды вооружений, где принимались меры, закабалившие работников, выжимавшие из них семь потов, лишь бы увеличить объемы военного производства. «Гнал» от себя Сталин эту мысль и на совещаниях с военными, где до мелочей обсуждались итоги военных кампаний, рассматривались меры устранения недостатков до решительных боев с главным противником.

Да уж, логичнее предположить, что не Сталин, а некоторые историки «гонят от себя мысль» о том, что Сталин готовился к войне.

В. Суворов и другие «наступатели» объясняют ошибку Сталина логичнее: «Сталин до самого последнего момента не верил в возможность германского нападения. Из этого следует, что все действия Сталина и всех его подчиненных подготовкой к отражению агрессии объяснить нельзя» [\[270\]](#), — считает Суворов. Сталин готовился к наступательной войне и поэтому не готовился к оборонительной. Но он не заметил, что Гитлер тоже готовится ударить.

Как же, ведь разведка докладывала, Зорге сигнализировал, Черчилль убеждал — Гитлер нападет. Суворов без труда объясняет, почему Сталин не доверял «невозвращенцу» Зорге и политическому противнику Черчиллю, крайне заинтересованному в советско-германском конфликте. Но ведь были и другие источники.

Почему Сталин не боялся, что Гитлер «накроет» его армию внезапным ударом? Почему Сталин не верил, что Гитлер готовится начать 22 июня 1941 г. войну против СССР?

Это — одна из ключевых загадок 1941 г. Суворов отвечает: «Гитлер действительно к войне против Советского Союза не готовился» [\[271\]](#). Потому что не запасал тулупы, зимнюю смазку — фюрер не готовился к

зимней войне. «Так давайте же пойдем Сталина: и он так считал — это явно ошибочный шаг, это самоубийство. А уж если гитлеровцы и решились воевать, то в три месяца им никак не уложиться, поэтому они должны были готовиться воевать зимой. Этой подготовки нет. Следовательно, считал Сталин, Гитлер воевать против Советского Союза не намерен. Чистая логика...» ^[272] Причина неготовности Гитлера — стратегический замысел разгромить СССР именно в 1941 г., до зимы. Иначе не имеет смысла и огород городить. Отсюда и неготовность к зимней войне: «Предполагалось, что военная мощь России будет уничтожена еще до наступления осенней распутицы... По этой причине запасы зимнего обмундирования ограничивались из расчета, что на каждые пять человек потребуется только один комплект» ^[273], — вспоминал Г. Гудериан. Гитлер действовал рационально, прямо как Сталин перед войной с Финляндией. Сталина эта война чему-то научила. Гитлера — нет.

Так-то оно так. Но и Сталин не готовился к зимней войне, когда напал на Финляндию, но финны верили, что такое нападение возможно. Неужели Сталин, прошедший опыт зимней войны, столь безрассуден? Сталин знал, что Гитлер не готовится к войне зимой. Из этого следовали вовсе не те выводы, которые делает Суворов. Если Гитлер не собирается зимой штурмовать Москву, то это еще не значит, что он вовсе не собирался ее штурмовать. Сталин знал, что СССР располагает достаточными силами, чтобы немцы не могли совершить военную прогулку до Москвы. Как в этих условиях должен действовать Гитлер?

За всё время существования единого российского государства вторжения с запада велись по трем направлениям: с севера — здесь главной целью с XVIII в. был Петербург-Петроград-Ленинград; в центре — на Москву, которая в силу своего транспортно-географического положения является наиболее удобным центром управления страной; с юга — на Украину и Кавказ, богатые ресурсами. В условиях войны XX в., когда действуют огромные армии, которые не могут снабжаться «подножным кормом», наступление должно обеспечиваться коммуникациями, по которым поступает продовольствие, боеприпасы, амуниция. Прямой прорыв на Москву в этих условиях становится почти невозможным — коммуникации легко перерезаются с севера и юга. Со времен гибели армии Наполеона в России этот урок был достаточно очевиден.

Прямой бросок на Москву от западной границы был возможен только при одновременном наступлении на севере и юге по расходящимся направлениям. Но это противоречит азам военного искусства. Получается

удар по расходящимся направлениям, «растопыренными пальцами». На главном направлении можно сконцентрировать примерно в три раза меньше войск, чем выделено на всю кампанию. Но чтобы закончить войну с Россией, следует наступать именно на Москву. Поэтому единственный смысл наступления прямо на Москву и одновременно на севере и юге — закончить войну в один год. Если такая рискованная задача не ставится, то наступление должно вестись по северному и южному направлениям. Из Прибалтики армия вторжения, хорошо снабжаясь через Балтийское море, нападает на Петроград-Ленинград и захватывает его за год, получая хорошие зимние квартиры и опять же прекрасные коммуникации. И уже на следующий год с этой позиции можно начинать наступление на Москву. С юга в первый год идет борьба за Украину. Армия вторжения может снабжаться и через Польшу и Румынию, и по Черному морю, и от ресурсов самой Украины — восточноевропейской житницы. В случае захвата Украины на следующий год можно наступать на Москву также с относительно близкой дистанции. Либо, если большевики будут достаточно побиты, но не разгромлены вовсе, можно заключить почетный «второй Брестский мир» (по образцу Брестского мира 1918 г.), получив ресурсы Украины и, возможно, Кавказа. Таким образом, оптимальной стратегией войны с Россией для европейских стран являлось наступление с севера и юга с последующим смыканием вокруг Москвы «клещами». Мы далее так и будем называть эту стратегию словом «клещи», которое позаимствовали в одной из советских разведсводок. Опасность «клещей» в 1938–1939 гг. делала советское руководство особенно нервным, когда речь заходила о приближении потенциального агрессора к Прибалтике, Ленинграду, о заигрывании «империалистов» с Организацией украинских националистов (ОУН), а также об отмене установленного в мае 1936 г. на конференции в Монте запрета на проход кораблей воюющих стран через принадлежащие Турции проливы в Чёрное море. Стратегические «клещи» противника нависли над СССР дамокловым мечом.

Но у этой стратегии был важный недостаток — война растягивалась не менее чем на два сезона. А Гитлер стремился решить «русскую проблему» блицкригом — в один сезон. При каких условиях это возможно?

Наполеон показал, что от Немана до Москвы можно пройти с армией за два-три месяца. Если не отвлекаться надолго на боевые действия. В первой половине XX в. продвижение армии связано с постоянными боевыми действиями и, следовательно, идет медленнее (ведь большая часть пехоты еще не моторизована). Если начать войну после весенней распутицы, в мае, то в Москве следует быть в сентябре — до осенней распутицы. Это четыре

месяца. Времени «в обрез». Следовательно, в один год войну можно было закончить, только разбив основные силы Красной армии в приграничном сражении, чтобы дальше продвигаться вперед до Москвы походным порядком, отбрасывая полупартизанские отряды «русских» с трех направлений, чтобы они не начали действовать в тылу.

В 30-е гг., чтобы не допустить такого развития событий, СССР не держал основные силы своей армии в приграничных районах, полагаясь на сильные резервы. Вдоль границы была создана мощная оборонительная линия, которая, памятуя опыт Первой мировой войны, могла бы превратить войну в позиционную. При позиционной войне антисоветская коалиция могла рассчитывать только на «клещи» и на многолетнюю войну, которая подорвала бы экономику СССР и заставила бы большевиков капитулировать. Участникам коалиции экономическая катастрофа не грозила, потому что после Мюнхенского соглашения они опирались бы на помощь всей Европы.

В сентябре 1939 г. для СССР возникли новые возможности [\[274\]](#). Западный мир оказался расколотым, и Сталин получил возможность занять плацдармы, с которых могли осуществиться «клещи». Однако это лишь ослабляло угрозу «клещей», но не снимало её.

Синие стрелы на картах

Недостатки плана «Барбаросса» во многом вытекали из обстоятельств его рождения. Уже в июле 1940 г., понимая, что Англию, может быть, не удастся захватить в этом году, Гитлер дал команду готовить план возможного нападения на СССР — чтобы лишить Великобританию надежды на помощь с востока. Соответственно задавалось невероятное с точки зрения Сталина условие — война должна быть проведена в один сезон. Сразу после чудесного разгрома Франции это казалось вполне вероятным. В дальнейшем немецкие штабные работники не отходили от этого предположения. 22 июля Гитлер и Браухич выдали Гальдеру свои директивы: в случае необходимости нанести сокрушительный удар по Красной армии, отбросить ее в глубь России так, чтобы авиация могла добить советские восточные промышленные центры, добиться создания марионеточных государств в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Для того чтобы удар был сокрушительным, планировалось выделить до 100 дивизий, так как считалось, что СССР имеет до 75 «хороших» дивизий. Немцы недооценили численность Красной армии у западных рубежей в два

раза.

Закипела работа. Генерал Э. Маркс нарисовал следующую картину: нанести удар по Украине всеми силами, выйти к Донбассу и, опираясь на Черное море как на тыл, развернуть наступление на Киев и Москву. Таким образом, Маркс, понимая, что у Германии не так много сил, стал разрабатывать только южное направление «стратегических клещей». Но 31 июля, ознакомившись с предложениями штаба, Гитлер поставил более серьёзные задачи — ликвидировать СССР за пять месяцев, дополнить южный удар северным, который должен сокрушить советские войска в Белоруссии и в Прибалтике, а затем двигаться на Москву. «Клещи» приобретали свою завершённость.

Получив эти директивы, генерал Маркс добавил к своему плану северную стрелу через Витебск на Москву. Поскольку на юге теперь оставалось меньше сил, южной группе войск ставилась более скромная задача — дойти до Киева. Но Маркс не до конца следовал указаниям фюрера и допустил важную ошибку — по северной группе русские могли бы ударить с севера — из Прибалтики. Поэтому северной группе волевым образом придется отвлекаться в сторону Ленинграда. Обратив на это внимание, генерал фон Зоденштерн предложил, пока идет борьба за Ленинград, выделить еще одну небольшую группу (сил-то маловато) для сковывания противника в центре. Стратегические «клещи» еще оставались в силе. Но у возникшего замысла группы армий «Центр» было большое будущее. Раз Гитлер ставил задачу дойти до Москвы как можно скорее, то и наступать нужно было по кратчайшей дороге — в центре. А фланги могли играть вспомогательную роль. Таким образом, от реального (для войны в два года) плана «стратегических клещей» нужно было переходить к авантюристическому плану прямого броска к Москве.

За дело доработки плана взялся заместитель начальника генерального штаба Ф. Паулюс. Под его руководством был подготовлен план, подписанный Гитлером 18 декабря 1940 г. как директива № 21 «Барбаросса». На этом этапе замысел нес в себе следы реалистичного плана «стратегических клещей», но зараженного нереалистичными основаниями общего замысла взятия Москвы в 1941 г. Предстояло сначала разгромить Красную армию в Белоруссии, затем повернуть на север и взять Ленинград, и только потом «следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности» [275]. Немецкое военное командование понимало, что окружить советские войска в Прибалтике и взять Ленинград только силами группы армий «Север» нельзя. Поэтому после разгрома русских в Белоруссии к захвату

Ленинграда должна подключиться группа «Центр». На Москву через Ленинград, быстро, по-молодецки. Чтобы не оказаться в положении Наполеона, который Москву взял, а Питер — нет. Но, выдвинувшись далеко вперед к Москве, действуя не вдоль побережья, а в глубинах советской территории, группа «Центр» сможет повернуть на север только при одном условии — если с востока и тем более с юга ей уже не будет ничего угрожать.

Подробный оперативный план «Барбаросса» был разработан в директиве ОКХ от 31 января 1941 г. Решение о нападении по-прежнему формулировались как не окончательное, а возможное: «В случае, если Россия не изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии... При этом необходимо предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны» [\[276\]](#). В последней фразе — суть плана. Его подробности построены на допущении: все пойдет как по маслу. На Украине: «Южнее Припятских болот группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта, используя стремительный удар мощных танковых соединений из района Люблина, отрезает советские войска, находящиеся в Галиции и Западной Украине, от их коммуникаций на Днестре, захватывает переправы через р. Днестр в районе Киева и южнее его и обеспечивает таким образом свободу маневра для решения последующих задач во взаимодействии с войсками, действующими севернее, или же выполнение новых задач на юге России.

Севернее Припятских болот наступает группа армий «Центр»... Введя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшавы и Сувалок в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на север и уничтожает совместно с группой армий «Север», наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, советские войска, находящиеся в Прибалтике...» Таким образом «будет обеспечена свобода маневра для выполнения последующих задач во взаимодействии с немецкими войсками, наступающими в южной части России.

В случае внезапного и полного разгрома русских сил на севере России поворот войск на север отпадает и может встать вопрос о немедленном ударе на Москву» [\[277\]](#).

Авторы полны оптимизма. Но неясно, что делать, если не удастся с ходу захватить переправы в районе Киева? И как развернуть войска на север, если под Смоленском останутся войска, способные прикрывать западное направление? Весь план как раз и строится на том, что произойдет «внезапный и полный разгром русских сил». А если не произойдет?

В целом «Барбаросса» очень напоминал стратегические «клещи». Первоначально по замыслу авторов плана основной удар и должен был наноситься через Украину. Затем идея изменилась. Еще в феврале 1941 г. предполагалось, что если русские все же отойдут на восток, то «сначала следует овладеть севером, не обращая внимания на войска русских, находящиеся восточнее» ^[278], а затем, опираясь на Ленинград, наступать на Москву. Но на практике будет никак невозможно «не обращать внимания».

В основе плана продолжала лежать оригинальная «изюминка» — главный удар наносится в центре, по самой короткой дороге на Москву. Охват Западного фронта планировался с невероятным размахом — немецкое окружение должно было замкнуться у Смоленска: «Подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, своевременно соединяются в районе Смоленска...» ^[279] В реальности, столкнувшись с сильным сопротивлением, вермахту пришлось замыкать кольцо ближе — у Минска. Несмотря на эту поправку, разгром Западного фронта был полным, и это стало началом в череде катастроф Красной Армии. Недооценка главного удара в центре предопределила крушение всего советского плана «упреждающего удара». Советское командование не ожидало удара такой силы через Брест, считая, что немцы способны здесь лишь на вспомогательный и короткий выпад. Ведь удар такой силы в центре фронта при варианте стратегических «клещей» был бы слишком рискованным распылением сил. А вторжение с главным направлением на Москву при неготовности к зимней войне было бы абсолютной авантюрой. Но парадокс заключался в том, что только совершенно авантюрное, непредсказуемое поведение давало Гитлеру возможность перепрыгнуть расставленный Сталиным капкан, обойти противника на короткой дистанции. Но только на короткой.

Красные стрелы на картах

Именно в стратегическом планировании ключ к разгадке трагедии

1941 г. Многие авторы объясняют неудачи 1941 г. «неправильным определением направления удара агрессора...» [\[280\]](#). Но вот чем была вызвана эта важнейшая ошибка? Как это ни парадоксально — логичностью расчетов советского руководства и нерасчетливостью Гитлера.

Когда Суворов «вычислил» подготовку Красной армии к удару по вермахту, от него потребовали предъявить план нападения из советских архивов. «Подробно проработанный государственный план должен был быть принят в Кремле не позднее января того же года. Но и в начале мая 41-го единственным советским государственным планом являлся “План обороны государственной границы 1941 г.”, [\[281\]](#) — категорически утверждает публицист А. В. Афанасьев. Серьезные историки не торопились с выводами. Исследования архивов показали, что ближе к истине здесь В. Суворов — планы такие были.

«Введение в научный оборот документов советского военного планирования показало, что Германия продолжала рассматриваться как вероятный противник № 1, несмотря на имитацию сближения с ней» [\[282\]](#), — утверждает М. И. Мельтюхов.

Первые конкретные планы удара по Германии не случайно появились в июле-сентябре 1940 г. Прежде военная стратегия СССР по существу распадалась на две войны. На севере: оборона севера с центром в Ленинграде с дальнейшим сбрасыванием противника в Балтику и наступлением на Варшаву. На юге — оборона Украины с последующим сбрасыванием интервентов в Чёрное море и наступлением на Львов и, по возможности, Бессарабию.

Разгром Франции и раздел сфер влияния с Германией позволили Сталину бескровно выполнить часть прежних стратегических планов — ликвидировать основные плацдармы стратегических «клещей». Теперь противнику придется добираться до Ленинграда через всю Прибалтику от Выборга, а к Киеву продираться из Румынии и Венгрии, а также со стороны Черного моря. А Красная Армия оказывается много ближе и к Варшаве, и даже к Берлину. Из этого следует, что противнику тяжелее завоевать СССР в два сезона. Но иначе нанести поражение Советскому Союзу все равно нельзя.

Теперь театр военных действий стратеги делили по Припяти (из-за болот и лесов бассейн этой реки плохо приспособлен для маневрирования) на северный и южный участки. Это разделение театра фактически на две самостоятельные «сцены» продолжало традицию борьбы со стратегическими «клещами». При этом центральное направление

воспринималось как «филиал» северного театра. То, что наряду с широким охватом противник может нанести наиболее мощный удар в центре, не предусматривалось. Ведь тогда на сам охват не хватит сил.

По оценкам советского Генштаба, главный удар противника мог быть нанесен по Прибалтике (с выходом к Ленинграду и Минску) на севере и в направлении Киева на юге.

М. И. Мельтюхов считает, что оценки вероятных ударов противника «исходили лишь из конфигурации советско-германской границы. Неясно также, почему авторы документов полностью исключили вариант нанесения главного удара в Белоруссии...» ^[283]. Это как раз очень понятно. Главный удар в Белоруссии означал, что наступление ведется сразу на Москву, что воспринималось в Кремле как авантюра. Ведь Гитлер не готовится воевать зимой. Если главный удар наносится в Белоруссии, все равно нужно направлять силы и на север, и на юг, чтобы центральная группа войск не была окружена. Характер театра военных действий говорил, что противник будет действовать по сценарию, который мы называем «клещами». При такой стратегии войны в Белоруссию мог быть нанесен лишь второстепенный, прикрывающий удар.

Советский план рассчитан как раз на то, что немцы сосредоточат силы для стратегических «клещей». Если две группировки противника изготовятся для наступления на север и на юг, то советские удары из центра на северо-запад и юго-запад отсекали бы обе группировки от коммуникаций. При этом юго-западный удар отрезает Германию от румынской нефти. Вполне логичный план.

Если немецкие ударные группировки будут сосредоточены в Восточной Пруссии и на юге против Украины, то ударом из центра можно было легко рассечь германский фронт и прижать северную группировку к морю, а южную отрезать, прикрываясь Карпатами. Но важно, чтобы вермахт вышел на исходные позиции. Пока против советского центра могут быть собраны значительные немецкие резервы, наносить удар нельзя — можно сорвать все дело.

Документы советского военного планирования 1940 г. упоминают, что нападение будет совершено противником. С точки зрения «оборонцев» это — доказательство мирных намерений советского руководства. С точки зрения «наступателей» — чисто идеологическое предисловие. Как мы увидим, материалы январских штабных учений 1941 г. скорее подтверждают, что удар по врагу интересовал советское командование больше, чем оборона. Тем не менее «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на

западе и на востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г. строятся на определенном представлении о наступательных намерениях противника. Следовательно, советский удар нельзя было нанести просто так, без учета угрозы нападения врага. И это — проблема для «наступателей». Советский план строился на том, что противник сосредотачивается у границ. При этом сосредоточение советских войск должно происходить одновременно с выдвиганием противника. Планировалось «по завершении сосредоточения советских войск нанести ответный удар (в зависимости от конкретной политической обстановки) на направлении Люблин — Краков — верхнее течение р. Одер либо в Восточной Пруссии» [\[284\]](#). Получается, что «завершение сосредоточения» должно было произойти практически к моменту немецкого удара. Или даже до него. И это уже загадка для «оборонцев». 5 октября «соображения» были доложены Сталину и Ворошилову, и они предложили усилить удар на юго-западном направлении (предположение В. Суворова о подготовке удара против Румынии, таким образом, подтверждается). Окончательная доводка «северного» и «южного» вариантов наступления была намечена на 1 мая 1941 г. «Северный» вариант предполагал основной удар к северу от Припяти, а «южный» к югу с дальнейшим выходом в северо-западном направлении на Польшу и Силезию. «Тем самым советские Вооруженные силы получили действующий документ, на основе которого велось более детальное военное планирование» [\[285\]](#).

В советских планах немецкие войска «обозначены термином “сосредотачивающиеся”, а значит, инициатива начала войны будет полностью исходить от советской стороны...» [\[286\]](#) Однако если воспринимать слово «сосредотачивающиеся» буквально, а не как пропагандистский штамп, призванный оправдать удар (пропагандистские допущения в таких документах излишни), то момент начала конфликта советская сторона выбирает не самостоятельно. Вся операция рассчитана на то, что нам противостоит не оборонительная группировка, а наступательная, уже выгрузившаяся в районах сосредоточения, но еще не полностью готовая к действиям. Удар по сосредотачивающейся наступательной группировке — самый сокрушительный. Это «открытие» В. Суворова советские генштабисты сделали уже в 1940 г. Но чтобы привести в действие свои планы, Сталин теперь должен был дожидаться сосредоточения противника — в ожидавшихся количествах и местах.

О. В. Вишлёв спрашивает «наступателей»: «Если бы СССР планировал нападение на Германию, то ему вряд ли стоило дожидаться завершения

оперативного развертывания вермахта» [\[287\]](#). А дожидаться как раз стоило. Собственно, в этом ожидании и заключалась «изюминка» возможного сталинского замысла. Для удара по СССР Германии нужен максимум сил. На границе с СССР будут сосредоточены основные силы вермахта. Наступательная группировка не готова к обороне. Если Гитлер сосредоточит для удара по СССР достаточные (с точки зрения Сталина) силы, то стратегических резервов у него уже не останется, и советский удар нанесет Германии максимальный урон. Так что дожидаться сосредоточения вермахта можно и даже должно.

Спор в советском военном руководстве по поводу того, где ждать сосредоточения главных сил противника и, следовательно, где наносить упреждающий удар самим, продолжался до начала 1941 г. 2-11 января 1941 г. война с Германией и ее союзниками проигрывалась на штабных играх.

После выхода мемуаров Г. Жукова возник миф о необычайной прозорливости этого полководца. На штабной игре Жуков, оказывается, показал, как будут развиваться события в случае нападения Германии на СССР. Но почему-то меры после столь мудрого пророчества приняты не были — в том числе и начальником Генерального штаба Жуковым.

Причину этого парадокса вскрыл в 1993 г. П. Н. Бобылев [\[288\]](#), обнаруживший материалы этой игры в архивах. Жуков, как это с ним нередко случалось, приписал себе лишние достижения.

Сценарий игры предусматривал «предысторию»: немцы вторглись, достигли линии Шяуляй — Каунас — Лида — Осовец, откуда были отброшены к границам СССР. После этого настала пора перенести войну на территорию противника. С этого момента начинается игра. На воображаемом календаре — 1 августа. Команда генерала Д. Павлова, игравшая за СССР, принялась штурмовать укрепления Восточной Пруссии. Тогда команда Г. Жукова, игравшая за немцев, ударила южнее и прорвалась на Ломжу. Павлов стал с некоторым запаздыванием перебрасывать резервы, чтобы закрыть прорыв. Игра была остановлена. Контрудар Жукова срывал наступление Красной армии в Восточной Пруссии. Жуков обыграл Павлова. Но Сталин остался доволен обоими полководцами. Павлов возглавил Западное направление, второе по важности с точки зрения советского командования. Дело в том, что Жуков показал негодность одного из вариантов советских военных планов. Виноват был не только Павлов, но и план. И противостоял Павлову «наш» Жуков. Он был не провидцем, а полководцем: с реальными событиями лета 1941 г. игра имела

мало общего. А вот план нужно было подкорректировать — пустить войска в обход Восточной Пруссии [\[289\]](#).

Другой вариант советского наступления обигрывался на втором этапе игры. Снова та же легенда: немцы при поддержке венгров и румын ударили, но отброшены от Львова. За это время Красная армия взяла Люблин (что по реальному советскому плану должно было произойти в ходе первого удара по немцам). Юго-Западный фронт РККА, которым командовал Жуков, имел превосходство над противником, разделенным к тому же на два направления (Павлов на этот раз командовал немцами, но отдельно действовала группировка, наступавшая на СССР из Румынии). Жуков остановил Павлова, высадил десант, прорвал фронт и двинулся на Венгрию, отрезав Румынию от Германии и попутно окружив румынско-немецкую армию, которой командовал Ф. Кузнецов. Итог: южное направление главного удара по Германии и ее союзникам оказалось более перспективным.

В качестве пророка, который «разгадал» замысел Германии, иногда представляют начальника генерального штаба Шапошникова. «К чести Генерального штаба, и в первую очередь его прежнего начальника Шапошникова, следует отнести то, что замысел противника был предугадан им с большой точностью еще тогда, когда командование вермахта только узнало от Гитлера о его намерении начать непосредственную подготовку к нападению на СССР. Шапошников считал, что «Германия вероятнее всего развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и далее на Двинск (Даугавпилс), Полоцк или на Ковно, Вильно (Вильнюс) и далее на Минск»» [\[290\]](#), — сообщает А. С. Якушевский. Эта цитата показывает, что Шапошников был грамотным штабистом, хорошо знавшим восточноевропейский театр военных действий. Поэтому, как следует из той же цитаты, он замысла противника не разгадал. Он считал, что немцы готовят стратегические «клещи». Удар на Литву — их северный фланг. Чтобы советский контрудар не срезал это наступление с фланга, нужно ударить и на Минск. То, что на Минск будет нанесен прямой и главный удар, да еще и с двух направлений, — этого Шапошников не предугадал. Потому что это было невероятно и абсурдно.

Первым из планов удара по Германии достоянием современных историков стал как раз последний — 15 мая 1941 г. Он вызвал ожесточенную дискуссию. На плане нет подписи Сталина! Будто Сталин

должен был скреплять все военные документы своей подписью. И будто Генштаб, Жуков и Василевский могли заниматься подобной самодеятельностью. В своих воспоминаниях Василевский подтвердил, что никаких пометок не ставилось и на планах 1940 г., указания Сталина по их доработке давались устно. Тем не менее, по утверждению Василевского, план существовал и был детализирован в штабах приграничных военных округов [\[291\]](#).

Говоря о плане от 15 мая, Г. Городецкий утверждает, что Сталин «немедленно его отверг», и даже сопровождает это важное утверждение иллюстрацией: план 15 мая, «отвергнутый Сталиным» [\[292\]](#). Основанием для столь небрежного обращения с этим планом является устное сообщение Жукова историку В. Анфилову. Мол, был такой план упреждающего удара, но Сталин его не поддержал. Еще бы Жуков признался бы, что готовился удар по Германии, но Гитлер обвел Жукова вокруг пальца. Срыв плана удара по Германии был величайшим провалом в жизни не только Сталина, но и самого Жукова, и ждать от него искреннего рассказа на эту тему было бы наивно. Нет уж, Сталин во всем виноват — не хотел упреждать. Ссылаясь на то же сообщение Жукова, публицист А. Помогайбо развивает мысль Г. Городецкого: «Если бы план был утвержден, он бы приобрел форму соответствующих распоряжений и был бы выслан в войска, но никаких важных директив после 15 мая в войска не поступало» [\[293\]](#). Никаких директив, а войска движутся. Какая самодеятельность войск! Концентрация советских войск у границы свидетельствует о том, что Жуков опять грешит против истины, а Василевский, защищая честь Генерального штаба, сквозь зубы «проговаривается». Мощные группировки стягивались как раз туда, куда предусматривалось планом 15 мая — в Львовский и Белостокский выступы. Наивно думать, будто такое опасное для обороны выдвижение возможно без соответствующих указаний из Москвы.

Для целей нашего исследования важны и представления о направлении немецких ударов, изложенные в плане 15 мая. Советский Генеральный штаб ожидает, что немцы будут развивать стратегические «клещи». Поэтому главное внимание уделяется ударам на Ковель-Ровно-Киев (южное направление) и на Вильно-Ригу (северное). Но в начале мая значительная часть сил вторжения уже была переброшена на восточный театр, и советский Генштаб с удивлением обнаруживает сосредоточение ударных группировок напротив Бреста и в Сувалках. Главный удар в центре — стратегическое безумие, да и сил у немцев для этого пока совершенно

недостаточно. Зачем же они сосредотачивают там войска? Советские стратеги считают, что здесь готовится вспомогательная операция, о которой они пишут в связи с угрозой северного удара — «короткие, концентрические удары» по линиям Сувалки — Волковыск и Брест — Барановичи. В действительности немцы планировали более глубокие и более сильные удары общим направлением на Смоленск. На практике получится замкнуть кольцо окружения не у Волковыска и Барановичей (слишком мелко), а у Минска. Глубину удара в центре фронта советское командование недооценило. Не будем спешить с обвинениями — это действительно было невероятно.

Исследования последнего времени показывают, что план 15 мая — не реакция на сосредоточение. Он — финальный аккорд целой симфонии военного планирования, в основе которого лежит как раз идея упреждающего удара. План такого удара был не ответом на действия германского командования, а ответом на угрозу в целом. Сосредоточение германских войск ожидалось, и было незримой частью советского плана, которая облегчала его выполнение.

Целый ряд историков (В. Н. Киселев, В. Д. Данилов, П. Н. Бобылев, Ю. А. Горьков, М. И. Мельтюхов) сходятся во мнении, что план 15 мая был утвержден, так как сосредоточение войск велось в соответствии с ним.

Ничего подобного переходу от обороны к наступлению советским планами не предусматривается. Тем более что, как разъясняет М. И. Мельтюхов, «сам переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки...» [\[294\]](#) Но «оборонцы» приводят множество примеров подготовки различных советских частей именно к обороне. Но важно понять, на каких участках велась эта подготовка.

Необходимо взглянуть на картину «сверху». Вполне естественно, что наступление планировалось только в нескольких местах. Северный фронт должен был обеспечивать оборону Ленинграда и Мурманска. Оборонительные задачи ставились и перед Северо-Западным фронтом, а отчасти и перед другими фронтами в первые дни войны. Зато из Львовского выступа мощная советская группировка должна была наступать на Краков. Белостокский выступ становился базой для удара по Варшаве и отсечения восточнопрусской группировки противника.

«Оборонцы» настаивают: «Задачи, поставленные новым подразделениям к середине мая, не оставляют каких-либо сомнений в однозначно оборонительном характере их развёртывания» [\[295\]](#). А вот М. И.

Мельтюхов, изучавший доступные документы советского военного планирования, усомнился в этой «однозначности». В плане 11 марта ставилась задача ударом на Люблин, Краков и Радом разгромить основные силы Германии, «отрезать Германию от балканских стран, лишить ее основных экономических баз» [\[296\]](#) и развернуть наступление на Данциг, Берлин, Прагу и Вену. Здесь же была указана предположительная дата начала войны — 12 июня. Но 12 июня ничего не произошло. Дата была перенесена?

Сроки и сигналы

Получается, Сталин допустил трагическую ошибку с датой удара. Если бы он не промедлил, а ударил за десять дней до нападения Гитлера, то вермахт попал бы под такой же сокрушительный удар, как Красная армия в реальности десять дней спустя. Но остается вопрос — почему Сталин промедлил? Во-первых, Красной армии требовалось больше времени для подготовки к удару. Во-вторых, как это ни парадоксально звучит, вермахт, с точки зрения Сталина, не был готов для того, чтобы попасть под советский удар. И в этом заключалась главная ошибка Сталина.

Если ударить по вермахту в момент, когда его войска еще находятся в глубине территории противника, когда Гитлер может быстро собрать сильный кулак в центре фронта — против советской ударной группировки, то все дело может провалиться. Советская разведка внимательно следила, когда немцы сосредоточат в ожидавшихся местах достаточное количество сил. К 12 июня немцы еще не собрали этих сил. Не сделали они этого и 22 июня. Гитлер сосредоточил против СССР гораздо меньше сил, чем ожидало советское командование. Он недооценивал военную мощь СССР. Советское командование знало, что с такими силами воевать против СССР — безумие. Поэтому и не ожидало удара. К тому же крупная группировка вермахта все еще располагалась почти в центре фронта (это была группа армий «Центр»). С точки зрения советских ожиданий это значило, что немцы еще далеки от своих исходных позиций. Сейчас их важно не спугнуть — иначе они смогут парировать советский «упреждающий удар».

Но подготовка к первому удару не терпела «обратного хода». Сосредоточив войска у западной границы, их нельзя было вернуть назад. Нужно было действовать до зимы. Сталин стремился к тому, чтобы дождаться сосредоточения врага. Но если дождаться не выйдет — придется бить самим. Но это было уже не так выгодно Сталину, как рассчитанный

контрудар.

В то же время темп развертывания РККА практически исключает дату 6 июля, на которой настаивает В. Суворов. Сталин не успевал не только к 12 июня, но и к 6 июля. Так, например, несмотря на строжайшую экономию горючего, которая даже мешала подготовке лётчиков и танкистов, план накопления горюче-смазочных материалов в первом квартале 1941 г. не был выполнен. И это в стране, которая сама добывала нефть. Требовались слишком большие запасы. К тому же изготовлению качественного бензина препятствовало эмбарго со стороны США, введенное после нападения СССР на Финляндию. Так или иначе, недопоставки должны были быть погашены в третьем квартале. К осени.

Опираясь на доступные ныне данные, М. И. Мельтюхов утверждает: «Содержание советских оперативных планов, директивных идеологических документов ЦК ВКП (б) и военной пропаганды наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению недвусмысленно свидетельствует о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию... Доступные ныне источники показывают, что полное сосредоточение и развертывание Красной Армии на Западном ТВД должно было завершиться к 15 июля 1941 г., поэтому эта дата может служить нижней границей в поисках точного ответа на вопрос о сроке готовившегося советского нападения на Германию» [\[297\]](#).

Этот срок можно передвинуть еще сильнее. Есть немало признаков, которые косвенно свидетельствуют, что Сталин ожидал столкновение в конце лета — начале осени. Так, например, 10 июня 1941 г. ближайшему помощнику Сталина А. Жданову был предоставлен отпуск не на месяц, как просил начальник лечебного управления, а на полтора месяца. Это секретное решение принял Сталин [\[298\]](#). До 25 июля 1941 г. Жданов мог отдыхать. «Была ли вообще запланирована точная дата?» [\[299\]](#) — спрашивает М. И. Мельтюхов. Скорее — предельный срок. Ожидая, когда же Гитлер сосредоточит свои войска в достаточных количествах, Сталин вероятнее всего имел и предельный срок, к которому Красная армия должна была ударить в любом случае, чтобы успеть до зимы. Например, 1 августа (дата, фигурировавшая на игре января 1941 г.) или, скажем, 1 сентября, к началу осени (чтобы завершить кампанию к зиме).

Сроки Гитлера были более конкретны. Но непостоянны. Он планировал удар по СССР сначала на 1 мая, затем на 15–16 мая, но в связи с подготовкой нападения на балканские страны в марте срок был перенесен

на 22 июня. А вот на проведение самой операции сроки ставились не жестко, и в этом заключался большой недостаток плана «Барбаросса», если вспомнить, что уже в октябре в России начинается время распутицы, а в декабре — морозы.

Авторы плана считали, что есть реальная возможность полностью разгромить Красную армию восточнее Днепра и Западной Двины: «замысел немцев должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек» [\[300\]](#), — докладывал начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер. Гитлер 18 декабря 1940 г. утвердил эту идею. Почему германское командование строило свои предположения на таком шатком допущении — русские примут бой у границы и не воспользуются своим главным географическим преимуществом — пространством? Первый аргумент в пользу этого привел Гальдер: «Если же они будут отходить дальше, они не смогут защитить свои промышленные районы» [\[301\]](#). Гальдеру, как и Гитлеру, не могло прийти в голову, что коммунисты могут организовать погрузку промышленного оборудования на железнодорожные колеса и, подобно кочевникам прошлого, откочевать на восток, где в неимоверно тяжелых условиях дождей и морозов запустить это производство снова. Немцы привыкли брать производство завоеванных стран неповрежденным и использовать его на благо новых побед. С Советским Союзом так не получится.

Второе основание верить, что русские примут решающий бой у границы всеми своими силами, доставляла разведка. Красная армия весь 1941 г. шла к границе. Гитлер и его генералы недооценивали размеры советской военной мощи и считали, что движущиеся к границе армии — это все, что есть у Сталина. При этом, как мы увидим, Гитлер не верил в возможность нападения со стороны СССР. Почему же Сталин согнал к границе такую массу войск? Чтобы именно здесь дать решающее сражение — пан или пропал. Подобную версию до сих пор отстаивают некоторые наши «оборонцы». Но историки уже знают о поправке, которая стала для Гитлера неприятным сюрпризом — у Сталина была возможность сформировать еще не один стратегический эшелон. Это позволяло создать оборонительный фронт восточнее Днепра и Западной Двины, даже если бы немцам действительно удалось полностью разгромить все фронты РККА западнее двух рек. Таким образом, «Барбаросса» в самой своей основе была авантюрой. Сталин не думал, что Гитлер настолько авантюристичен,

чтобы строить план войны на таких газообразных основаниях.

«Но разведка доложила точно»?

Что знал Сталин о приготовлениях Гитлера? Городецкий поторопился признать, что «в распоряжении Сталина находились точные разведывательные данные о развертывании и намерениях немецких войск, полученные из различных источников» [\[302\]](#). Но это неверно. Данные были неточными и неполными. «В 1939 — начале 1941 г. внешняя разведка восстанавливала свои агентурные позиции в капиталистических странах. Однако в Германии важнейшие объекты разведывательного проникновения, такие, как непосредственное окружение Гитлера, высшее руководство национал-социалистической партии, вермахта, спецслужб, в которых разведка могла бы получать информацию о политических решениях руководства “третьего рейха”, остались без достаточно полного агентурного прикрытия» [\[303\]](#). В результате информация о намерениях Гитлера была неполной, перемешанной с дезинформацией и доходила до Сталина с существенным запозданием. И то, что в результате получалось, очень удачно укладывалось в модель стратегических «клещей», а не главного удара в центре.

В сентябре 1940 г. агент Корсиканец сообщил: «Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР, от Ленинграда до Черного моря, и создание на этой территории государства, целиком зависящего от Германии» [\[304\]](#). Утопия? Но это же вариант Брестского мира, на который большевики согласились в тяжелых условиях 1918 г. Почему Сталин должен считать невероятным, что Гитлер может надеяться на новый Брест. И достичь нового Брестского мира удобнее всего именно с помощью стратегических «клещей». За один сезон захватить Ленинград и Украину, после чего под угрозой наступления на Москву заставить СССР пойти на унижительный, но спасительный мир.

Информация, поступающая из Германии уже в апреле, позволяла сделать вывод, что немцы стремятся к установлению контроля над Украиной по причине продовольственного кризиса: по сведениям, полученным от графа фон Гагена, «работающего в комитете по 4-летнему плану над вопросами планирования и внутреннего снабжения Германии зерном и являющегося близким сотрудником Геринга, Гаген весьма обеспокоен проблемой зерновых запасов в Германии, ибо созданный перед

войной запас зерна в 6,5 млн. т фактически уже исчерпан... Германии пришлось 2 млн. т пшеницы поставить Испании, 1,5 млн. Франции и, кроме того, Италии, Голландии и Бельгии... Надо искать новые источники получения пшеницы» [\[305\]](#).

Картина, которая возникала при анализе данных разведки, подтверждала вариант стратегических «клещей». Собственно, и само слово «клещи», которым мы до сих пор условно характеризовали советские представления о планах противника, взято из советских разведсводок. «По документам, проходящим через руки источника, видно, что объектами главного удара первоначально должны явиться Мурманск, Мурманская железная дорога, Вильно, Белосток, Кишинев и что германское командование будет стремиться путем обхода с севера, из Восточной Пруссии, и с юга, из Румынии, создать клещи, которые постепенно будут смыкаться в целях окружения Красной Армии, расположенной на границе генерал-губернаторства» [\[306\]](#). Этот план войны как нельзя лучше соответствовал советскому представлению об оптимальном развертывании сил противника, чтобы он был «готов» попасть под советский «упреждающий удар».

Сравнение разведанных СССР и Германии друг о друге приводит к выводу, что представление германского руководства о силах СССР было занижено, а мнение советского руководства об их качестве — завышено. Соответственно в Кремле ждали, что для войны с СССР Гитлер должен сосредоточить гораздо больше сил, а Гитлер был уверен, что справится меньшими. Но и реальную группировку противника советская разведка полностью вскрыть не смогла. Разведсводка 31 мая 1941 г. предполагала, что Германия сосредоточила против Великобритании больше сил, чем против СССР. В действительности к 21 июня против СССР было развернуто 62 % германских дивизий. Разведка недоглядела одну группу армий из трех (что подтверждало вариант стратегических «клещей»), одну армию из семи и не обнаружила танковые группы. Проводимые советской разведкой расчеты сил, которые Германия бросит против СССР, «были чрезмерно завышены, а их сопоставление с оценкой германской группировки у границ СССР показывало, что процесс сосредоточения вермахта для войны с СССР еще далек от завершения» [\[307\]](#).

Данные разведки были противоречивы. Сталин понимал, что существует высокая вероятность нападения, но не имел достоверных сведений о сроках удара. Ему оставалось руководствоваться «лакмусовыми бумажками», признаками, которые говорят о готовности Германии к

нанесению удара.

Поступала дезинформация о том, что, как и в предыдущих ситуациях, Гитлер сначала прибегнет к политическому давлению, чтобы установить контроль над Украиной бескровным путем. «5 мая 1941 г. поступила информация... Корсиканца о том, что концентрация немецких войск есть средство ведения “войны нервов”, чтобы побудить СССР принять следующие условия Германии: СССР должен дать гарантии вступления в войну против Англии на стороне держав “оси”. В качестве “залога” будут оккупированы Украина и Прибалтика... 8 мая советскому руководству было доложено сообщение Старшины, в котором говорилось, что нападение на СССР не снимается с повестки дня, но немцы сначала предъявят Советскому Союзу ультиматум...» ^[308] Версия о том, что Гитлер вернулся к идеям конца 1938 г. об отторжении Украины от СССР (в отличие от полного уничтожения СССР), казалось бы, подтверждалась и поведением украинских националистов. Через четыре дня после принятия плана «Барбаросса» была принята директива «О едином генеральном плане повстанческого штаба Организации украинских националистов», в которой говорилось: «Украина находится накануне вооруженного восстания, сразу же после выступления немецкой армии миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить Советы и создать свое украинское государство... в союзе с немцами» ^[309]. При таких настроениях украинских националистов их легко было использовать для давления на СССР по чехословацкому сценарию — восстания, инспирированные извне, военные угрозы с требованием предоставления Украине «независимости». «Политический блицкриг» должен был предшествовать военному, что стало бы для Сталина хорошим сигналом для «упреждающего удара». Демонстрируя уступчивость в малом (соблюдение плана хозяйственных поставок Германии при нарушениях графика немцами, терпимость к нарушению воздушного пространства СССР немецкими самолетами), Сталин провоцировал Гитлера на требования больших уступок, на ультиматум. Конечно, Сталин не был настолько безрассуден, чтобы опираться в своих расчетах только на этот ультиматум. Не будет ультиматума — не беда. Есть и более важный показатель — сосредоточение войск. Но ведь и их пока недостаточно, чтобы бросить вызов огромной военной машине СССР.

Но, на беду, советская секретность не позволила Гитлеру составить представление о действительных размерах этой машины, и он готов был начать наступление гораздо меньшими силами, чем ожидал Сталин. Основой логики «упреждающего удара» был расчет на то, что удастся

выявить сосредоточение немецких войск для удара по СССР. Но Гитлер был нелогичен, и его удар оказался невероятным сюрпризом и по времени, и по силам, и по направлению главного удара.

Майская тревога

Немцы начали переброски войск на восточный фронт в феврале 1941 г. Они опережали противника, тем более что планировалось сосредоточить меньше сил, чем ожидал Сталин. Но в апреле ситуация изменилась. Гитлер принял решение перенести удар по СССР с мая на июнь, а Сталин как раз узнал о том, что нападение готовится на май.

1 мая 1941 г. Сталину стало известно о сообщении агента Старшины: «Вопрос о вступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день» [\[310\]](#). Это казалось странным — на границе с СССР было по-прежнему слишком мало сил. Но в апреле по разведывательным каналам поступало слишком много тревожной информации. 29 апреля, выступая перед офицерским корпусом, Гитлер говорил: «В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намеряем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой» [\[311\]](#). Нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов докладывал Сталину, Молотову и Берия, что «начиная со второй половины апреля с.г. ряд сотрудников германского посольства отправляет из СССР в Германию членов своих семей и особо ценные вещи» [\[312\]](#). Такие события происходят во время военной тревоги. Война может начаться в любое время. В начале мая из Варшавы сообщали: «О предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно открыто, как о деле уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ. Немецкие солдаты, со слов своих офицеров, утверждают, что захват Украины немецкой армией якобы обеспечен изнутри хорошо работающей на территории СССР пятой колонной.

С 10 по 20 апреля германские войска двигались через Варшаву на восток бесперывно...» [\[313\]](#). Сталин мог задаться вопросом: может быть, мы недосмотрели и Гитлер все-таки готов к войне?

Гитлер действительно сначала планировал нанести удар в середине мая. К концу апреля эти сведения, уже устаревшие, могли дойти до

Старшины. Советское руководство стало готовиться к отражению возможного удара. Наступательная группировка РККА еще не сформировалась. Если Гитлер нападет сейчас, то мартовский план упреждающего удара осуществить не удастся. Как же так, неужели не разглядели сосредоточения немецких войск?

Так началась майская «военная тревога» 1941 г. В тугой узел завязались сразу несколько событий — речь Сталина перед офицерами 5 мая, назначение Сталина председателем Совнаркома 6 мая, полет Гесса 10 мая, разработка нового плана упреждающего удара 15 мая, высадка немцев на Крите 20 мая.

Сталин ждал сообщения о подготовке Гитлера к войне. Уже в конце апреля он пришел к выводу, что война с Германией может произойти в самое ближайшее время, никакого «рокового самообмана» на этот счет не существовало. 24 апреля Сталин позвонил Эренбургу и предложил ему заострить антифашистскую направленность романа «Падение Парижа». «Звонок Сталина Эренбургу явился своеобразным сигналом, свидетельствовавшим о решении большевистского руководства вновь взять на вооружение в пропаганде антифашистские мотивы» [\[314\]](#).

4 мая Политбюро утвердило решение о назначении Сталина председателем Совета народных комиссаров. Публично об этом было объявлено 5 мая. Принятие Сталиным ключевого государственного поста с 6 мая означало, что в ближайшее время он собирается активно действовать на международной арене. Обладая всей полнотой власти внутри страны, теперь Сталин должен был обладать и формальными атрибутами власти, которые позволяли бы ему на равных встречаться с мировыми лидерами. По мнению В. А. Невежина, это значило, что «Сталин сам решил проявить инициативу и приступить к активным действиям в преддверии назревавшей вооружённой схватки с Германией» [\[315\]](#).

Направление, в котором будет развиваться эта инициатива, было раскрыто Сталиным в знаменитой речи перед военным руководством страны и выпускниками военных академий, которую он произнес 5 мая.

Одна из ключевых идей этой речи — изменение роли Германии в современном мире: «Германия начинала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась» [\[316\]](#). Сталин сравнивает Гитлера с Наполеоном, намекая на перспективу новой Отечественной войны.

Будет ли СССР придерживаться оборонительной стратегии? В ответ на

тост за мирную сталинскую внешнюю политику Сталин возражает: «Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная» [\[317\]](#).

«Антигерманская направленность сталинской речи 5 мая 1941 г. в сочетании с апологией Красной Армии не оставляли сомнения, что ближайшим военным противником станет вермахт» [\[318\]](#), — комментирует В. А. Невежин. Более того, «сталинские указания немедленно были положены в основу начавшейся политико-идеологической кампании под «лозунгом наступательной войны»» [\[319\]](#).

Для «оборонцев» речь Сталина 5 мая — серьёзная проблема. Г. Городецкий считает, что ее «нужно анализировать на фоне усиливающегося конфликта с военным руководством, которое оказывало давление, требуя перехода к решительным действиям» [\[320\]](#). Такие конфликты Сталин разрешал посредством НКВД. С 1938 г. до 22 июня 1941 г. никакой почвы для конфликта Сталина с военным руководством не было и быть не могло. Сталин и без того решительно перебрасывал на запад армию за армией. Доказательством «усиливающегося конфликта» являются показанные Г. Городецкому Л. Безыменским воспоминания Н. Лащенко о рассказе Тимошенко о беседе со Сталиным на повышенных тонах. Очень убедительно. Такой тройной пересказ может привести к полному искажению контекста. Вроде бы Сталин ругал Тимошенко и даже угрожал ему расстрелом за то, что тот провоцирует войну. Досталось и Жукову. Бросаются в глаза такие фразы Сталина, которые вспомнил Лащенко (их, правда, не слышавший, но слышавший версию Тимошенко): «Если вы будете там на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду». Санкционируя движение войск к границе (без санкции Сталина такое выдвижение было

невозможно), вождь требовал четкого выполнения своих указаний, боясь «спугнуть» противника. За малейшие отклонения от инструкций генералам действительно могло доставаться [\[321\]](#). Г. Городецкий, вероятно, пал жертвой версии, которая сознательно распространялась советской разведкой и соответственно отложилась в источниках. П. Судоплатов вспоминал: «Мы подкинули дезинформацию о том, что якобы Сталин выступает последовательным сторонником мирного урегулирования соглашений, в отличие от военных кругов СССР, придерживающихся жестких позиций военного противостояния Германии» [\[322\]](#).

Всё же и Г. Городецкий признает, что советские стратеги предусматривали «превентивные действия. Нацеленность на превентивный удар была лишена агрессивной направленности, поскольку он считался законным лишь в случае начала мобилизации и развертывания войск противником» [\[323\]](#). Это значит, что версия В. Суворова является «мифом» (как характеризует ее Г. Городецкий) лишь отчасти. Во-первых, конечно, в ее эмоционально-идеологической части, о чем мы уже говорили. В обстановке 1939–1941 гг. можно говорить об агрессивности антигерманских намерений Сталина, только признавая миролюбие Гитлера. Во-вторых, не Сталин определял сроки подготовки к войне. Германия была мобилизована, признаки развертывания ее сил на востоке были уже в 1940 г. Так что моральное оправдание для «превентивного удара» налицо, и если бы книга Г. Городецкого называлась не «Миф “Ледокола”» (требование конъюнктуры), а, скажем, «Полет Гесса» (которому в книге посвящено больше места, чем собственно В. Суворову), то израильский автор мог бы признать, что объект его критики частично прав.

Полёт Гесса и вообще неясность англо-германских отношений осложняли принятие решений в Москве. Одновременно с поступлением тревожных сигналов о переброске войск на восток (а не в сторону Англии) возникли опасения, что Гитлер вообще может договориться с британцами о мире. Такой мир мог быть прелюдией к нападению на СССР — Гитлер развязывал себе руки на Западе. «Уже в начале марта 1941 г. советскому правительству по разведывательным каналам стало известно, что Гитлер отказался от планов вторжения в Великобританию» [\[324\]](#). При этом Сталин не знал, что Гитлер увязывает нападение на СССР с задачей победы над Великобританией. Не знали этого и англичане, только усиливая своими высказываниями подозрительность Сталина. Посол С. Криппс в марте 1941 г. предлагал такой сценарий: «Если Гитлер убедится, что он не сумеет победить Англию до того, как Америка сможет оказать ей помощь, он

попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР.

Эти условия мира имеют хорошие шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным, и, если положение Англии ухудшится, они сумеют принудить правительство принять гитлеровские условия мира. В этом случае Гитлер очень быстро совершит нападение на СССР» [\[325\]](#).

10 мая один из ближайших сподвижников Гитлера Р. Гесс, перелетев на самолёте в Британию, высадился на территории противника с парашютом. Он был немедленно арестован. Гитлер выжидал день. К вечеру 10 мая стало известно, что к Гессу за Ла-Маншем не отнеслись серьёзно, и Гитлер объявил его перебежчиком. Л. Безыменский считал, что «Гессу было поручено предпринять последнюю попытку создания единой общеевропейской коалиции» [\[326\]](#). Однако он не приводит доказательств того, что Гесс получил от Гитлера прямое указание на полет.

Гесс считал, что война на два фронта может привести к гибели Германии, и надеялся, что Гитлер, не решавшийся прямо отдать указание искать мира, одобрит инициативу Гесса в случае ее успеха. Фактический соавтор «Майн кампф» говорил своему адъютанту накануне полета: «Я уверен, что понимаю мысли фюрера лучше, чем кто-нибудь другой из его окружения» [\[327\]](#). Гесса вдохновляли и тайные консультации, которые через посредников велись в Швейцарии. Но на уровень прямых англо-германских переговоров они так и не вышли. Гесс надеялся ускорить процесс накануне советско-германской войны, опираясь на бывших партнёров Германии по Мюнхену. Высадившись в Англии, он попросил встречи с лордом Гамильтоном. Встреча состоялась под контролем британских спецслужб — «мюнхенцы» уже потеряли власть. Заместителю фюрера предстояло провести остаток дней в заключении. Но от Гесса британцы получили стратегическую информацию — Германия планирует предъявить ультиматум СССР, и если он не уступит — начать войну. Эти сведения не соответствовали действительности.

Некоторое время в СССР не знали, чем вызван этот невероятный полёт заместителя фюрера. То ли Гесс сошёл с ума, то ли это — хитрая игра Гитлера, которая может кончиться внезапным заключением англо-германского мира.

Молотов рассказывал: «Когда мы прочитали об этом, то прямо ошалели! Это же надо! Не только сам сел за управление самолетом, но и

выбросился с парашютом, когда кончился бензин... Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика?! Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро способен решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал в ЦК над авиацией. Смеху было. Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усовестит его не нападать на СССР. А тут как раз и Маленков зашел в кабинет. Мы так хохотали, будто умом тронулись...» Комментируя эту веселую сцену, М. И. Мельтюхов пишет: «Но смех смехом, а ситуация становилась все более запутанной; для того, чтобы разобраться в ней, требовалось время. Вероятно, именно в эти критические дни в Кремле было решено отложить советское нападение на Германию, запланированное на 12 июня 1941 г. Вместе с тем полностью прекратить военные приготовления было, скорее всего, невозможно, не ломая полностью все расчеты и планы. Поэтому начавшееся 13–22 мая сосредоточение советских войск на западной границе было замедлено и проходило при сохранении мирного графика работы железных дорог» [\[328\]](#).

Но именно 13 мая началось выдвижение на запад армий стратегического резерва. Это произошло уже после полета Гесса. Так что полет мог вызвать не замедление выдвижения войск, а его начало. Вся история с Гессом могла смущать советское руководство только до 20 мая, когда на Крит, занятый британцами, посыпались немецкие парашютисты. Стало ясно, что англичане и немцы не договорились и война между ними выходит на новый виток. После этого выдвижение советских войск стало проходить уже в более спокойном режиме.

Замедление движения советских войск было связано скорее с военно-стратегическими обстоятельствами, чем с политическими. Военная тревога мая началась до того, как советское командование успело перебросить достаточное количество войск для подготовки упреждающего удара. Пришлось придерживать войска в резерве.

Неизвестность

Сообщения о грядущем нападении при всей их серьезности казались странными. Гитлер перебрасывал войска, но все же их было еще мало, и направлялись они не туда, куда ожидалось. Сталин отнесся к предупреждениям разведки серьезно, предпринял важные политические шаги, а разведка — подвела. В середине мая никто на СССР не напал (никто же не знал, что Гитлер просто перенес сроки). Отсюда отношение

Сталина к дальнейшим сообщениям источников о нападении 22 июня. 16 июня Меркулов передал Сталину сообщение тех же источников, что сигнализировали о возможности нападения в мае: «Все военные мероприятия по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время» [\[329\]](#). Сталин грубо обругал эти источники. Его принято осуждать за это. А почему Сталин должен был верить людям, которые передали стратегическую дезинформацию в мае? «Сталин был раздражен, как видно из его хулиганской резолюции на докладе Меркулова, не только утверждениями о военном столкновении с Гитлером в ближайшие дни, но и тем, что “Красная капелла” неоднократно сообщала противоречивые данные о намерениях гитлеровского руководства и сроках начала войны» [\[330\]](#).

Но и другие индикаторы не показывали «нужного» сосредоточения вермахта ни в мае, ни в июне. Оперативные сводки НКВД УССР в НКВД СССР, составленные по донесениям погранотрядов, 16 мая 1941 г. выглядели тревожно: «По границе с СССР сконцентрировано около 3 млн. немецких войск... Населению: Бельз, Кристинополь, Варенж, Цеблув, Осердув, Вежбенж, Минцув, Русин, Жабче и Баратин официально объявлено о прекращении полевых работ и невыезде из населенных пунктов в течение 5 дней. Под угрозой смерти запрещено всякое движение по дорогам: Бельз, Варенж, Угрунув, Мирче и Грубешов» [\[331\]](#). Но в действительности такие сводки успокаивали. Сейчас нападения не будет. Не может же вермахт напасть, имея всего-навсего три миллиона солдат. Значит, тревога — ложная, и есть еще время. К 20 мая это стало очевидным. А 22 мая началась скрытная переброска к советской границе ударных сил вермахта.

15 мая был завершён новый, доработанный план упреждающего удара. Понятно, что теперь времени на его подготовку до 12 июня уже не оставалось, и эта дата канула в Лету. Новой даты не было — «обжегшись» на «недостоверных» сообщениях середины мая, решили ориентироваться на более достоверные показатели — данные о сосредоточении немецких войск. К тому же стало ясно, что выдержать темпы подготовки советской военной машины к 12 июня невозможно — необходимые запасы горючего и боеприпасов можно было накопить только в третьем квартале.

Во второй половине мая военная тревога прошла. Казалось, что Гитлер все глубже втягивается в борьбу с британцами. Движущиеся из Индии британские войска были остановлены иракским правительством 28 апреля. Ирак был подмандатной территорией Великобритании, но теперь

зависимые народы пытались воспользоваться ситуацией, чтобы скинуть колониальное иго. Вместо того чтобы действовать против немецкого натиска в Северной Африке, британцам пришлось заняться подавлением восстания в Ираке. Вишистское правительство Франции стало помогать Ираку из Сирии, британцы вторглись в Сирию. 31 мая с Ираком удалось справиться. Но к этому моменту Британия потеряла Крит — свой «непотопляемый авианосец» у берегов Греции. Критскую десантную операцию рассматривали как репетицию высадки на Британские острова.

В Москве питали надежды на то, что ближневосточный конфликт увлечет Гитлера и позволит СССР лучше подготовиться к удару. Разведка подтверждала эти надежды: «Положение с бензином настолько осложнилось, что немцы намерены во что бы то ни стало форсировать наступление на Ирак... Наступление на Ирак предполагают производить со стороны Египта и через Турцию...» [\[332\]](#) «Ситуация, складывавшаяся на Ближнем Востоке и вокруг него, позволяла советскому руководству надеяться, что Гитлер предпочтет войне против СССР разгром Британской колониальной империи» [\[333\]](#).

Во второй половине мая Сталин надеялся, что Гитлер на время отвлекся от СССР, что у западных границ еще нет достаточных для нападения сил. Но к началу июня Гитлер обезопасил себя со стороны Крита и в то же время потерял надежду на ближневосточный успех. Угроза столкновения снова возросла. В этих условиях началось выдвижение первого и второго стратегических эшелонов Красной армии ближе к границе.

Сталин мог рассчитывать, что Гитлеру понадобится значительное время на переброску войск, ведь ожидаемые силы противника преувеличивались, а наличные у границы недооценивались. Чтобы не спугнуть Гитлера, Сталин продолжил опровергать слухи о близящемся конфликте.

14 июня ТАСС публиковал сообщения с опровержением слухов о возможности советско-германского конфликта: «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными» [\[334\]](#). Как раз 14 июня из приграничных регионов началось массовое выселение всех «ненадежных элементов».

Нельзя сказать, что советское военное руководство вовсе не реагировало на тревожные сигналы о возможности германского нападения.

15 июня Прибалтийский военный округ был приведен в боевую готовность. Это логично — здесь ожидается наиболее опасное нападение. Юго-Западный фронт в боевую готовность пока не приводится, чтобы не спугнуть немцев. Ведь именно этот фронт должен наносить главный удар. Немцы не должны этого понять. Фронт и так уже располагал такими силами, что казалось: он в любом случае отразит удар. В направлении Западного фронта не ожидали сильного удара, особенно теми силами, которыми располагали немцы (ведь была выявлена далеко не вся группировка). Тем не менее 15 июня началась выдача боеприпасов в войсках приграничных военных округов. В июне в армии были отменены отпуска. Впрочем, все это могло быть уже начальной фазой сосредоточения советских сил вторжения. 19 июня Тимошенко приказал замаскировать военные объекты (эта мера была запоздалой, так как немцы уже провели фотографирование советской территории). Флоты были приведены в боевую готовность номер 2. В это время было уже очевидно, что германская армия опасно сосредотачивается у самой границы. Разведка Прибалтийского военного округа докладывала 20 июня: «Немецкие войска продолжают выдвигаться непосредственно к границе, одновременно подтягивают новые части в погранзону из глубины» [335]. Что-то не сходилось. Все «контрольные показатели» были в норме, Гитлер был явно не готов к серьезной войне, и вдруг одна из «контрольных лампочек» загорелась красным светом. Недостаточная по мнению Сталина и его генералов группировка немцев стала выдвигаться для удара. Советская военная машина еще не была полностью готова к выполнению своего плана, так как прежде казалось, что на подготовку есть еще два-три месяца. Теперь предстояло отражать удар тем, что собрали. Но и это были немалые силы. Оставалась надежда, что Гитлер «блефует» и у Сталина еще есть время. Важно было быть предельно осторожными, чтобы не выдать задуманную Сталиным комбинацию. Отсюда — многочисленные предупреждения о необходимости «избегать провокаций». На всякий случай приграничные дивизии были оттянуты от границы. Каждая неделя выигранного времени позволяла в ускоренном порядке собирать ударные группировки в соответствии с первоначально намеченным планом. Тимошенко говорил Мерецкову 21 июня: «Выиграть время во что бы то ни стало! Еще месяц, еще полмесяца, еще неделю. Война, возможно, начнется завтра. Но нужно попытаться использовать все, чтобы она завтра не началась... Не поддаваться на провокации... Не плыть по течению, а контролировать события, подчинять их себе, направлять их в нужное русло,

заставлять служить выработанной у нас концепции» [\[336\]](#). Если Сталин и Тимошенко понимают, что СССР не готов к войне и не будет готов в 1941 г., то как промедление на месяц и неделю может помочь «выработанной у нас концепции»? А вот если готовится упреждающий удар по сосредоточенной немецкой группировке, все встает на свои места. Немцы непонятным образом подготовились к удару быстрее, чем ожидалось. Нужно ещё чуть-чуть времени, чтобы в ускоренном порядке достроить «нужное русло», чтобы направить по нему ход событий.

Сослагательное наклонение

Вновь и вновь историческое сознание возвращается к вопросу: а можно ли было предотвратить трагедию советско-германской войны? Если бы Сталин действительно пытался предотвратить войну, что бы ему следовало делать? Окружить страну линиями дотов и минных полей? Если бы Гитлер обнаружил, что западная граница СССР стала непроходимой, он, может быть, отложил бы удар до лучших времен. Но он не отказался бы от него. Потому что принципы мироустройства нацистов и коммунистов были несовместимы. Или господство национально-расовой элиты над «неполноценными» народами, или господство коммунистического центра над однородной массой «трудящихся». Если бы Сталин отдал Гитлеру на откуп право выбора времени решительной схватки, то СССР стал бы последней страной Евразии, которая была бы порабощена нацистами. Выстроить «линию Сталина» вдоль всех границ СССР было бы невозможно, как и противостоять вторжению со всех сторон Германии, Японии и их союзников, опирающихся на ресурсы всего Старого света.

У Сталина был и другой путь оттянуть разгром — стать гитлеровским сателлитом. Принять план завоевания британских колоний, начать войну с Великобританией (естественно, под общим руководством фюрера), увязнуть в азиатской кампании. Ради самосохранения пришлось бы пересмотреть свою идеологию, добавив «национал-» и убрав коммунизм. Впрочем, это тоже не гарантировало от «ночи длинных ножей», если бы фюрер заподозрил, что вассал не вполне надежен. И внезапному удару с запада нечего было бы противопоставить, так как силы Красной армии были бы заняты на юге.

Можно понять Сталина, который противопоставил таким «оборонительным» стратегиям более гибкую политику подготовки к наступлению. Программа перевооружения и подготовки Вооруженных сил

СССР показывает, что Сталин предпочел бы нанести удар по Гитлеру в 1942 г. Но обстановка менялась, Гитлер не стал ждать оптимальных для Сталина сроков. И Сталину пришлось действовать теми средствами, которые у него были. Так и возникла идея «подловить» Гитлера в момент сосредоточения его войск, нанести «упреждающий удар». Идея, находящаяся на стыке оборонительной и наступательной стратегии. Если Гитлер начнет развертывание войск на стратегических направлениях, которые свидетельствуют о его готовности начать войну, мы тоже сосредоточимся, ударим, рассечем, разобьем. Если Гитлер по какой-то причине опять передумает... Что же, обратной дороги нет. Войска не могут ходить по стране туда-сюда, перенапрягая транспортную сеть и всю экономику. Сосредоточим максимально возможные силы к концу лета и ударим все равно. Агрессия? Пускай. Понятие агрессии, как объяснил Молотов в 1939 г., с началом европейской войны диалектически изменилось. После Мюнхенского сговора предотвратить поход Германии на восток все равно было нельзя. В случае успешного первого удара против сосредотачивающихся немецких войск (или, наоборот, на время отвлекающихся от советского направления) есть шанс выиграть неизбежную войну до того, как капитулирует Великобритания, и в США снова победит изоляционизм.

Так что если бы Гитлер предпочел более реалистичный вариант нападения на СССР и сосредоточил против СССР группировку, которую Сталин считал бы опасной, то Красная армия нанесла бы сокрушительный удар. И если бы Гитлер снова передумал и перенес сроки войны на 1942 г., то в августе — сентябре советско-германская война началась бы уже с нападения СССР на Германию.

В исторической публицистике сложился образ Сталина как некоего гения злодейства, который создает дьявольские планы, предполагающие уничтожение всех врагов и обидчиков, их родственников и друзей, даже если они одновременно были и друзьями самого Сталина. При таком взгляде на Сталина он предстает пророком, который заранее может предугадывать ход событий на десятилетия вперед. Получается тот же культ личности Сталина, только окрашенный в мрачные тона.

Сталин хотя и выстраивал планы, как любой политик, но очень часто действовал по ситуации. Это характерно и для его внешней политики, и для борьбы за власть в партии ^[337]. Ситуационизм Сталина часто граничил с авантюризмом, реакции на «структуру момента» были решительны и разрушительны, поскольку вождь не считался с соображениями гуманности. Но мотивы Сталина нельзя понять, если не считаться с

обстановкой, которая вела вождя (чаще, чем он ее). При этом Сталин реагировал на опасные ситуации, по-своему логично просчитывая ходы и комбинации, что помогало ему находить решения, оптимальные с точки зрения борьбы за власть. Логичный игрок, Сталин проиграл ситуацию 1941 г. интуитивисту Гитлеру, который пренебрег законами логики и расчетами. Но интуиция — плохой советчик в долгосрочной игре. Выиграв партию летом 1941 г., Гитлер проиграл судьбу Третьего рейха и собственную жизнь.

Что лежало на другой чаше исторических весов? Каковы могли быть результаты «войны Сталина», если бы удалось начать «упреждающий удар» так, как планировалось? В. Суворов рисует картину советского блицкрига. Немецкие танковые дивизии еще только перебрасываются, группы армий не сосредоточены. Немецкая авиация застигнута врасплох и понесла значительные потери. Советские механизированные корпуса вошли в прорыв. Орды танков БТ вырвались на автострады и едут на Берлин. Советские парашютисты высаживаются в тылу врага, перехватывают вместе с горными дивизиями линии снабжения Германии из Румынии. Военная машина Германии, оставшись без горючего, останавливается. Советские танки входят в Берлин. Советские самолеты уже везут десантников в столицы Европы и покоренных Европой колоний. В конце концов последняя страна мира становится союзной республикой СССР.

К сожалению или к счастью, но история не развивается столь прямолинейно. Как мы уже упоминали, в 1944 г. советская армия захватила-таки Румынию, но война продолжалась. Да, конечно, первый удар по сосредоточенному на границе вермахту был бы сокрушительным. Но не всепокрушающим. И после десятков поражений в 1944 г. вермахт сохранял боеспособность.

Более реалистичный взгляд на возможный исход советского вторжения предлагает М. И. Мельтюхов, который полагает, что поход на Берлин не был бы «прогулкой». Но и он считает, что «наименее благоприятным результатом наступления советских войск могла бы стать стабилизация фронта по рекам Нарев и Висла — т. е. примерно там, где советско-германский фронт стабилизировался в конце 1944 г.» [\[338\]](#). Финал этого сценария по сути отличается от картины, нарисованной Суворовым, только эмоциональной окраской. Если для автора сценария «Ледокола» создание мировой тоталитарной империи — нечто ужасное, что-то вроде антиутопии Д. Орвела «1984», то М. И. Мельтюхов предпочитает оптимистические краски: «Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к

“справедливому социальному переустройству” европейских колоний в Азии и Африке. Созданный в рамках “Старого света” социалистический лагерь контролировал бы большую часть ресурсов Земли. Соответственно, даже если бы Новый свет и не был захвачен, он, скорее всего, вряд ли смог бы значительно превзойти Старый по уровню жизни. В результате там сохранялось бы значительное количество недовольных, с надеждой смотревших на помощь из-за океана. В случае же полного охвата Земли социалистической системой была бы полностью реализована сформулированная в либеральной европейской традиции задача создания единого государства Человечества. Это, в свою очередь, позволяло создать достаточно стабильную социальную систему и давало бы большие возможности для развития» [\[339\]](#). «Значительные возможности для развития» даёт любой вариант истории планеты, далеко не только воплощение в жизнь марксистского идеала централизованного человечества, развивающегося по единому плану. Планетарная бюрократия порождала бы куда больше неразберихи и противоречий, чем даже советская, затрудняя развитие Старого Света, несмотря на весь ее научно-технический потенциал. Нетрудно предугадать, что распад этой империи стал бы главным сюжетом человеческой истории, если бы коммунистическое движение достигло своих военно-политических целей раньше, чем возникли предпосылки для развития в мировом масштабе социальных отношений, сколько-нибудь напоминающих коммунистические. А в XX веке эти предпосылки ещё не возникли.

Так что оставим глобалистские мечты о создании единого человечества военным путём. Мог бы Сталин, нанеся упреждающий удар летом 1941 г., достичь успехов на уровне 1944 г.?

Б. В. Соколов категорически возражает. Он считает, что советские войска двигались бы в два раза медленнее, чем планировалось, а лётчики из-за неопытности сбрасывали бы бомбы в чистом поле, что позволило бы люфтваффе захватить господство в воздухе. Это допущение сделано на основе опыта первых месяцев Великой Отечественной войны, когда внезапный удар уже позволил немцам получить господство в воздухе. Плохая подготовка советских лётчиков ни при чем. Их готовили в ускоренном темпе и в 1943 г., но господство в воздухе немцы все равно потеряли, и советские бомбы летели тогда далеко не только мимо цели.

Но вернёмся к сценарию Б. В. Соколова. В соответствии с ним, стоило Жукову углубиться в немецкую территорию на 50 км, ему уже пришлось бы ввести в дело силы второго стратегического эшелона (немцы, знамо дело, без танков и с мифическим превосходством в воздухе, сражаются

лучше, чем даже в первые месяцы Великой Отечественной). Тут Соколов и наносит Жукову удар во фланг и тыл силами танковых групп Гота, Гудериана и Клейста, которые преспокойно, будто и войны нет, разгружаются, где им надо, и смело атакуют недотепу Жукова. «Далее события развиваются примерно так же, как они происходили в действительности после германского нападения на СССР 22 июня 1941 г.» [340]

Все крайне спорные допущения Б. В. Соколова вытекают из одного постулата: «Армия, не сумевшая должным образом организовать оборону, не имела шансов на успех и в наступлении» [341]. Ключевые слова здесь — «не сумевшая». Готовила оборону, да не смогла. Но готовила ли? Б. В. Соколов горячо поддерживает В. Суворова в его мысли о подготовке Советским Союзом наступательной войны. Следовательно, он признает, что группировка советских войск была наступательной, оборону на большинстве направлений Красная армия не готовила. Так что слова «не сумевшая», как и все вытекающие из этого логические цепочки, говорят лишь о непонимании разницы между наступательной и оборонительной стратегиями начала войны.

Всё-таки от того, кто наносит первый удар, зависит слишком многое, чтобы игнорировать этот фактор. Поэтому согласимся с М.И. Мельтюховым в том, что рубежи 1944 г. были вполне достижимы уже в 1941 г. в случае «упреждающего удара». Но вот дальнейший рывок на Берлин — под вопросом. Во-первых, Советская армия еще не имеет опыта, который она приобрела в 1941–1944 гг., и, следовательно, менее эффективна и в наступлении, и в обороне против немецких контрударов. А они были чувствительными и в 1944–1945 гг. Во-вторых, нет Второго фронта. Американские войска еще не высадились даже в Британии. Но Черчилль может развивать действия на материке со стороны «мягкого подбрюшья Европы», занимая скромным количеством дивизий Балканы, откуда отводят свои войска немцы. Шансы Сталина в этих условиях захватить всю Европу не выше, чем в 1944 г. Положение Германии не столь безнадежно. Вполне естественные опасения Черчилля допустить господство Сталина в Европе могли склонить его к сепаратным переговорам с Гитлером, что, в свою очередь, могло способствовать и готовности Сталина к выгодному миру, особенно после крепких контрударов вермахта. В случае взаимной неуступчивости Черчилля и Гитлера Рузвельт получил бы время для того, чтобы вмешаться в европейскую войну. В этом случае неизбежен был бы принципиально тот же исход дела, что и в 1945 г. — раздел Европы между Западом и

«социалистическим содружеством», хотя конфигурация раздела могла бы быть иной. Но очевидно, что если бы первый удар нанес Сталин, то количество жертв и разрушений, которые принесла человечеству Вторая мировая война, было бы меньшим. Да и сама война была бы короче.

Сталин ошибался, когда не верил, что Гитлер может попытаться осуществить летом 1941 г. блицкриг с целью полного уничтожения СССР. Достижение этой цели казалось невероятным. Был ли у Гитлера шанс разгромить СССР до зимы 1941 г.? Известно, что подойдя к Москве, вермахт уже выдохся. Но и советские резервы, которые позволили нанести сильный контрудар, были сформированы к декабрю 1941 г. В конце ноября — начале декабря ситуация висела на волоске. В таких условиях большую роль имели такие факторы, как наступление осенней распутицы, которое замедлило движение немецкой техники, а затем — морозы. Если бы война началась на месяц раньше, это увеличило бы шансы Гитлера. Но если бы Гитлер сохранил прежнее намерение начать войну в середине мая, ему пришлось бы отказаться от наступления на Балканах. Это значит, что в разгар войны с СССР британцы и греки, при возможной поддержке югославов, могли бы развернуть наступление против лишенной надежной защиты Румынии. Это было весьма серьезной угрозой. Пришлось бы перебрасывать силы, жизненно необходимые на Восточном фронте, в Румынию. Это снизило бы шансы Гитлера дойти до Москвы. Только заключение германо-британского мира, которого так опасались в Москве, теоретически могло бы дать Гитлеру возможность дойти до советской столицы не в ноябре, а в октябре. Но и падение Москвы в ноябре 1941 г. еще не означало распада СССР, хотя и делало ситуацию более тяжелой. Резервная столица была готова в Куйбышеве. К тому же в случае, если бы военная тревога мая 1941 г. сразу закончилась бы войной, группировка советских войск не была бы выдвинута к самой границе, в большей степени соответствовала бы задачам обороны, что, как минимум, помогло бы сохранить от немедленного разгрома Западный фронт. А это, в свою очередь, опять делало проблематичной победу Гитлера до ноября 1941 г. При всех возможных вариантах развития событий положение Гитлера после нападения на СССР было безысходным. Собственно, безысходным это положение стало во время майской военной тревоги 1941 г., когда Сталин начал необратимое выдвижение Красной армии к западным границам.

Можно ли было с той полусобранной военной машиной, которую имел Сталин на 22 июня 1941 г. (а не, скажем, на 22 августа, когда ее детали были бы доставлены в нужные места и худо ли бедно подогнаны друг к другу), задержать противника меньшей кровью? С этими командирами, с этими солдатами, с этими изначальными просчетами в оценке оперативных планов противника.

Сначала авантюра Гитлера скорее удивила, чем шокировала советских лидеров. Немцы нанесли какой-то неправильный удар. Тем хуже для них. Уже в ночь на 22 июня в войска была передана директива Наркома обороны, которая предписывала занять огневые точки укрепленных районов, привести в боевую готовность войска и ПВО. Некоторые части не успели получить эту директиву. Но, учитывая военные приготовления июня, первый удар немцев был неожиданным скорее не сам по себе — неожиданным был его массивный характер и направления главных ударов, где противником был создан подавляющий перевес. Если бы война началась, как на французском фронте, неторопливо, то советское командование имело бы хотя бы минимум времени, чтобы подтянуть к границе мехкорпуса, дособрать ударный механизм, нацеленный на Краков, где был создан перевес в пользу РККА. А теперь нужно было парировать сильные удары вермахта, когда твои части разбросаны на разных расстояниях от мест прорыва. Эта разбросанность создала у немецких генералов впечатление о глубокой эшелонированности приграничной группировки советских войск. «22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны» [\[342\]](#), — вспоминал Э. Манштейн. Создавалось впечатление, что в приграничных округах советское командование заранее выстроило несколько эшелонов, рассчитывая на жесткую оборону у самой границы. Это подтвердило предположение немцев, что Красная армия не готовилась к наступлению в 1941 г. и что достаточно разгромить многоэшелонированную оборону у границы, чтобы выйти на оперативный простор вплоть до самой Москвы. В действительности «многоэшелонированное» расположение советских войск было вызвано тем, что они были застигнуты в движении, место и время вступления в бой определялось не каким-то планом, а тем, где застала дивизию война и сколько ей нужно времени, чтобы дойти до ближайшего немецкого прорыва. А в это время новый эшелон РККА выстраивался в районе Могилева. И это несло плану «Барбаросса» смертельную угрозу, потому что он был рассчитан на разгром основных сил Красной армии в приграничном сражении.

Если командованию вермахта понадобится месяц, чтобы понять свою ошибку, то советское командование заблуждалось по поводу происходящего всего три дня. Но это были самые важные дни.

События разворачивались невероятным образом, опровергая все столь логичные расчеты Сталина. Микоян вспоминал: «Когда на рассвете 22 июня война всё-таки разразилась, мы, члены Политбюро ЦК, сразу же собрались в Кремлевском кабинете Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясённым» [\[343\]](#). Но на что рассчитывает Гитлер? Как собирается действовать? В обстановке неопределенности советское руководство пыталось действовать по намеченному плану, хотя силы для этого не были собраны. Утром была выпущена директива Наркома обороны № 2, в которой предлагалось разгромить противника, вторгшегося на территорию СССР. В это время в Москве еще сохранялась иллюзия, что противник атакует относительно небольшими силами с двух основных направлений и советская приграничная группировка имеет перевес. Переходить на территорию противника пока было признано нецелесообразным — а вдруг Гитлер решил спровоцировать советский удар, пока Сталин не завершил приготовлений. Для наступления на Москву у Гитлера, конечно, нет сил. Но обескровить советский контрудар вермахт вполне в состоянии — советская разведка постоянно фиксировала оборонительные приготовления немцев накануне войны. Но к вечеру 22 июня стало ясно, что Гитлер замыслил не хитрую провокацию, а наступление. Поэтому вечером 22 июня была принята директива № 3, которая предписывала переход в контрнаступление. План 15 мая должен был быть приведен в действие, несмотря на срыв сроков. От Западного фронта требовалось окружить Сувалкинскую группировку противника и 24 июня войти в Сувалки. Также предполагалось разгромить и люблинскую группировку врага. Если бы немецкие группировки были сосредоточены только в Сувалках и Люблине, это было бы не худшее решение. Но в тыл Западному фронту, парировавшему удар с северо-запада, выходил танковый клин из района Бреста. Считалось, что здесь удар будет легко отразить, танковую массу некоторое время не замечали, потому что с точки зрения наступления по ожидаемому варианту стратегических «клещей» малые «клещи» в центре фронта были невероятны. И парировать удар через Брест не удалось. Оставив в тылу героический гарнизон Брестской крепости, окруженный относительно небольшими силами, танковая армада и войска группы армий «Центр» устремились не просто на Барановичи, а на Минск и Смоленск.

А. М. Соколов, обобщая сообщения оперативных сводок Генштаба за

22 июня, пишет: «На основании донесений фронтов нарком обороны и начальник Генерального штаба сделали заключение, что в основном бои ведутся вблизи границы, а самые крупные группировки противника — это сувалкинская и люблинская, именно от их действий и будет зависеть дальнейший ход сражений. Мощную немецкую группировку, наносившую удар из района Бреста, советское Главное Командование из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта явно недооценивало...» [\[344\]](#). Конечно, во всем виноват штаб Западного фронта. Это еще в июле 1941 г. установил НКВД, за что и расстрелял начальника штаба Климовских вместе с командующим Павловым. Но вот неувязочка: уже 22 июня на Западный фронт прибыла самая большая группа представителей Сталина во главе с заместителями наркома обороны Шапошниковым и Куликом. И даже мудрейший Шапошников не заметил опасного удара от Бреста. А ведь именно этот удар и обеспечил окружение Западного фронта — самой по себе сувалкинской группировке это было не по силам.

Удар немцев такой силы в районе Бреста означал невиданное распыление сил, отвлечение их от «главных» направлений — северного и южного. Только через три дня Сталин понял, что речь идет не о Прибалтике и Украине, а о самом существовании СССР, о Москве.

22 июня Западный фронт нанёс контрудар на Гродно по Сувалкинской группировке противника. На других направлениях Красная армия тоже пыталась наступать. Так, 23 июня Пинская флотилия и 75-я дивизия нанесли успешный удар по немецкому армейскому корпусу. Но в условиях прорыва немцев на нескольких направлениях такие успехи нельзя было развить, не оказавшись в мешке.

Выиграть время

Когда 25 июня ситуация прояснилась, был разрешён отход Западному фронту. В этот же день было принято решение о создании стратегического оборонительного рубежа на линии Могилев — Витебск — Орша. 28 июня кольцо окружения вокруг Западного фронта замкнулось у Минска (но не у Смоленска, как планировалось по «Барбароссе»). К 8 июля остатки фронта были уничтожены. Уже 3 июля Гальдер писал: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил

противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы» [345]. Может быть, так бы оно и было, если бы коммунистический режим не начал готовить «новую армию» ещё до начала войны. Так что теперь она выходила на линию верхнего течения Днепра.

До 28 июня советские войска удерживали львовский выступ, с которого планировалось наносить упреждающий удар. И он был бы нанесен, если бы не разгром Западного фронта, который делал наступление невозможным. Красная армия оставила Львов и в порядке стала отходить к Киеву. В образовавшемся на день вакууме украинские националисты провозгласили самостоятельную республику. Но в этих условиях заметная «третья сила» была невозможна, и подошедшие германские войска разогнали правительство своих союзников.

Принципиальное решение о переходе к стратегической обороне не означало отказа от контрударов. Как правило, они были неудачны, советские войска несли большие потери, попадали в окружение. Стоило ли наносить контрудары или они были продуктом сталинской глупости?

Когда командование Юго-западного фронта обсуждало линию дальнейшего поведения, начальник штаба фронта Пуркаев предложил перейти к обороне, вместо того чтобы наносить контрудары. Историки спорят: может быть, решение о переходе к обороне было оптимальным в тех условиях и неудачи Красной армии вызваны стремлением наносить контрудары? Почему контрудары были малоэффективными и можно ли было обойтись без них? Сама по себе Красная армия не была уж совсем беспомощной. Так, например, 30 июня советские войска отбили только что занятую немцами Ригу, обеспечив планомерный отход войск Северо-Западного фронта. Но первый удар немцев привел к цепи необратимых последствий, катастрофических для РККА. Первым ударом немцам удалось накрыть 668 самолетов, сосредоточенных на аэродромах недалеко от границы. После этого немцы захватили господство в воздухе, и план Сталина «расчистить» путь своим тихоходным машинам с помощью новейших мигов и яков провалился. В первые же дни немцы сбили ещё 222 самолёта.

Немецкое господство в воздухе затруднило переброску к месту боев горючего, боеприпасов и запчастей, эвакуацию поврежденной и вышедшей из строя техники. Хотя запасы всего этого были велики, они располагались вблизи границы, но не там, где прорвались немцы и закипели решающие сражения. Инициатива в нанесении удара дала немцам и здесь очень много.

В руки наступающих немецких частей попадали запасы, у наступающих сохранялась возможность ремонта своей техники, в то время как советские поврежденные, сломавшиеся и оставшиеся без горючего танки попадали к противнику. Войскам приходилось маневрировать в незапланированных направлениях, что выматывало их еще до вступления в бой, приводило к потерям в технике, нарушало проводную связь. Радиосвязь в войсках была, но в недостаточном количестве. К тому же ей советские командиры не очень доверяли, так как во время Зимней войны финны прослушивали советский эфир. Так что радиосвязь считалась «опасной» в этом отношении.

Огромные потери несла техника. Б. Н. Петров считает, что «низкую эффективность использования мехкорпусов нельзя объяснить внезапностью нападения противника, так как они составляли второй эшелон армии прикрытия и не попали под первый удар его группировки» [346]. Но все дело в том, что внезапность нападения сказалась на всей военной машине, а не только на ее авангарде. Прежде всего это касается господства немцев в воздухе и перемещений советских танков в тылу до их вступления в бой. Первый из этих факторов приводил к ударам «растопыренными пальцами»: «Вместо того, чтобы наносить массированные удары по врагу, танковым командирам предписывалось “действовать... небольшими колоннами, чтобы рассредоточить авиацию противника”» [347]. К тому же удар наносился вслепую, так как у немцев была воздушная разведка, а у РККА почти не было.

Дело было в том, кто выбирает место и время сражения. Летом 1941 г. инициативой владели немцы, и советским танкам приходилось проделывать невообразимые маршброски перед тем, как вступить в бой. Станным образом Б. В. Соколов доказывает «низкий уровень подготовки» танкистов, приводя воспоминания командира 8-го мехкорпуса Д. Рябышева о том, что корпус 22–26 июня проделал 500-километровый марш «без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания материальной части», что привело к выходу из строя почти половины техники. Вот и главное объяснение неудач мехкорпусов: если бы свежие мехкорпуса были сосредоточены в месте главного удара у границы и ударили бы первыми — они могли бы сражаться и за сотни километров в глубине территории врага. А теперь иное. Место решающего сражения определяется действиями вермахта. 24 июня удалось собрать хоть какие-то силы, начать контрудар, толком не ведая, где продвигается противник (не наше господство в воздухе). А измученный 8-й мехкорпус подошел только

26 июня. Тут бы и танкисты с «высоким уровнем подготовки» не добились блестящих успехов. Это касается и немцев: «Когда противник после успешного наступления в приграничных боях был остановлен на Лужском рубеже, то оказалось, что немецкая танковая группа потеряла до 50 процентов своей материальной части» [348]. Тоже, видимо, из-за нарушения «элементарных уставных требований». Война все-таки, а не парад. 30 июля Гальдер отмечал: «Танковые соединения следует отвести с фронта для ремонта и пополнения» [349]. Но к этому времени они уже одержали важные победы. Кто наносит удар, получает фору.

Под Ровно 25 июня — 2 июля контрудар Юго-Западного фронта задержал наступление немцев на 8 дней. Всего восемь дней — четверть решающего месяца. В. В. Бешанов задает риторический вопрос: «разве стоили такого моря крови такие мизерные результаты? Не лучше ли было избрать другой план действий, хотя бы генерала Пуркаева?» [350] План Пуркаева — переход к обороне без контрударов. Но группировка Юго-Западного фронта была органически не готова к обороне. Там, где в атаку пошли советские мехкорпуса, не было подготовленных оборонительных рубежей. Переход к обороне означал сохранение в руках противника инициативы во всей полноте. Почему этот план мог привести к лучшим последствиям и меньшим потерям, чем контрудары, — непонятно. Как показывает опыт оборонительных операций, включая Смоленскую и Вяземскую, оборонялась РККА еще хуже, чем наносила контрудары. В обеих ситуациях потери были очень велики. Так что вопрос В. В. Бешанова приходится переформулировать: стоила ли задержка противника на 8 дней такого моря крови? Поскольку замысел «Барбароссы» на южном фланге заключался в отсечении основных сил Юго-Западного фронта от Днепра, эти восемь дней имели принципиальное значение. Стоил ли срыв плана «Барбаросса» на одном из направлений моря крови? Стоила ли победа над Гитлером моря крови?

Конечно, лучше, когда потеря меньше или когда их нет вовсе. Немцы умели воевать, экономя силы. Советские командиры — нет. Но ставка была больше, чем жизнь.

Б. В. Соколов считает, что положение мог спасти немедленный отход на линию Днепра под прикрытием сильных арьергардов. Собственно, отход происходил, только «сильные арьергарды» окружались, а дороги были забиты. Возникавшие пробки попадали под бомбежки. Еще более стремительный отход лишь усугубил бы хаос на дорогах. При этом отход за Днепр был оправдан только на юге, где Днепр широк. В центре, где

произошел главный прорыв, Днепр не мог задержать противника (что подтвердило Смоленское сражение).

Стремительный отход РККА в условиях, сложившихся летом 1941 г., был бы трагической ошибкой, которая дала бы Гитлеру единственный шанс на победу — оказаться около Москвы в октябре. Сталин не дал Гитлеру этого шанса, пожертвовав частью армии, чтобы задержать врага в его продвижении настолько, насколько возможно. Решающей оказалась задержка немецкого наступления на месяц. А значит, и 8 дней — не мизерный результат.

У Сталина была полусобранная наступательная военная машина. У него не было времени переделывать эту машину в оборонительную. Пришлось применять наступательные методы (контрудары), жертвуя жизнями ради главного — выигрывать время, необходимое для перестройки военной машины. Ход военных действий в 1941 г. непосредственно вытекал из краха логичной стратегии Сталина. Теперь нужна была новая стратегия — выигрывать время. Чтобы пожать плоды авантюризма Гитлера, Советскому Союзу нужен был лишний месяц. Нужно было выиграть этот месяц, чтобы немцы подошли к Москве позднее, сначала в распутицу, а затем в морозы. Чтобы эвакуировать и снова запустить оборонные заводы. Чтобы собрать и подтянуть резервы. Тогда Москва не падет и тогда Гитлер не сможет выиграть войну.

СССР получил этот лишний месяц. Он оплачен жизнями миллионов людей. Но это была цена победы в той же степени, как и миллионы, павшие в более поздних победных сражениях.

* * *

Итак, в тяжелой обстановке 1940–1941 гг., когда СССР вот-вот мог остаться с Германией один на один, советское руководство решило построить «капкан» для Гитлера, нанеся по Германии удар либо в момент сосредоточения немецких войск против СССР, либо в момент начала операции против Великобритании. Ни того, ни другого к 22 июня не произошло. Сталин и его полководцы считали, что «зверь» еще не зашел в приготовленный для него «капкан», ещё не время нажимать спусковой механизм. До 22 июня Сталин боялся «спугнуть» Гитлера, заманивая его в ловушку. До последнего момента Сталин считал, что агрессор Гитлер еще не готов к удару. Суть ошибки Сталина (а с ним — всего советского военного руководства без заметных исключений) заключалась не в том, что

он не ожидал нападения Германии в 1941 г., и не в том, что он не успел подготовиться, опоздав на несколько дней. Суть ошибки заключается в том, что Сталин и советское военное руководство неправильно оценили стратегию войны, которую задумал Гитлер. Сталин исходил из того, что Гитлер будет вести войну против СССР, которую в принципе можно выиграть, он не верил, что Гитлер решится на «блицкриг». Из этого вытекает и недооценка угрозы центру советского фронта, и сам план упреждающего удара, который был ловушкой, рассчитанной на «грамотного» противника. Но Гитлер был неграмотным противником, он бросил в атаку меньшие силы, чем, с точки зрения Сталина, было необходимо для войны против СССР. Он решил сразу наступать на Москву, и соответственно главный удар пришелся в центре, где советская армия готовилась не к обороне, а к наступлению. Гитлер ударил тогда, когда не были соблюдены ключевые параметры, по которым советское руководство оценивало угрозу. Если бы Гитлер готовился к войне, которую «можно было бы выиграть», он бы попал в капкан «упреждающего удара».

Владислав ГОНЧАРОВ

ОТ ДВИНСКА ДО ПСКОВА

Почему Северо-Западный фронт не смог удержать оборону по Западной Двине и линии старой границы? (26 июня — 9 июля 1941 года)

16 июля 1941 г. вышло постановление Государственного Комитета Оборона СССР № ГОКО-169сс, в котором сообщалось о предании суду военного трибунала «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» ряда командиров Красной Армии.

Первым в списке шёл бывший командующий Западным фронтом генерал-полковник Д. Г. Павлов. Пятым — бывший командир 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта И. С. Кособуцкий, обвиненный в сдаче противнику города Пскова. Но в итоге Кособуцкому повезло гораздо больше, чем Павлову — вместо него за сдачу Пскова и прорыв немцами «Линии Сталина» был расстрелян совсем другой человек. Далеко не всякое поражение имеет свое имя, очень часто неудачи (как и успехи) обусловлены объективными факторами либо же являются следствием случайности, неудачного для одной из сторон стечения обстоятельств. Ситуации, когда результат сражения целиком зависит от решения или поступка одного-единственного человека, на войне встречаются не слишком часто. Поражение Северо-Западного фронта в начале июля 1941 г. стало одним из тех редких случаев, когда исход сражения был предопределен цепью ошибок нескольких человек, приведшей к трагическим результатам.

* * *

26 июня 1941 г., около 7 утра по берлинскому времени, к шоссе к мосту через Западную Двину у Двинска (Даугавпилс) подъехали четыре грузовика советского образца. В них находилось несколько десятков солдат из 8-й роты 800-го полка особого назначения «Бранденбург» под

командованием обер-лейтенанта Кнаака, переодетых в советскую военную форму. Первый грузовик проехал через мост беспрепятственно, второй охрана все же попыталась остановить. Началась перестрелка, в ходе которой погиб Кнаак и пятеро его бойцов, ещё 20 были ранены. Охрана не успела взорвать мост, потому что не имела приказа на подобный случай — подобные ситуации будут повторяться и в дальнейшем.

Через час к мостам подошёл передовой отряд 8-й танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса Эриха фон Манштейна — пехотная, танковая и сапёрная роты под общим командованием майора Вольфа. Отряд перескочил мост и ворвался в Двинск, при этом 3-я рота 59-го саперного батальона с тыла захватила второй мост — железнодорожный. Этот мост охрана попыталась взорвать, однако сработала только часть зарядов. Мост получил повреждения, но уцелел. В течение нескольких часов дислоцированная в Двинске еще до войны 201-я воздушно-десантная бригада полковника П. К. Гладилина пыталась удержать город, но к 12:50 по Берлину он был полностью занят противником.

Позднее за подобные вещи — использование военной формы противника при проведении диверсионных операций — немецкое командование расстреливало американских парашютистов. Но в данном случае Манштейна произошедшее ничуть не взволновало: в своих мемуарах, касаясь этого периода боевых действий, он предпочитает обвинять в нарушении «законов и обычаев войны» советскую сторону.

27 июня передовые части 1-й танковой дивизии 41-го моторизованного корпуса генерал-лейтенанта Рейнгарда вышли к городу Екабпилс (Якобштадт), расположенному на левом берегу реки ниже по течению и в 80 км северо-западнее Двинска. Здесь тоже была совершена попытка захватить мосты с помощью переодетых в советскую форму диверсантов из «Бранденбурга». Однако командовавший подрывниками саперный лейтенант успел взорвать мост, и противнику на некоторое время пришлось остановиться. Правда, передовой отряд дивизии (2-й батальон 113-го мотострелкового полка под командованием майора фон Киттеля) смог переправиться через реку на подручных средствах и 28 июня захватить плацдарм на правом берегу Двины в районе города Крустпилс.

27 июня начальник Генерального штаба ОКХ генерал-полковник Гальдер отметил в своем дневнике «проблематичность» переправы через реку в районе Екабпилса. Одновременно он указывал, что на Екабпилс действует только одна 36-я моторизованная дивизия 41-го моторного корпуса (это было не совсем так). На следующий день Гальдер записал:

«Группа армий “Север” должна теперь сосредоточить в районе Двинска достаточно сильную ударную группу, чтобы оказаться в состоянии начать наступление на Остров. Видимо, необходимо совершить одновременный рейд на Крустпилс, чтобы обеспечить наведение в этом районе моста через Западную Двину» [\[351\]](#).

В 41-м моторизованном корпусе имелось ограниченное количество переправочных средств, поэтому немецкое командование распорядилось сместить маршруты движения основных сил 4-й танковой группы правее, ближе к Двинску. В результате правофланговая в корпусе 6-я танковая дивизия вынуждена была растянуть свой фронт на 45 км — от Ливаны в 25 км от Екабпилса до Илуксте в 10 км от Двинска. На правом фланге дивизии двигалась боевая группа «фон Зе-кендорф», на левом — боевая группа «Раус», промежуток между ними прикрывался 57-м танковым разведывательным батальоном майора Линнбруна.

Мост в Ливаны советские саперы тоже успели взорвать. Однако фронт в пару десятков километров на этом участке держала лишь малочисленная группа Гурьева — 10-я воздушно-десантная бригада, усиленная стрелковым батальоном. Поэтому танкисты Рауса смогли переправиться через Двину и к 29 июня продвинуться за реку на 10 км.

29 июня части 36-й моторизованной дивизии также смогли переправиться через Двину и занять плацдарм в районе Плявинаса. К 30 июня немецкие саперы построили в Ливанах и Крустпилсе два наплавных моста, однако они имели малую пропускную способность и могли выдерживать только легкие танки. Основным плацдармом продолжал оставаться Двинск.

Командование Северо-Западного фронта вовремя оценило его значение. Уже 27 июня командующий войсками фронта генерал-полковник Ф. И. Кузнецов распорядился начать отвод войск за линию Западной Двины, в результате чего удалось избежать катастрофических потерь в живой силе и несколько улучшить управляемость войск. 28 июня Гальдер отметил в своем дневнике, что для фронта группы армий «Север» *«характерно небольшое число пленных наряду с очень большим количеством трофейного имущества».*

Против плацдарма в Двинске была брошена сводная группа генерал-лейтенанта Акимова — две бригады 5-го воздушно-десантного корпуса и два сводных полка, собранных из отступающих частей. Однако наспех подготовленная контратака успеха не дала. 27 июня командующий фронтом докладывал Народному комиссару обороны:

«Во исполнение вашего приказа вчера организовал атаку по возвращению Двинск. К вечеру 26.6.41 г. Двинск был возвращен, но предпринятый противником ожесточенный налет авиации, продолжавшийся три часа, при возобновившихся атаках пехоты с танками противника вынудил снова оставить Двинск. Организую сегодня ночью вторую контратаку для овладения Двинск с вводом 46-й танковой дивизии 21-го механизированного корпуса (имеет 5 танков). Выделил для руководства двух стойких генералов — Акимова и Белова. При атаке Двинск сбито 7 бомбардировщиков и уничтожено 5 танков, остальные танки загнаны в город, скрылись за домами»^[352].

В свою очередь генерал Акимов описывал этот бой в докладе Кузнецову ещё более сдержанно:

«Согласно вашему личному приказу организовал наступление по овладению городом Двинск с 17:00 26.6.41 г.

Наступление захлебнулось. Отдельные взводы и отделения проникли в город с северной и северо-восточной окраин города, но подведенными резервами и особенно усиленным автоматическим огнем и артиллерией противника были отброшены.

Противником была применена масса автоматического оружия, крупнокалиберные пулеметы, танки как неподвижные огневые точки. Масса огня применялась из окон домов, чердаков и с деревьев.

В результате трехчасового боя наши части были отброшены. Основные причины нашего неуспеха — совершенное отсутствие с нашей стороны танков и очень малое количество артиллерии — всего 6 орудий»^[353].

В тот же день части 3-й моторизованной дивизии 56-го моторного корпуса переправились через Западную Двину севернее Двинска, серьёзно расширив существующий плацдарм. Моторизованные разведывательные отряды немецких частей были выброшены на Резекне (где находился штаб фронта) на Дагду северо-восточнее и восточнее Двинска, создав у советского командования впечатление о высадке немцами воздушных десантов. Командование фронта вынуждено было перебазироваться в Псков, что вновь отрицательно сказалось на управлении войсками.

В 5 часов утра 28 июня началась новая атака на Двинск. Помимо

группы Акимова в ней участвовал подошедший сюда накануне 21-й механизированный корпус генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

На самом деле корпусом он был только по названию: к началу войны его формирование еще не было закончено. Формально корпус был укомплектован личным составом на 80–90 % (то есть имел 28–30 тысяч человек), однако 70 % бойцов составляли новобранцы апрельско-июньского призыва, большая их часть даже не имела оружия. Поэтому 17 тысяч «бойцов» просто были оставлены в районе Опочки на строительстве оборонительных сооружений. Автотранспортом корпус был обеспечен всего на 10–15 %, на фронт его части выступили со значительным некомплектом артиллерии, станковых и ручных пулеметов и автоматических винтовок, а также минометов. Большинство 76-мм пушек были без панорам, а малокалиберные зенитные автоматы — без дальномеров, поступивших уже в ходе боевых действий [\[354\]](#).

Сам Лелюшенко в боевом донесении от 29 июня характеризовал его так: *«Части корпуса фактически представляют из себя моторизованные группы, сформированные за счет старослужащих и частью молодых бойцов»*. Три дивизии, выброшенные к Двинску, имели в своем составе около 10 тысяч человек, 129 орудий 45 и 76 мм и какое-то количество легких и плавающих танков. 24 июня в корпус прибыло 105 машин БТ-7 и 2 танка Т-34 [\[355\]](#).

46-я танковая дивизия корпуса атаковала с севера, 42-я танковая дивизия — с востока, 185-я моторизованная дивизия двигалась во втором эшелоне. К 7 часам частями 46-й танковой дивизии В. А. Копцова было захвачено село Малинова в 12 км от Двинска; обойдя его, танкисты ворвались на северную окраину Двинска. Однако продвижение 42-й танковой и 185-й моторизованной дивизий задержалось — попав под удары авиации противника, они были остановлены в 15–20 км от города.

Немцам удалось не только укрепить плацдарм: на третий день сюда уже начали подходить пехотные части. Так 42-я танковая дивизия в районе Краславы была вынуждена вступить в бой с переправившимися здесь частями 121-й пехотной дивизии противника. В 8-10 км восточнее Двинска была сорвана переправа частей 3-й моторизованной дивизии немцев. Согласно мемуарам Лелюшенко, при уничтожении немецкого плацдарма было взято в плен 285 человек, в том числе 10 офицеров; на поле боя осталось около 400 трупов, 16 подбитых орудий и 26 минометов [\[356\]](#). Следует отметить, что в докладе об этом бое указано гораздо более скромное число пленных — 37 человек; позднее Лелюшенко докладывал,

что всего за месяц боев корпусом было взято 53 пленных.

Приказом командира 42-й танковой дивизии майора через Двину для разведки был отправлен отряд капитана Иванова — пять плавающих танков Т-38 с небольшим десантом мотопехоты. Этот отряд дезорганизовал движение в тылу противника, по донесению командира уничтожил на дорогах до сотни автомашин, а по свидетельству Манштейна — даже атаковал расположение отдела тыла штаба 56-го моторизованного корпуса. Затем он без потерь вернулся на свой берег.

«Окраины и улицы Даугавпилса были усеяны сотнями вражеских трупов, кругом пылали вражеские танки, торчали стволы разбитых орудий. Стояли покореженные автомашины. Командир 8-й немецкой танковой дивизии генерал Бранденбергер укрылся со своим штабом в крепости на южной окраине города» — так описывает Д. Д. Лелюшенко бой 28 июня в своих мемуарах [\[357\]](#).

Однако в Двинске уже находились основные силы 56-го моторизованного корпуса, поэтому атаки против превосходящего противника не имели шансов на успех. К вечеру бойцы 21-го механизированного корпуса еще продолжали цепляться за северо-восточную окраину города, однако правее них части 5-го воздушно-десантного корпуса были выбиты немцами из города и отброшены на 8–10 км к северу; возникла угроза обхода противником правого фланга мехкорпуса.

В итоге командование корпуса приняло решение отвести войска на более удобный оборонительный рубеж по линии озер Рушоны и Дридза в 15–20 км северо-западнее города. 46-я танковая дивизия заняла оборону на рубеже Бети, Лейтани; 185-я мотодивизия — по линии Аулеяс, Сакова; 42-я танковая дивизия — у деревни Шкипи, Гейби. Справа, севернее Двинска продолжал держать оборону 5-й воздушно-десантный корпус; восточнее, вдоль берега Западной Двины, располагались фланговые отряды механизированного корпуса, а левее их — части 112-й стрелковой дивизии (из состава Западного фронта).

Приказом Лелюшенко № 4 от 20:00 29 июня соединениям корпуса была поставлена задача: не допустить продвижения противника от Двинска на Резекне, Лудза и Себеж, упорной обороной нанести врагу максимальные потери и *«упорной обороной с переходом к подвижной, в случаях, вызываемых обстановкой, нанести противнику максимальное поражение, используя для этого не только короткие удары, но и приспособление местности для парализования продвижения механизированных частей*

противника» [\[358\]](#).

За день боёв силами 21-го механизированного корпуса, по нашим данным, было подбито и уничтожено 42 вражеских танка, 34 орудия, 32 миномёта, около 250 автомашин и до тысячи солдат противника. При этом взято около 300 пленных — весьма неплохой результат по меркам 1941 г.!

За 28 и 29 июня потери корпуса (без 46-й танковой дивизии, переданной в распоряжение группы Акимова) составили 30 человек убитыми, 40 — пропавшими без вести и 387— ранеными. Погибли начальник штаба 46-й танковой дивизии подполковник Авдеев и командир артиллерийского полка 46-й танковой дивизии подполковник Карасев; пропал без вести полковник Василевский. Были ранены командир 46-й танковой дивизии полковник Копцов, замполит 42-й танковой дивизии полковой комиссар Чурилов и командир 91-го танкового полка подполковник Ермонов. Потери в технике составили 4 танка, 9 бронемашин, 24 автомобиля и 11 орудий [\[359\]](#). При этом командование немецкого 56-го моторизованного корпуса только за 28 июля отчиталось о 78 подбитых советских танках!

Но даже если считать, что потери 46-й танковой дивизии были не меньше, чем в остальных двух дивизиях вместе взятых, очевидно, что противник понес как минимум не меньший урон. Поэтому Лелюшенко имел все основания докладывать, что *«настроение бойцов и командного состава, несмотря на отсутствие штатной материальной части, недостаток горючего, боеприпасов и продовольствия, — отличное»*.

29 июня 21-й мехкорпус вошел в состав вновь создаваемой 27-й армии — вместе с остатками 5-го ВДК, двух сводных полков, 110-го артиллерийского полка РКК и продолжающих отходить через Двину частей 16-го стрелкового корпуса. Однако армия эта была только по названию — на протяжении всех последующих боёв её общая численность не превышала численности одной немецкой танковой дивизии.

Тем временем Ф. И. Кузнецов докладывал Ставке:

«У Двинск наши силы: две воздушно-десантные бригады, из коих одна фактически не существует из-за понесенных потерь, два сводных полка, сформированных из отставших, остатки 2-й танковой дивизии без единого танка и 46-я моторизованная дивизия 21-го механизированного корпуса — всего 1000 человек [\[360\]](#).

Силы противника в Двинск: не менее пехотной дивизии, установлено 100 танков и повседневно превосходство в воздухе.

21-й механизированный корпус танков “КВ” не имеет, что подтвердил только что лично командир корпуса Лелюшенко и помощник командира корпуса бригадинженер Кац. Очевидно, танки в пути. Усиленный стрелковый полк 112-й стрелковой дивизии не прибыл.

28.6.41 г. атака у Двинск проведена фактически одной нашей пехотой, понесшей серьезные потери. Противник огнем артиллерии, огнеметов и пулеметов атаку отразил. В атаке уничтожены две роты пехоты противника. Наши потери свыше 600 человек только ранеными.

1-й авиационный корпус 28.6.41 г. удара по Двинск не нанёс. 29.6.41 г. тоже, видимо, не вылетал. То же и 4-я смешанная авиационная дивизия.

Третья атака одной нашей пехотой не приведёт к успеху; прошу доложить Народному комиссару обороны атаку отложить до сосредоточения 24-го и 41-го стрелковых корпусов. До получения ответа остаюсь на месте» [\[361\]](#).

Как мы видим, командование фронта имело довольно-таки фантастические представления о произошедшем, причем занижались как наши боевые возможности, так и силы противника. Оперативная сводка штаба фронта от того же дня сообщала о противнике следующее.

«...Двинское направление.

...В боях участвует 226-я пехотная дивизия, усиленная одним артиллерийским полком и группой танков.

В районе Плявинас противник сосредоточил не менее пехотной дивизии с танками и в ночь на 29.6.41 г. переправил на плотках до двух пехотных полков с танками на северный берег р. Зап. Двина.

Крустпилс занят противником, откуда [\[362\]](#) ведет дальнейшее наступление силой до двух пехотных дивизий с танками» [\[363\]](#).

Это сообщение отдает паникой. В действительности плацдармы в районе Екабпилса первоначально рассматривались немцами как второстепенные. Мосты в этом районе были взорваны советскими войсками, а с помощью импровизированных наплавных мостов быстро усилить группировку на плацдармах было невозможно. В этом районе оборонялись две дивизии 11-го стрелкового корпуса, здесь же разворачивался перебрасываемый с левого берега через Ригу 12-й механизированный корпус. Сил для обороны в этом районе вполне хватало. Гораздо более опасным являлся плацдарм у Ливаны, где к вечеру 30 июля

на правом берегу уже сосредоточилась большая часть 6-й танковой дивизии. Однако именно на него советское командование обратило на него меньше всего внимания.

30 июня Гепнер доложил командующему группой «Север», что 4-я танковая группа будет готова к продолжению наступления только 2 июля. 6-я танковая дивизия должна была атаковать с плацдарма у Ливаны, 1-я танковая и 36-я мотострелковая — с плацдарма у Крустпилса, нанося вспомогательный удар от Плявинаса.

Реальное соотношение сил в полосе Северо-Западного фронта на 1 июля 1941 года было следующим.

ПРОТИВНИК

(группа армий «Север»)

[\[364\]](#)

18-я армия

291 пехотная дивизия;

26-й армейский корпус — 61-я и 217-я пд;

207 охранная (Sich.) дивизия;

1-й армейский корпус в составе — 11-я, 1-я пд, 21-я пд;

38-й армейский корпус (резерв армии) — 58-я и 254-я пд.

4-я танковая группа

41-й моторизованный армейский корпус — 1-я и 6-я тд, 269-я пд, 36-я мд;

56-й моторизованный армейский корпус — 290-я пд, 8 тд, 3 мд;

Моторизованная дивизия СС «Мёртвая голова» (резерв группы).

16-я армия

10-й армейский корпус — 30-я и 126-я пд;

27-й армейский корпус — 122-я и 123-я пд;

2-й армейский корпус — 121-я, 12-я, 32-я и 253-я пд;

13-й армейский корпус (резерв армии) — 206-я и 251 пд, 281-я охранная дивизия.

Резерв группы армий — 281-я охранная дивизия.

Таким образом, в группе армий «Север» насчитывалось 29 дивизий — 3 танковых, 3 моторизованных и 23 пехотных. В предыдущих боях дивизии понесли некоторые потери, особенно в боевой технике, но укомплектованность личным составом продолжала оставаться близкой к штатной (порядка 15 тысяч человек в дивизии).

Бронетанковая техника 4-й танковой группы^[365]

Танковые дивизии	Pz.II	Pz.III (50mm)	Pz.33(t)	Pz.38(t)	Pz.IV	САУ SIG33	Всего
1-я	43	82	—	—	20	6	151
6-я	47	—	168	—	30	—	245
8-я	49	8	—	126	30	—	212

Кроме того, танковой группе был придан 616-й батальон истребителей танков (27 САУ Panzerjager.I), а пехотным дивизиям 16-й и 18-й армий — 185-й батальон и пять отдельных дивизионов штурмовых орудий — в общей сложности 48 САУ Stug.III. Таким образом, в группе армий насчитывалось 684 танка и САУ, из них 466 легких и 218 средних ^[366].

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА

(Северо-Западный фронт)

8-я армия

12-й мехкорпус — 23-я и 28-я тд, 202-я мд;

3-й мехкорпус — 2-я и 5-я тд, 84-я мд;

10-й стрелковый корпус — 10-я и 11-я сд;

11-й стрелковый корпус — 48-я и 125-я сд;

Управление 65-го стрелкового корпуса;

22-я стрелковая дивизия НКВД.

11-я армия

1-й мехкорпус — 3-я тд, 163-я мд, 5-й мцп;
16-й стрелковый корпус — 5-я, 33-я и 188-я сд;
41-й стрелковый корпус [\[367\]](#) — 111-я, 118-я и 235-я сд.

90-я стрелковая дивизия;
126-я стрелковая дивизия;
128-я стрелковая дивизия.

27-я армия

21-й мехкорпус — 42-я и 46-я тд, 185-я мд;
24-й Латвийский территориальный корпус [\[368\]](#) — 181-я и 183-я сд;
5-й воздушно-десантный корпус — 9-я, 10-я и 201-я вдбр.

67-я стрелковая дивизия;
3-я стрелковая бригада.

Соединения фронтового подчинения

29-й стрелковый корпус — 179 сд;
22-й Эстонский территориальный корпус [\[369\]](#) — 180-я и 182-я сд;
23-я стрелковая дивизия.

Итак, формально в составе фронта имелось 33,5 счетных дивизии [\[370\]](#), в том числе 7 танковых и 4 моторизованных. Однако к этому моменту часть дивизий передовых корпусов уже была разгромлена, в то время как один стрелковый корпус (41-й) еще выдвигался из тыла, а два территориальных корпуса (24-й и 22-й) в бой пока не вводились. Кроме того, в район Пскова из-под Красногвардейска (Гатчина) по железной дороге были направлены две дивизии 1-го механизированного корпуса — 1-я танковая и 163-я моторизованная.

Изначальная укомплектованность соединений тоже была очень разной — от 10–12 тысяч в самых комплектных дивизиях, до 6–8 и даже 4 тысяч. Например, количество сил в 27-й армии, согласно оперативной сводке штаба фронта за 30 июня [\[371\]](#) было следующим.

- 10-я воздушно-десантная бригада 5-го ВДК — 667 человек и 7 орудий, к исходу дня под давлением группы Рауса отошла на рубеж юго-

западный берег озеро Лубана и к селу Сондори.

- 201-я воздушно-десантная бригада — 400 человек, оборонялась по рубежу от озера Бети до Шумская.

- 1-й стрелковый полк — 300 человек, занимал рубеж Бебры, Яшмуйжа.

- 46-я моторизованная дивизия — 400 человек и 7 орудий, оборонялся от станции Аглона до озера Бети.

- 185-я моторизованная дивизия — 2259 человек, 23 полевых и 33 противотанковых орудия, занимал рубеж от Шумской до Краславы.

- 42-я танковая дивизия — 270 человек, 14 орудий и 7 танков, оборонялась в районе Краславы и южнее.

Итак, в составе армии было 4296 человек — днем раньше командование фронта докладывало о 5000. Необходимо отметить, что здесь, как и раньше, указывался только боевой состав соединений, то есть число «штыков». Кроме того, штаб фронта не учитывал прочие части, отошедшие и продолжающие отходить в полосу армии. Точно так же пару лет спустя немецкие войска будут отчаянно отбивать атаки десятикратно (на бумаге) превосходящих их советских сил...

Таким образом, противник значительно превосходил советские войска в подвижности и имел существенное превосходство в численности личного состава — двух или даже трехкратное. Однако это превосходство не было подавляющим, а наличие водной преграды позволяло на какое-то время задержать врага. Боевые действия 27-й армии против 56-го моторизованного корпуса показывают, что боевой дух советских войск был достаточно высок и они могли какое-то время удерживать оборону даже против многократно превосходящих сил противника.

29 июня приказом № 0096 Ставка предписала командующему Северо-Западным фронтом генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову *«продолжать оборону на фронте Рига, Якобштадт, озеро Лукнас, имея главной своей задачей не допустить противника со стороны Двинска и от Якобштадта в северном и северо-восточном направлениях»*. В качестве дополнительной меры предлагалось фронтовые резервы в составе 22-го и 41-го стрелковых корпусов, а также прибывающего в распоряжение фронта 1-го механизированного корпуса сосредоточить на старой границе в районе Пскова, Острова, Новоржева и Порхова. Этими силами следовало создать прочную тыловую оборону по линии Псковского и Островского укрепрайонов «линии Сталина», тем самым предотвратив возможный прорыв немецких моторизованных частей к Ленинграду.

Однако командующий фронтом принял другое решение — оставить рубеж обороны по Западной Двине и отвести войска на линию старой границы. Видимо, на его решение повлияло приведенное выше сообщение о создании противником сразу двух плацдармов в районе Крустпилса и Плявинаса.

Здесь позволим себе небольшое отступление. Некоторые историки критикуют советское командование за то, что в ходе тяжелейших боев лета и осени 1941 г. оно пыталось слабыми силами удерживать обходные с флангов позиции и постоянно наносить контрудары. Дескать, гораздо разумнее было бы отойти подальше, подтянуть из тыла резервы и занять прочную оборону по удобному рубежу, о который обязательно разобьется немецкое наступление.

Однако именно это и предполагал сделать командующий Северо-Западным фронтом. В 13:00 30 июня он доложил Ставке свое решение:

«Ввиду того что сосредоточение 41 ск, реорганизация 22 и 24 ск, выдвижение 1 мк могут быть закончены к исходу 3.7, а крупные силы, противника на яковитат-псковском и двинско-псковском направлениях могут подойти к УР на левом крыле фронта тоже к этому времени, а также быть и ранее, что создает угрозу уничтожения 8-й и 27-й армий по частям, — решил отказаться от удержания рубежа Зап. Двины и, сохранив имеющуюся силу, начать отход на укрепленную полосу, энергично приводя ее в боевую готовность; создать сильную ударную группу на псковском направлении для контрударов и упорной обороны определенных Вами направлений» [\[372\]](#).

Таким образом, командующий фронтом предлагал срочно начать переброску в район Пскова и Острова 22-го Латвийского и 24-го Эстонского территориальных корпусов, еще не введенных в бой из-за их ненадежности. Здесь же должны были занимать оборону по линии старых укрепрайонов передаваемые фронту 1-й механизированный и 41-й стрелковые корпуса. Под их прикрытием предполагалось развернуть войска, отводимые с линии Двины. Одновременно Кузнецов предлагал начать эвакуацию Моонзундских островов и отвод войск 8-й армии от Риги на новый рубеж обороны по южной границе Эстонии.

Однако Ставка категорически воспротивилась инициативе командующего Северо-Западным фронтом. Буквально через несколько часов Кузнецову была отправлена директива, подписанная Г. К. Жуковым:

«Вами приказ Ставки 0096 не понят. Сложившаяся обстановка требует в течение ближайших трех-четырех дней задержать противника на рубеже Зап. Двины. Ставка требует выполнения приказа 0096. Примите все меры, [\[373\]](#) не допустить распространения противника на северном берегу Зап. Двины. Используйте всю авиацию для систематической бомбежки днем и ночью переправ и переправляющихся частей противника. Об исполнении донести».

Как мы видим, отход войск фронта с рубежа Западной Двины вовсе не воспрещался — но он должен был проходить более организованно, с одновременным удержанием силами прикрытия оборонительного рубежа по реке. Ведь не секрет, что именно отступление является самым сложным видом боевых действий, где важно сохранить как управляемость войск, так и моральное состояние бойцов и командиров. Пока танковые и моторизованные дивизии противника сковывались контрударами под Двинском и Крустпилсом, у Северо-Западного фронта оставалось время создать новую линию обороны на рубеже старых укрепрайонов и по линиям рек Великая и Череха.

Однако имелась и другая причина, по которой отступать от Двины было нельзя. На южном берегу реки еще оставалось большое количество разрозненных советских частей, беспорядочно отступавших к реке. Они не имели никакой связи с командованием, и, судя по всему, Кузнецов просто числил их уже погибшими — так еще в донесении Народному комиссару обороны от 28 июня он сообщал: *«2-я танковая дивизия, видимо, погибла. 11-я армия как соединение не существует. Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий, 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю» [\[374\]](#)*. А тем временем все эти войска отходили к Двине, стремясь переправиться через неё; оставить линию реки означало обречь их на гибель.

Да и ситуация на фронте не была столь катастрофичной, как представлялось штабу Кузнецова. Помимо Двинска, противнику так и не удалось нигде захватить исправных мостов через Двину. Правда, 28–29 июня немцам удалось переправиться через нее еще в трех местах, но на большей части фронта такие попытки были отбиты. Заметим, что в конце сентября и начале октября 1943 г. вышедшие к Днепру советские войска захватили до десятка плацдармов только в полосе 1-го и 2-го Украинского фронтов, однако «вскрыть» удалось только три из них — один в октябре и два в ноябре.

Дальше всего немцы продвинулись с плацдарма у Ливаны — как мы видели выше, 30 июля оборонявшиеся здесь части группы Гурьева отошли к озеру Лубана. Однако фактически войска 6-й танковой дивизии не продвинулись на такую глубину, к вечеру она достигла лишь села Рудзеты в 20 км от реки. Дивизия наступала практически параллельно шоссе Двинск — Псков в 30 км западнее него. 1 июля передовые отряды дивизии прошли еще 25 км и вышли к Варакляны (10 км западнее Виляны).

Против образовавшихся по обе стороны от Екабпилса плацдармов были развернуты силы 11-го стрелкового корпуса (48-я и 125-я стрелковые дивизии) и 12-го механизированного корпуса. 30 июня его 28-я танковая дивизия с 10-м мотоциклетным полком занимала оборону на участке от Коакнесе до Плявинаса, 202-я мотострелковая дивизия — между Плявинасам и Крустпилсом. 23-я танковая дивизия сосредоточилась в районе Эргли (30 км севернее Плявинаса) с задачей подготовить контратаку на Плявинас [\[375\]](#).

В течение ночи на 30 июня противник восемь раз пытался переправиться через реку, но все его попытки были отбиты. В 18 часов штабом корпуса в район Лыеградэ (в сторону Крустилса) была выслана разведывательная группа в составе трех танков и взвода мотопехоты с задачей разведать переправу противника через реку Айвиэксте.

К этому моменту в мехкорпусе имелось около 9 тысяч человек личного состава, 50 танков и 47 орудий [\[376\]](#). Как мы увидим ниже, в 11-м стрелковом корпусе на 4 июня, то есть после тяжелого отступления, все еще оставалось 8769 человек — то есть на 1-е число корпус насчитывал как минимум 10–12 тысяч. Сюда же от Гулбене была выдвинута 181-я дивизия 24-го Латвийского территориального корпуса. Из-за отсутствия штаба 12-го мехкорпуса его войска были подчинены штабу 65-го стрелкового корпуса, не имевшему собственных войск. Даже если имевшихся здесь сил и не хватало для того, чтобы сбросить в реку успевшие переправиться части трех немецких дивизий, то для блокады плацдармов их было вполне достаточно.

Утром 30 апреля противнику удалось захватить мосты в Риге — но через несколько часов они были отбиты контратакой частей 10-го стрелкового корпуса 8-й армии и взорваны лишь поздно вечером, после переправы остатков 90-й стрелковой дивизии и других наших войск с южного берега.

К 30 июня советские войска в основном продолжали удерживать оборону по правому берегу Западной Двины. Ни один из новых

плацдармов не давал противнику возможности быстро сосредоточить войска и перейти в наступление — даже часть тылов 41 — го моторизованного корпуса Рейнгарда позднее пришлось переправлять через мосты в Двинске. На 1 июня был намечен контрудар против Крустпилса силами 202-й моторизованной и 181-й стрелковой дивизий.

Манштейн, согласно его послевоенным утверждениям, рвался вперед — но командование группы армий сочло за лучшее придержать 56-й моторкорпус до тех пор, пока Рейнгард не сможет начать наступление с плацдармов у Крустпилса.

Вот в такой ситуации в 20:45 30 июня командование Северо-Западного фронта, ещё не успев получить запрещающей директивы Жукова, отдало подчиненным ему соединениям приказ на отход с линии Западной Двины.

Первое. Противник продолжает наступление на крустпилс-псковском и двинско-псковском направлениях. Крупные колонны мотомеханизированных войск и пехоты обнаружены в движении из района Каунас на направлениях: Паневежис, Екабпилс; Утена, Даугавпилс. Противник, по-видимому, стремится разорвать фронт на стыке 8-й и 27-й армии и не допустить отхода 8-й армии на восток с одновременным захватом укрепленных районов до отхода наших войск.

Второе. Задачи войск Северо-Западного фронта: не допустить прорыва занимаемого фронта со стороны Крустпилс и Даугавпилс на северо-восток, прочно закрепить и удерживать всеми силами Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы и не дать противнику возможности прорваться на северо-восток и восток.

Третье. 8-й армии в ночь с 30.6. на 1.7.41 г. начать отход на укрепленный рубеж. Промежуточные рубежи:

а) к исходу 1.7.41 г. — Цесис. оз. Алауксто, Мадона, Бузаны, юго-западный берег оз. Лубана;

б) к исходу 2.7.41 г. — Дзени, Гулбенэ, Яунканчи (северный берег оз. Лубана).

В дальнейшем совершать отход на Псковский и Островский укрепленные районы.

Включить в свой состав части 12-го механизированного корпуса в районе Мадона. При отходе основную группировку иметь на своем левом фланге, обратив особое внимание на связь с соседом слева.

Граница слева — Екабпилс, (иск.) оз. Лубана, (иск.) Остров.

Четвертое. 27-й армии продолжить упорно удерживать противника на занимаемом рубеже. Отход на укрепленный рубеж начать только с началом

отхода 8-й армии с рубежа Дзени, Гулбенэ, Яунканчи. К исходу 1.7.41 г. войти в связь с 8-й армией о районе оз. Лубана.

Граница слева — Краслава, Дагда, (иск.) Опочка.

Пятое. 41-му стрелковому корпусу сосредоточиться и 1.7.41 г. занять для обороны Псков, Остров, Выставка, продолжая неослабно улучшать укрепления, строить укрепленные районы, ПТП [\[377\]](#) и полевые позиции. Задача — не допустить противника через укрепленные районы на восток и северо-восток. По занятии укрепленных районов войти в подчинение командующего 8-й армией.

Шестое. 24-му стрелковому корпусу (11-я, 181-я и 183-я стрелковые дивизии) в ночь на 1.7.41 г. начать движение в район (иск.) Остров, (иск.) Опочка, Новоржев, где пополниться, реорганизоваться и занять для обороны полосу (иск.) Остров, Опочка... По сосредоточении и занятии полосы обороны поступить в распоряжение командующего 27-й армией.

Седьмое. 1-му механизированному корпусу, прибывающему из Ленинградского военного округа, сосредоточиться в районе Подложье (40 км северо-восточнее Псков), (иск.) Порхов, Боровичи (20 км севернее Порхов). Задача — дополнительно.

Восьмое. Командиру 22-го стрелкового корпуса к исходу 1.7.41 г. выйти на фронт Подсевы, Горки, (иск.) Порхов. Части корпуса изготовить для упорной обороны фронтом на юго-запад и на юг. Подготовить проходы в полосе своей обороны для 1-го механизированного корпуса в направлении Опочка... [\[378\]](#)

Точное время отмены этого приказа неизвестно — по некоторым данным, в штабы армий оно поступило только утром 2 июня. Во всяком случае, в 7 часов утра 1 июня войска 11-го стрелкового корпуса 8-й армии, занимавшие оборону против немецкого плацдарма у Плявинаса, начали отход на север. Части 48-й стрелковой дивизии отходили в направлении на Снытери, мыза Дукури, мыза Скуене, Круста-Крогс, 125-й дивизии — на Мадлиена, мыза Ранциэми, мыза Рамули, река Амата. К этому моменту в 125-й дивизии, по докладу ее командира, оставалось около 700 штыков [\[379\]](#).

Командование 12-го мехкорпуса об этом в известность поставлено не было — видимо, командование 11-го стрелкового корпуса и его дивизий решило, что раз приказ об отходе получили все, то предупреждать об этом соседа нет необходимости. В результате противник нанес удар во фланг 202-й моторизованной дивизии, оборонявшейся левее на рубеже

Крустпилс, Плявинас.

Находившаяся у Плявинаса 28-я танковая дивизия также оказалась под угрозой обхода после того, как наступавший с направления Крустпилса противник силами около пехотного полка с артиллерией переправился через реку Айвиэксте. Попытка отбросить немцев за Айвиэксте не увенчалась успехом; вдобавок около полудня был получен приказ командующего 8-й армией на отход в направлении Мадона.

В итоге вечером 1 июня соединения 12-го мехкорпуса, до этого успешно отбивавшие все попытки противника форсировать реку, также были вынуждены начать отход, прикрывая его контратаками 23-й танковой дивизии.

Уже днём 1 июня в войска пошли контрприказы. 8-й армии предписывалось атаковать во фланг войска противника, распространяющиеся с плацдарма у Крустпилса и уже достигшие Мадона. 27-й армии предписывалось занять прочную оборону и не допустить «вскрытия» немецкого плацдарма у Двинска. В 17:10 командиру 181-й стрелковой дивизии был отдан приказ — оставить в районе Мадона один стрелковый полк с дивизионом артиллерии и двумя противотанковыми батареями, передав его в подчинение командира 202-й моторизованной дивизии, а остальными частями форсированным марше двигаться к Острову.

На следующий день эти приказы были подтверждены новым распоряжением.

«Первое. Противник переправился на северный берег р. Зап. Двина силой до одной пехотной дивизии с танками в районе Двинск и невыясненной численности моторизованной пехоты с танками в районах Якобш-тадт и Фридрихштадт, имея целью разъединить Северо-Западный фронт на направлении Мадона.

Второе. Армии Северо-Западного фронта в течение 2 и 3.7.41 г. уничтожают части противника, прорвавшиеся к северу от р. Зап. Двина, выходят на всем фронте на р. Зап. Двина и прочно удерживают этот рубеж...

Четвертое. 8-й армией с 181-й стрелковой дивизией, удерживая занимаемый фронт по р. Зап. Двина, своими силами с утра 2.7.41 г. уничтожить противника, переправившегося в районе Фридрихштадт, и не допустить распространения его к северу и к северо-востоку, для чего иметь в районе Мадона сильный резерв в составе 181-й стрелковой дивизии и 12-го механизированного корпуса.

В дальнейшем уничтожить яacobштадтскую группу и на всем фронте выйти на р. Зап. Двина и прочно оборонять ее.

Граница слева — Екабпилс, Остров.

Пятое. 27-й армии с 163-й моторизованной дивизией во взаимодействии с 12-й стрелковой дивизией 22-й армии, сковывая противника в центре вдоль шоссе Резекне — Даугавпилс, нанести удары флангами армии, охватить район Даугавпилс с запада и востока, окружить и уничтожить противника в районе Даугавпилс и северо-восточнее» [\[380\]](#).

Но потеря как минимум двух дней сделала этот приказ невыполнимым. «Order — counterorder — disorder». Несмотря на то что ниже Плявинаса правый берег реки все еще целиком находилась в наших руках, сражение за Двину было уже проиграно.

Командующий 4-й танковой группой Э. Гепнер планировал начать общее наступление на рассвете 2 июля. Фактически оно началось на сутки раньше запланированного. Утром 1 июля 1-я танковая и 36-я моторизованная дивизии 41-го моторизованного корпуса начали продвижение вслед за отходящими войсками 11-го стрелкового и 12-го механизированных корпусов. Одновременно части 10-го стрелкового корпуса 8-й армии оставили Ригу.

А вот 6-я танковая дивизия и 56-й моторизованный корпус не смогли начать наступление даже 2 июля. Раус объясняет это очень глухо: плохим состоянием дорог южнее озера Лубана и начавшимся проливным дождем. Судя по всему, дивизия испытывала недостаток тяжелой техники, которую все еще не удалось переправить через Двину. К вечеру дивизия лишь достигла рубежа Зоблева, Биржи. Перед ее фронтом сопротивления советских войск практически не было, но с востока ее фланг постоянно подвергался атакам остатков 10-й воздушно-десантной бригады.

Манштейн в соответствующем месте своих мемуаров становится очень многословен, но тоже весьма неконкретен.

«Наконец 2 июля мы смогли вновь выступить после того, как в корпус прибыло третье механизированное соединение — дивизия СС “Мертвая голова”, а слева от нас 41-й танковый корпус перешел Двину у Яacobштадта...

Однако после внезапного рейда на Двинск прошло уже 6 дней. Противник имел возможность преодолеть тот шок, который он получил при появлении немецких войск на восточном берегу Двины...

Удастся ли ещё раз в такой же степени упредить противника, было, по крайней мере, сомнительно... Это было бы возможно лишь в том случае, если бы танковой группе удалось направить все силы на выполнение одной задачи. Как раз этого, как будет показано, не произошло, хотя противник и не имел достаточно сил, чтобы остановить продвижение танковой группы» [\[381\]](#).

В любом случае прорвать оборону 27-й армии Манштейну удалось далеко не сразу. Ещё утром 1 июня командующий 27-й армией Н. Э. Берзарин (будущий комендант Берлина) получил от командования фронтом приказ (отдан в 4:55) — любой ценой продержаться на занимаемых рубежах до 5 июля. С этой целью в распоряжение армии передавалась 163-я моторизованная дивизия 1-го механизированного корпуса, перебрасываемого из состава Северного фронта. Дивизия выдвигалась в район Яунлатгалэ, Карсава с задачей прикрыть разрыв между 8-й и 27-й армиями и организовать противотанковую оборону по восточному берегу рек Педедзе и Айвиэксте на фронте от станции Сита до озера Лубана, на вероятном пути движения танков противника [\[382\]](#). Таким образом, даже не имея данных от разведки, советское командование правильно определило маршрут 1-й и 6-й немецких танковых дивизий.

К вечеру 1 июля передовые отряды 1-й танковой дивизии уже достигли Мадона в 50 км от Двины. Приказом Кузнецова фронтом сюда была срочно направлен один из полков 181-й дивизии 24-го стрелкового корпуса. Усиленный дивизионом артиллерии и двумя батареями противотанковой обороны, полк должен был войти в подчинение командира 202-й моторизованной дивизии с задачей не допустить прорыва противника от Крустпилса на Мадона и далее на северо-восток. Остальным частям дивизии предписывалось форсированным маршем двигаться в район Острова, где занять оборону [\[383\]](#). Одновременно другим приказом 8-й армии предписывалось «*удерживая фронт Рига, Екабпилс, своими силами ликвидировать прорвавшиеся части противника у Фридрихштадт, обеспечивая свой левый фланг в направлении Мадона от удара противника и не допуская его распространения в северном и северо-западном направлениях... быть готовой коротким сильным ударом из района ст. Луксты в направлении Плявинас ликвидировать во взаимодействии с 27-й армией прорвавшиеся части противника с направления Екабпилс на Мадона*» [\[384\]](#).

Для контратаки в сторону Мадона предлагалось использовать остатки

12-го механизированного корпуса, сосредоточенные в районе станции Луксты; на этот момент в корпусе оставалось всего 35 танков [385].

В 0:25 минут 2 июля в районе штаба 12-го механизированного корпуса был сброшен вымпел с приказом командования армии — прекратить отход и восстановить положение по правому берегу Западной Двины. То есть другой связи с корпусом у штаба армии на этот момент не было. Попытавшись выполнить этот приказ, командование корпуса в 2:50 распорядилось 28-й танковой дивизии к 7 часам занять прежний рубеж по берегу Западной Двины в районе Коакнесе, Плявинас, 202-й мотострелковой дивизии удерживать занимаемый рубеж Мадона, Мейраны, а 23-й танковой дивизии из района Медзула, Лыэзере атаковать части противника на северном берегу Айвизкстэ в районе Лыеградэ. К 14 часам 2 июля части корпуса даже смогли занять исходное положение для атаки — однако атака так и не состоялась, поскольку 181-я и 48-я стрелковые дивизии, не получив приказа о прекращении отхода, уже отошли на северо-восток.

Уже при отходе в районе Гулбене авангард 645-го мотострелкового полка 202-й моторизованной дивизии атаковал вражеский моторизованный отряд, захватив две исправные легковые автомашины и 7 мотоциклов. В одной из машин были захвачены документы 8-й танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса (?!), а также выписка из пресловутой директивы от 13 мая «Об особой подсудности в зоне “Барбаросса”» — той самой, которую Манштейн якобы отказался отправлять в войска...

Тем временем 27-й армии угрожал обход из района Мадона, поэтому вечером 1 июля Н. Э. Берзарин отдал своим войскам приказ отходить на новый рубеж — от озера Лубана до озера Резна, загибая к востоку свой правый фланг. Несмотря на многократное превосходство противника, отступление 27-й армии проводилось планомерно. К 17 часам 1 июля части армии, согласно оперативной сводке штаба фронта № 09/оп от 11:45 2 июля, занимали следующее положение:

«а) 10-я воздушно-десантная бригада в течение дня, ведя бои с мелкими группами противника, удерживает рубеж Гарвацайниэки, Декшорн, Прижево. Штаб — Виланы. К бригаде присоединилась 76-мм батарея 9-й артиллерийской бригады противотанковой обороны.

Потери: убито — 3 человека, ранено — 4 человека.

б) Части группы Акимова 1.7.41 г. продолжали удерживать и укреплять рубеж Гашиш, Башки, Лейтани, Биэшена. Штаб — Лубана.

в) Части группы Лелюшенко в течение дня 1.7.41 г. приводили себя в

порядок на рубеже: 185-я стрелковая дивизия — Биэшена, Ковалева; 42-я танковая дивизия — (иск.) Ковалева, Колей, Унгури.

Перед фронтом группы боем установлены 46-й мотоциклетный полк и 44-й танковый батальон противника. Противник понес значительные потери. Уничтожен целиком штаб танкового батальона. Наибольшие потери понёс 280-й стрелковый полк 185-й стрелковой дивизии, потерявший много орудий» [\[386\]](#).

Одновременно в состав фронта прибывали новые корпуса, развертывающиеся на рубеже старых укреплений:

«а) 41-й стрелковый корпус — продолжает сосредотачиваться в районе Псков, Остров;

б) 1-й механизированный корпус в составе одной танковой дивизии и моторизованной дивизии сосредоточился в районе Псков;

в) 22-й стрелковый корпус — сосредотачивается в районе Порхов, Подсевы, Горы;

г) 24-й стрелковый корпус — сосредотачивается в районе (иск.) Остров, (иск.) Опочка, Новоржев» [\[387\]](#).

В оперативной сводке штаба фронта № 10/оп за 2 июля положение прибывающих частей выглядело следующим образом:

«а) 1-й механизированный корпус (без 1-й танковой и 163-й моторизованной дивизий) — в лесах и районе ст. Торошино, Подборовье (18–20 км северо-восточнее Псков).

б) 41-й стрелковый корпус (118,111 и 235-я стрелковые дивизии) с 1.7.41 г. начал выгружаться на ст. Псков, ст. Черская. До 18:00 2.7.41 г. прибыло 11 эшелонов 111-й стрелковой дивизии, 13 эшелонов 118-й стрелковой дивизии и 3 эшелона на подходе и 6 эшелонов управления 41-го стрелкового корпуса. Перевозки идут с большим опозданием.

По окончании сосредоточения корпус имеет задачу оборонять участок Псков, Остров, Выставка.

в) 22-й стрелковый корпус: 180-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Порхов, 182-я стрелковая дивизия с 1.7.41 г. в движении из района Петсери в Порхов.

г) 24-й стрелковый корпус: 181-я стрелковая дивизия — с 1.7.41 г. в движении из района Гулбенэ в район Остров, 183-я стрелковая дивизия — в

движении из района Цесисрайон Остров» [\[388\]](#).

На этот момент в составе 1-го механизированного корпуса (3-я танковая, 163-я моторизованная дивизии и 5-й мотоциклетный полк) имелся 371 танк — 26 средних трёхбашенных Т-28, 225 легких БТ и 120 огнеметных Т-26, а также 135 бронемашин [\[389\]](#). Личным составом корпус был укомплектован близко к штату, то есть имел 20–25 тысяч человек. Однако ещё ранее из корпуса были изъяты один танковый батальон, зенитный дивизион и некоторое количество автотранспорта

Ещё днём 1 июня в штаб Северо-Западного фронта поступила подписанная Г. К. Жуковым директива Ставки, в которой требовалось *«провести активную операцию по ликвидации переправившегося на северный берег р. Зап. Двина противника с целью прочно закрепиться в дальнейшем на северном её берегу»* [\[390\]](#). Для проведения операции разрешалось использовать 112-ю стрелковую дивизию 22-й армии Западного фронта, а также 163-ю моторизованную дивизию 1-го механизированного корпуса, прибывающего в состав Северо-Западного фронта.

Во исполнение этой директивы в 0:17 2 июля командующий фронтом отдал Н. Э. Берзарину новый приказ:

«27-й армии с 163-й моторизованной дивизией во взаимодействии с 12-й стрелковой дивизией 22-й армии, сковывая противника в центре вдоль шоссе Резекне — Даугавпилс, нанести удары флангами армии, охватить район Даугавпилс с запада и востока, окружить и уничтожить противника в районе Даугавпилс и северо-восточнее. К исходу 2.7.41 г. подвижными частями овладеть Даугавпилс и выйти нар. Зап. Двина» [\[391\]](#).

Соответствующий приказ командующего 27-й армией был направлен в войска только около 8 часов утра и поступил туда к 10 часам [\[392\]](#). Соединения фронта, удерживающие оборону, были крайне малочисленны; вряд ли они имели возможность перейти в серьезное контрнаступление. Тем более что Ставка, вопреки убеждению некоторых современных историков [\[393\]](#), этого и не требовала — вспомним, что директивой Жукова от 30 июня Кузнецову предписывалось лишь задержать противника на 3–4 дня и не допустить его распространения по северному берегу Двины.

Более того, в 2 часа ночи, еще до прибытия приказа из штаба фронта, командир 27-й армии отдал распоряжение на планомерный отход своих

войск от Двинска:

«...4. 27-й армии аррьергардными ^[394] частями прочно удерживать противника на занимаемом рубеже и начать отход последовательно, по рубежам, только под давлением превосходящего противника, не допустив разгрома боевого порядка по частям.

5. Промежуточные оборонительные рубежи отхода: первый — оз. Лубана, р. Малта, р. Резекне до ст. Казраджи, Тискади, Малта, оз. Резна-эзерс, оз. Оша-эзерс;

второй — р. Ига до Мартузани, Стиглова, Дегл-ва, Мозули, Мироеды; третий — Носова, Аугшпилс, Красный, Опочка.

6. Последовательность отхода: на рубеж № 1 — к исходу 2.7.41 г.; на рубеж № 2 — к исходу 3.7.41 г.; на рубеж № 3 — к исходу 4.7.41 г.

7. Группе Гурьева отходить в своей полосе, обеспечивая стык с частями 8-й армии. Район сосредоточения после отхода Маршавицы, Сошихино, переходя в подчинение Акимова.

Граница слева — Жаворонки, Аугшпилс, Башки, Дрицени, (иск.) Прейли.

8. Группе Акимова, отходя в своей полосе, прикрыть шоссе от прорыва мотомеханизированных частей на север. Район сосредоточения — Маршавицы, Сошихино.

Граница слева — (иск.) Маромохи, (иск.) Красный, Лудза, Огурецкая, Бикерниеки.

9. Группе Лелюшенко отходить в указанной полосе по рубежам; после отхода за УР сосредоточиться в районе ст. Верещагине, Высоцкое...» ^[395]

Этот приказ оказался очень своевременным: в 11 часов 2 июля Манштейн сам начал наступление. Весь день соединения армии отражали атаки танков и пехоты противника в районе Виланы, Прейли и на рубеже станция Аглона, Лейтани, озеро Сивера.

В 8:09, наконец-то получив приказ штаба фронта, командующий 27-й армией боевым приказом № 014 вновь предписал войскам наступать на Двинск ^[396]. По счастью, было уже поздно — к моменту навала немецкого наступления этот приказ попасть в войска не смог.

К исходу дня 2 июля армия продолжала удерживать фронт от озера Лубана через Виланы, Прижево, Прейли, станцию Аглона, Лейтани до озера Сивера. Перед фронтом армии были установлены несуществующие 226-я и 18-я пехотные дивизии, а также вполне реальная 3-я

моторизованная дивизия. Кроме нее в действительности здесь действовали 8-я танковая и части 290-й и 121-й пехотных дивизий, а также моторизованной дивизии СС «Мертвая Голова». Разведывательный отряд этой дивизии численностью около 200 человек, прорвавшись по шоссе через наше охранение, двинулся на Себеж и около полудня ворвался в город Дагда. Западнее города находился командный пункт 42-й танковой дивизии и резерв 21-го механизированного корпуса — танковый и мотоциклетный батальоны. Срочно направленные к Дагде, они в коротком бою разгромили немецкий отряд; было захвачено 126 исправных мотоциклов и 34 пленных эсэсовца, в том числе два офицера.

Эсэсовцы оказались на редкость разговорчивыми — выяснилось, что за разведывательным отрядом на Дагду следует передовой отряд дивизии. Командир 42-й танковой дивизии полковник Воейков организовал засаду, в результате которой был практически полностью уничтожен разведывательный батальон «Мёртвой Головы» в составе 10 танков, 15 бронетранспортеров, 18 орудий и 200 автомашин.

Немецкие источники очень глухо упоминают об этом поражении. Манштейн сетует, что эсэсовцы, несмотря на храбрость и великолепное оснащение, не имели достаточного опыта и несли слишком высокие потери. В популярных книгах по истории войск СС и дивизии «Мертвая Голова» вскользь упоминается, что 1-й моторизованный полк «Мертвой Головы» в бою у Дагда потерял около сотни человек. Напротив, В. Гаупт пишет, что в ходе этих боёв «Мёртвая Голова» потеряла две трети своего (судя по всему, боевого) состава и была сведена в один полк.

В итоге, несмотря на значительный перевес в силах, за день боев 2 июля Манштейну удалось продвинуться всего на 7-10 км. Ни о каком прорыве советской обороны речь пока не шла.

К исходу дня в частях 27-й армии насчитывалось 3200 штыков, 95 орудий и 80–90 танков [\[397\]](#). Группа Акимова оборонялась на подступах к Резекне, в район Ре-зекне выдвигалась 163-я моторизованная дивизия 1-го мехкорпуса (529-й и 759-й мотострелковые полки), с ее участием и при поддержке левофланговой 112-й стрелковой дивизии 22-й армии командование фронта все еще намеревалось утром 3 июля нанести контрудар в направлении на Двинск.

В течение дня колонны 163-й моторизованной дивизии неоднократно подвергались налетам авиации противника. Потери оказались незначительные, но продвижение дивизии было задержано. Лишь к 20 часам передовые части дивизии достигли северной окраины Резекне. К сожалению, 25-й танковый полк дивизии (без 3-го батальона) был

отправлен из Пскова по железной дороге и из-за несвоевременной подачи состава начал прибывать на станцию Резекне только к 11 часам 3 июля, когда основные силы дивизии уже втянулись в ожесточенный бой южнее города.

Наутро 3 июля положение войск фронта было следующим. Части 8-й армии занимали рубеж Сигулда, станция Луксты, Мадона. На псковском направлении остатки 12-го механизированного корпуса отходили через Мадона и восточнее нее на Гулбене, утром 3 июля они оборонялась по рубежу Сакстагала, Малта, Луни, озеро Сивера. Для прикрытия Резекне в дополнение к частям 163-й моторизованной дивизии с запада был выброшен батальон охраны штаба фронта, который отбил атаки противника и удержал район Сакстагала до утра 3 июля.

Левому флангу и центру 27-й армии пока удавалось удерживать свои позиции, но правый фланг из-за отхода 12-го мехкорпуса оказался открытым. Ещё 2 июня после ожесточенного боя в районе Виляны части 10-й воздушно-десантной бригады, понеся потери, были рассеяны мотопехотой 6-й танковой дивизии, действовавшей при поддержке роты танков. Вечером 2 июля группа Акимова под натиском танков и мотопехоты 8-й танковой дивизии отошла в район Малта (12 км юго-западнее Резекне) и с тех пор от нее не было никаких известий. Дорога на Резекне оказалась открыта.

К этому времени командование Северо-Западного фронта наконец-то оставило планы контрнаступления. Боевым распоряжением от 2:00 3 июля 27-й армии предписывалось, *«сдерживая противника и уничтожая зарвавшиеся его колонны короткими контрударами, сохраняя живую силу и технику, продолжать оборону направления»* ^[398]. 163-ю моторизованную дивизию теперь планировалось использовать для контрудара против сил 41-го моторизованного корпуса и восстановления связи с группой Акимова южнее Резекне.

Тем временем утром 3 июля войска 41-го моторизованного корпуса вышли к озеру Лубана, части 6-й танковой дивизии обходили его с востока, 1-й танковой дивизии — с запада. Остатки нашей 202-й моторизованной дивизии после неудачной контратаки в районе Мадона отошли в район мызы Дзелзава. Всего в боевом составе 12-го мехкорпуса к этому времени оставалось:

«23-я танковая дивизия — 10 танков, 150 человек пехоты, снарядов не имеет;

28-я танковая дивизия — 22 танка, мотострелковый полк почти в

полном составе;

202-я моторизованная дивизия — около 600 человек; мотоциклетный полк не существует» [\[399\]](#).

В 15 часов 3 июля части 1-й танковой дивизии 41 — го моторизованного корпуса заняли Гулбене, отбросив оборонявшиеся здесь остатки 202-й моторизованной дивизии. К вечеру того же дня танки 8-й танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса ворвались в Резекне, где еще недавно располагался штаб 27-й армии. Два полка 163-й моторизованной дивизии и слишком поздно прибывшая половина 25-го танкового полка [\[400\]](#) не смогли сдержать противника, хотя серьезно приостановили его наступление.

Хуже всего было то, что вечером 3 июля передовые отряды 6-й танковой дивизии, обойдя оборону частей 163-й мотострелковой дивизии у Карсавы по проселочным дорогам, ворвались с запада в городок Гаури [\[401\]](#) на шоссе Двинск — Псков, в 55 км от Резекне и в 20 км севернее Карсавы. В 16:20 немецкий разведывательный отряд из 5–6 танков был обнаружен на шоссе в районе Вилака (Вышгородок) всего в 45 км от Острова.

В результате советские войска оказались сброшены с шоссе боковым ударом. 163-й мотодивизии пришлось отступить в восточном направлении на Красный Остров и реку Лжа. Противнику оказался открыт путь по шоссе в сторону Острова и Пскова — но, опять же, заслуг 56-го моторизованного корпуса в этом не было...

К вечеру советское командование выделило два основных направления наступления противника: Крустпилс — мадонна — Гулбене и Двинск — Резекне. Однако оно еще не имело представление о том, что немцы проводят «рокировку» своих моторизованных корпусов. 41-й, пользуясь открытым флангом 27-й армии и отсутствием справа от нее организованных советских войск, выходил на Псковское шоссе, в то время как 56-й уходил восточнее — на Пушкинские Горы, Себеж и Опочку.

21-й механизированный корпус, составлявший центр и левый фланг 27-й армии, оказался отброшен к востоку от шоссе Двинск — Псков и более не мог препятствовать продвижению противника в направлении на Остров. 46-я танковая и 185-я моторизованная дивизии к исходу дня оборонялись в районе Бродайже восточнее и юго-восточнее Резекне фронтом на запад. 42-я танковая дивизия все еще удерживала Дагду и район южнее озера Еша; левее неё до Западной Двины и по линии реки до города Дрисса держала фронт 122-я стрелковая дивизия.

4 июля 3-я моторизованная дивизия противника, наступая в сторону Опочки, заняла Лудза. Двигавшаяся правее по шоссе Краслава — Себеж дивизия СС «Мёртвая Голова» наконец-то захватила Дагду и вышла восточнее озера Еша, окончательно разъединив соединения корпуса. Следом за ней двигалась 121-я пехотная дивизия.

И тут немцам опять не повезло. Отход 42-й танковой дивизии прикрывал ее 42-й мотострелковый полк полковника А. М. Горяинова. Почувствовав слабость немецкой пехоты, полковник Горяинов начал контратаку — и попал прямо на штаб 121-й пехотной дивизии. В ходе короткого боя штаб был разгромлен, погиб командир дивизии генерал-майор Отто Ланцелле.

К исходу 5 июля 42-я танковая и 185-я мотострелковая дивизии 21-го механизированного корпуса отошли за линию старой границы в район Себежа и были выведены в резерв фронта; 46-я танковая дивизия продолжала действовать у Опочки [\[402\]](#).

К этому моменту в состав армии была передан наконец-то прибывший сюда 24-й латвийский территориальный стрелковый корпус, фактически до этого так и не принявший участия в боях. Днем 6 июля командующий 27-й армией генерал-майор Н. Э. Берзарин докладывал Военному совету фронта о состоянии своих войск:

«Существующие корпуса и дивизии носят лишь только это название, а на самом деле это выглядит так:

а) 24-й стрелковый корпус — совершенно не подготовленные части, не имеющие нашей техники, вооруженные всеми системами оружия — всех марок мира. Снабжение их боеприпасами и запасными частями невозможно.

Штабов нет, средств связи нет, укомплектованность начальствующим составом — до 12–15 %, комплект — до 90 %.

Сейчас в этом корпусе (181-я плюс 128-я стрелковые дивизии) не более 8 тысяч [\[403\]](#).

б) 21-й механизированный корпус вынес тяжёлые бои, выбывают его специальные подразделения, и фактически корпус поедается противником.

в) 163-я моторизованная дивизия после тяжёлых боёв совершенно небоеспособна, потеряв людей (до 60 %), потеряв артиллерию (до 70 %), потеряв танки (до 50 %). Все эти данные только приблизительные — сейчас ведется сбор и подсчет. Брошенной быть в бой дивизия не может.

г) 235-я стрелковая дивизия (прибыла одним 806-м стрелковым

полком) — мне не известно, где она и когда будет у нас на фронте.

Короче говоря, создалось довольно сложное положение, которое можно выправить только кардинальным решением — создать прочную оборонительную полосу в глубине свежими частями, а весь перечисленный состав отвести за какой-то барьер и формировать для новых действий. Необходимо иметь в виду, что армия в своем составе имеет тысячи примеров храбрости и героизма всех и многих людей. Но беда состоит в том, что мы не имеем налаженного управления, не имеем авиации, а противник, используя наши слабые места, настойчиво их использует... авиация буквально терроризирует наши части, будучи безнаказанной.

Генерал-лейтенант т. Акимов, которого я направляю к вам как уже выполнившего свои задачи, может подробно доложить о состоянии дел.

У меня и у всех нас достаточно решимости вести борьбу и бои любыми силами, но в целях общей пользы для страны я хотел бы ориентировать вас этой короткой запиской» [\[404\]](#).

Таким образом, фронт 27-й армии был прорван только 3 июля. Следует заметить, что это произошло вследствие обхода ее с запада и разгрома правого фланга силами 41-го моторизованного корпуса, прорвавшегося из района Крустпилса в стык двух советских армий. Причины этого прорыва мы уже разобрали ранее.

Можно констатировать, что плацдарм у Двинска не сыграл решающей роли в успехе немецкого наступления. Советская оборона была прорвана ударом 41-го моторизованного корпуса с плацдарма у Крустпилса — а этот успех немцев, в свою очередь, был обусловлен несвоевременным отходом двух дивизий 11-го стрелкового корпуса.

Противник не рассчитывал на успех у Крустпилса, где в его распоряжении не имелось постоянного моста, и делал основную ставку на плацдарм в районе Двинска. Однако Манштейн в течение недели так и не смог сокрушить оборону противостоящих ему частей 27-й армии, значительно уступавших по численности и возможностям его 56-му моторизованному корпусу. И только ошибка командующего Северо-Западным фронтом в сочетании с задержкой приказов, вызванной плохой связью, привела к катастрофическим результатам.

3 июня Ф. И. Кузнецов был отстранен от должности и через неделю назначен командующим 21-й армией [\[405\]](#). На следующий день его место занял бывший командующий 8-й армией генерал-лейтенант П. П. Собенников, членом военного совета стал корпусной комиссар В. Н. Богаткин. Ещё раньше (1 июля) в должность начальника штаба фронта вступил

генерал-лейтенант Н. Ф. Вагутин, бывший заместитель начальника Генерального штаба.

П. П. Собенников вспоминал:

«3 июля 1941 года уже по отходе от г. Риги, каковая была занята небольшими частями немцев, я получил предписание от командующего фронтом генерал-полковника Кузнецова вступить в должность командующего войсками Северо-Западного фронта. Это предписание я получил с мотоциклистом. 3 июля я встретил, приехав в г. Псков, на своем запасном командном пункте генерала Иванова, назначенного вместо меня, на ходу ориентировал его в известной мне обстановке и, прибыв в штаб фронта под г. Псков, принял командование войсками фронта этого же числа» [\[406\]](#).

С этого момента судьба Северо-Западного фронта зависела от того, успеют ли необстрелянные войска 41, 24 и 1-го механизированного корпусов вовремя занять оборонительные рубежи по линии старой границы и реке Великая и от количества сил фронта, которые удастся отвести на эти рубежи.

Согласно донесению штаба Северо-Западного фронта в Генеральный штаб Красной Армии от 4 июля 1941 г., всего в войсках фронта насчитывалось:

8-я армия:

10-я стрелковая дивизия: командного состава — 52, младшего командного состава — 81, рядового состава — 429. Всего — 562. Лошадей — 10. Винтовок обыкновенных — 257, автоматических — 76, ручных пулемётов — 5, станковых — 3, ДП [\[407\]](#) — 6, автомашин — 9, повозок — 3, кухонь — 1.

11-я стрелковая дивизия: личного состава — 1450; станковых пулеметов — 6, орудий 45-мм — 1, 122-мм — 3, бронемашин — 1.

48-я стрелковая дивизия: командного состава — 336, младшего командного состава — 348, рядовых — 1365. Всего — 2049. Лошадей — 765. Винтовок обыкновенных — 1445, автоматических — 198, ручных пулеметов — 45, станковых — 26, крупнокалиберных — 3, зенитных — 6, ДП — 89, орудий 45-мм — 15, 76-мм — 12, 76-мм зенитных — 3, 122-мм — 23, 152-мм — 1, автомашин — 91, радиий — 14, тракторов — 15.

67-я стрелковая дивизия — сведений нет.

125-я стрелковая дивизия совместно с корпусными частями 11 — го стрелкового корпуса: командного состава — 681, младшего командного состава — 550, рядового состава — 5489. Всего — 6720. Лошадей — 501. Винтовок обыкновенных — 6496, автоматических — 35, ручных пулемётов — 80, станковых — 25, зенитных — 23, ДП — 35, орудий 45-мм — 5, 76-мм — 12, 122-мм — 10, 152-мм — 46, автомашин — 292, мотоциклов — 1, тракторов — 87.

10-й стрелковый корпус с корпусными частями: командного состава — 170, младшего командного состава — 246, рядового — 1439. Всего — 1855. Винтовок обыкновенных — 850, ручных пулемётов — 63, станковых — 11, зенитных — 2, раций — 5, орудий 45-мм — 1, 76-мм — 2, 76-мм зенитных — 26, 122-мм — 26, 152-мм — 9, автомашин — 61, тракторов — 42.

12-й механизированный корпус:

Управление и корпусные части: личного состава — 1550, танков — 32.

23-я танковая дивизия: командного состава — 384, младшего командного состава — 347, рядового состава — 2467. Всего — 3198. Винтовок — 2008, ручных пулемётов — 42, орудий 37-мм — 12, 45-мм — 10, 122-мм — 7, танков — 11, бронемашин — 2, автомашин — 167.

28-я танковая дивизия: командного состава — 464, младшего командного состава — 578, рядовых — 2692. Всего — 3734. Винтовок обыкновенных — 2276, автоматических — 2, минометов — 2, ручных пулеметов — 59, зенитных — 2, ДП — 41, орудий 45-мм — 0, 37-мм — 6, 76-мм — 1, 122-мм — 2, 152-мм — 1, танков — 3 [\[408\]](#), автомашин — 384.

9-я артиллерийская бригада противотанковой обороны: командного состава — 226, младшего командного состава — 356, рядового состава — 1549. Всего 2131. Винтовок обыкновенных — 1686, автоматических — 6, пулеметов ручных — 27, ДП — 3, орудий 76-мм — 13, 85-мм — 7, автомашин — 64, раций — 12, мотоциклов — 3, тракторов — 3.

Управление 65-го стрелкового корпуса: командного состава — 63, младшего командного состава — 245, рядового — 245. Всего — 553. Винтовок обыкновенных — 286, ручных [\[409\]](#) — 3, автомашин — 30, раций — 3.

По 2-й танковой дивизии, мотоциклетному полку 3-го механизированного корпуса сведений не поступало.

202-я моторизованная дивизия: командного состава — 114, младшего командного состава — 46, рядового — 875. Всего — 1035. Винтовок — 306,

ручных пулемётов — 22, ДП — 2, орудий 76-мм — 2, 122-мм — 6, танков Т-26 — 5, Т-38 — 1.

27-я армия:

Управление армии, 5-й воздушно-десантный корпус, 112-я [\[410\]](#) танковая и 163-я моторизованная дивизии 1-го механизированного корпуса: командного состава — 3715, младшего командного состава — 6088, рядового состава — 22181. Всего — 31 984. Лошадей — 94. Винтовок — 16971, винтовок автоматических — 1016, минометов — 243, ручных пулеметов — 660, станковых — 151, крупнокалиберных — 36, зенитных — 23, ДП — 1747, орудий 37-мм — 20, 45-мм — 95, 76-мм — 48, 76-мм зенитных — 4, 122-мм — 12, 152-мм — 12, танков — 360, бронемашин — 73, автомашин — 3632, раций — 7.

Управление 22-го стрелкового корпуса и корпусные части: командного состава — 400, младшего командного состава — 340, рядового состава — 1432. Всего — 2172. Орудий 107-мм — 53, 152-мм — 9.

180-я стрелковая дивизия: командного состава — 1030, младшего командного состава — 1160, рядового — 9132. Всего — 11 322. Лошадей — 3039. Винтовок — 11 645, миномётов — 35, ручных пулемётов — 535, станковых — 212, крупнокалиберных — 3, зенитных — 24, ДП — 5, раций — 0, орудий 37-мм — 31, 45-мм — 58, 76-мм — 74, 76-мм зенитных — 4, 122-мм — 14, 152-мм — 12, бронемашин — 6, автомашин — 72.

182-я стрелковая дивизия — сведений не поступило.

(От) 24-го стрелкового корпуса, 181-й и 183-й стрелковых дивизий, 41-го стрелкового корпуса, 111,48 и 235-й стрелковых дивизий сведений не поступило.

Управление и корпусные части **1-го механизированного корпуса:** командного состава — 216, младшего командного состава — 250, рядовых — 1255. Всего — 1721. Винтовок — 193, автоматических — 1, минометов — 24, ручных пулемётов — 162.

3-я танковая дивизия: командного состава — 1096, младшего командного состава — 1652, рядового состава — 6455. Всего — 9203. Винтовок обыкновенных — 4847, автоматических — 946; минометов — 39, ручных пулеметов — 161, станковых — 35, орудий 45-мм — 5, 76-мм — 4, 152-мм — 12, 203-мм — 12, танков Т-26 — 16, Т-38 — 27, БТ-7 — 121, других — 36, бронемашин — 81, автомашин — ...10 [\[411\]](#).

17-й полк связи: командного состава — 92, младшего командного состава — 205, рядовых — 468. Всего 765. Винтовок — 516, ручных пулеметов — 7.

25-й инженерный полк: командного состава — 14, младшего командного состава — 29, рядовых — 187. Всего — 230. Автомашин — 2.

402-й гаубичный артиллерийский полк: командного состава — 155, младшего командного состава — 266, рядового — 885. Всего — 1306. Винтовок — 1962, автоматических — 4, ручных пулемётов — 5, орудий 122-мм — 2, 203-мм — 24, бронемашин — 0, автомашин — 112, мотоциклов — 12, тракторов — 104.

110-й гаубичный артиллерийский полк: командного состава — 143, младшего командного состава — 190, рядового — 1205. Всего — 1538. Винтовок — 1862, орудий 203-ми — 22, автомашин — 112.

10-я бригада противовоздушной обороны: командного состава — 176, младшего командного состава — 272, рядового — 1774. Всего — 2222. Орудий 85-мм — 24, 76-мм — 37, 40-мм — 16, 37-мм — 16, крупнокалиберных пулеметов — 2, счетверенных установок — 16, автомашин — 95, мотоциклов — 8, тракторов — 27, радиостанций — 9.

12-я бригада противовоздушной обороны: командного состава — 114, младшего командного состава — 85, рядовых — 479. Всего — 678. Орудий — нет, счетверенных установок — 1, автомашин — 30.

14-я бригада противовоздушной обороны: командного состава — 81, младшего командного состава — 37, рядового состава — 252. Всего — 370. Орудий 85-мм — 4, 37-мм — 3, крупнокалиберных пулеметов — 3, счетверенных установок — 7, автомашин — 34.

306-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион: командного состава — 22, младшего командного состава — 39, рядового состава — 256, 85-мм орудий — 8, счетверенных установок — 3, автомашин — 13.

362-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион: командного состава — 38, младшего командного состава — 57, рядового состава — 329. Всего — 424. 76-мм орудий — 7, счетверенных установок — 8, автомашин — 33, тракторов — 3.

Военно-воздушные силы:

6-я смешанная авиационная дивизия: командного состава — 577, младшего командного состава — 1345, рядового состава — 1378. Всего — 3300. Винтовок — 2723, самолетов — 69.

7-я смешанная авиационная дивизия: командного состава — 536, младшего командного состава — 1422, рядовых — 1260. Всего — 3218. Винтовок — данных нет. Самолётов И-16 — 2; И-15бис — 19; И-153 — 2; СБ — 3. Всего — 26.

8-я смешанная авиационная дивизия: командного состава — 804, младшего командного состава — 678, рядовых — 846. Всего — 2328.

Самолётов МиГ-3 — 14, И-153 — 8, И-16 — 1, И-15бис — 6. Итого — 29.

57-я смешанная авиационная дивизия: командного состава — 781, младшего командного состава — 667, рядовых — 693. Всего — 2141. Самолётов И-16 — 6, И-153 — 18, СБ — 5. Итого — 22.

По 11-й армии (16-й стрелковый корпус, 29-й стрелковый корпус, 179-я и 184-я стрелковые дивизии, 5,33, 128, 188,126,23-я стрелковые дивизии, 84-я моторизованная дивизия, 5-я танковая дивизия, 10-я артиллерийская бригада противотанковой обороны, 429-й гаубичный артиллерийский полк, 4-й и 30-й понтонные полки) сведений нет [\[412\]](#).

* * *

5 июля было принято решение о создании Лужского оборонительного рубежа по рекам Луга, Мшага, Шелонь до озера Ильмень. В связи с недостатком сил у Северо-Западного фронта этот рубеж передавался в ведение командования Северного фронта, которое должно было обеспечить наполнение его войсками. Граница зон ответственности между фронтами проводилась по линии Псков — Новгород, при этом оборона Эстонии оставалась в ведении Северо-Западного фронта — действовавшая здесь 8-я армия была передана в состав Северного фронта лишь с утра 14 июля (директивой Ставки № 2068 от 13 июля).

Выше мы уже упомянули, что к этому времени на рубеже старых укрепрайонов по реке Великой разворачивался резерв фронта — 41-й стрелковый корпус. Кроме того, сюда же должны были выходить войска 22-го Эстонского и 24-го Латвийского территориальных стрелковых корпусов.

22-й корпус перебрасывался из Эстонии по железной дороге; согласно оперативной сводке штаба фронта от 22:00 3 июля [\[413\]](#), к этому моменту в район Пскова прибыл только один эшелон управления 22-го стрелкового корпуса и 3 эшелона 180-й стрелковой дивизии, еще 7 эшелонов управления и 9 эшелонов дивизии было на подходе. Об эшелонах 182-й дивизии сведений в сводке не имелось.

Части **24-го корпуса** оказались разбросаны — прибывшая первой 181-я стрелковая дивизия, не успев поучаствовать в контрударе против немецкого плацдарма у Крустпилса, теперь оборонялась на Псковском шоссе в районе Гаури, Вилака. 183-я стрелковая дивизия двигалась к Острову пешим порядком из района Цесис (на шоссе Рига — Псков).

Войска **41-го стрелкового корпуса** перевозились в район Пскова и

Острова по железной дороге, однако подвоз войск из-за перегруженности дороги осуществлялся очень медленно.

118-я дивизия прибывала из Костромы, 111-я — из Ярославля и 235-я — из Иваново. К моменту отправки дивизии были почти полностью укомплектованы личным составом (по 10–12 тысяч человек в дивизии), но имели нехватку вооружения, боеприпасов и транспорта. Вдобавок призывной личный состав был плохо обучен.

К 6 утра 4 июля положение с частями 41 — го стрелкового корпуса было следующим:

- управление корпуса — прибыло 7 эшелонов, находилось в пути — 13;
- 118-я стрелковая дивизия — прибыло 20 эшелонов, на подходе — 2, в пути — 10;
- 111-я стрелковая дивизия — прибыло 29 эшелонов, на подходе — 1, в пути — 3;
- 253-я стрелковая дивизия — прибыло 3 эшелона, на подходе — 2, в пути — 28.

111-я и 118-я дивизии выгружались из эшелонов в районе Псков, Карамышево, Черская начиная с 1 июля, однако последние эшелоны прибыли только 6 июля, и лишь в этот день все их части смогли занять назначенные рубежи обороны. 118-я дивизия (463-й и 527-й стрелковые полки) должна была обороняться в Старо-Псковском укрепленном районе на фронте в 26 км, а 111-я дивизия двумя полками (399-й и 532-й) — в Ново-Псковском укрепленном районе на фронте в 44 км. 468-й стрелковый полк 111-й дивизии находился во втором эшелоне. В промежутке между 118-й и 111-й дивизиями занимал оборону батальон 62-го стрелкового полка, сформированный из отошедших сюда подразделений 10-й стрелковой дивизии, главные силы которой отступили в Эстонию. Оборонительные сооружения укрепленных районов были заняты постоянными гарнизонами 153-го и 154-го отдельных пулеметных батальонов. Личным составом эти батальоны были укомплектованы полностью, однако имели только пулемётное вооружение.

Островский укрепленный район должна была оборонять 235-я стрелковая дивизия, но, так как ее прибытие задерживалось, 4 июля на участок Песково, Холматка был выдвинут 398-й стрелковый полк 118-й дивизии.

В тылу между островом и Псковом к этому моменту сосредоточились части **1-го механизированного корпуса** — 3-я танковая дивизия, 5-й мотоциклетный полк и другие корпусные части. 4 июля 3-й мотострелковый полк дивизии был выведен в распоряжение командования

фронта и направлен на запад. Он занял оборону по рубежу Лиепна, станция Куправа в 50 км от Острова, преградив путь 36-й моторизованной дивизии немцев.

Итак, линию старых укрепрайонов в районе Пскова и Острова прикрывали две свежие полнокровные дивизии и «костяк» 1-го мехкорпуса — 3-я танковая дивизия, 3-й гаубичный артполк, 5-й мотоциклетный полк и другие части корпусного подчинения.

Здесь же находились основные силы 181-й стрелковой дивизии, а также разрозненные части, в основном отступающие из-под Крустпилса и Плявинаса — в их числе были и остатки 12-го механизированного корпуса, выводимые на переформирование в район Сольцы. В течение ближайшего времени к Пскову и Острову должны были подойти еще как минимум три дивизии, не принимавшие участия в боях.

Против этих сил находились три дивизии 41-го немецкого моторизованного корпуса — 1-я и 6-я танковые и 36-я моторизованная — причем все три далеко не в полном составе, поскольку противник еще находился на марше. Даже с учетом меньшей численности и комплектности советских дивизий немцы не имели превосходства в силах [\[414\]](#). На 5 часов утра 5 июля в 3-й танковой дивизии насчитывалось 258 танков — 10 тяжёлых КВ, 28 средних Т-28, 148 лёгких БТ, 30 линейных и 42 огнёмётных Т-26. К сожалению, часть этой техники все еще находилась на марше либо была неисправна и поэтому не смогла принять участие в разыгравшемся 5 июля сражении...

* * *

Тем временем наступление немцев успешно развивалось. 3–4 июля через Двину начали переправляться пехотные дивизии, следовавшие за моторизованными корпусами. Манштейн в своих мемуарах упоминает, что командование 4-й танковой группы имело замысел: обойти с востока группировку советских войск, обнаруженную в районе Пскова, и если не окружить ее, то отрезать от сил Западного фронта. Особое беспокойство у немцев вызывало наличие здесь «1-го танкового корпуса» — они не знали, что дивизии 1-го мехкорпуса уже «распотрошены» и используются по отдельности для затыкания дыр на разных направлениях.

Как уже говорилось выше, направление движения 56-го моторизованного корпуса было смещено вправо: 8-я танковая дивизия должна была уйти с шоссе Двинск — Псков и от Карсавы повернуть на

Пушкинские горы; правее нее 3-я моторизованная дивизия двигалась через Лудзу на Опочку; еще правее и далеко позади дивизия СС «Мёртвая Голова», наконец-то пробившись через советские позиции у Дагды, двигалась по шоссе на Себеж и далее на Идрицу

Вместо корпуса Манштейна на Псковское шоссе выходил 41-й моторизованный корпус Рейнгарда. К вечеру 3 июля передовой отряд его 1-й танковой дивизии, наступавшей через Лубана и Гулбене, занял Балвы, а утром 4 июля вышел к переднему краю Островского укрепрайона. На этом участке занимали оборону 154-й отдельный пулеметный батальон и 398-й стрелковый полк. 235-я стрелковая дивизия сюда еще не прибыла — ее первые эшелоны начали подходить лишь 5 июля. Оборонявшиеся части испытывали недостаток артиллерии, практически не было ручных противотанковых гранат и противотанковых мин.

Утром 4 июля 6-я танковая дивизия все еще сдерживалась на шоссе остатками 181-й стрелковой дивизии, однако северо-западнее части 1-й танковой дивизии атаковали советские войска, занимавшие оборону по линии Островского укрепрайона. Немецкие танки с мотопехотой несколькими группами обошли узлы обороны с севера и с юга, уже днем одна из подвижных групп была обнаружена в 6 км западнее острова (ее приняли за воздушный десант).

Вечером того же дня передовой отряд 1-й танковой дивизии вышел на Псковское шоссе и, не встречая сопротивления, ворвался в Остров. Шоссейный и железнодорожный мосты через реку Великая оказались захвачены противником неповрежденными — хотя ранее они были подготовлены к взрыву. Журнал боевых действий группы армий «Север» за 4 июля констатировал:

«К вечеру 4-я танковая группа главными силами обоих корпусов, преодолевая упорное сопротивление противника, подошла к балтийско-русской границе. На правом фланге уже удалось ее перейти. Быстрым броском 1-я танковая дивизия достигла южной части Острова. Железнодорожные и дорожные мосты захвачены в исправном состоянии» [\[415\]](#).

Одновременно главные силы 36-й моторизованной дивизии противника, вышедшие в район Качаново в 35 км северо-западнее Острова, нанесли удар в стык между 399-м и 532-м стрелковыми полками 111-й стрелковой дивизии. Таким образом, противник первым же ударом прорвал Островский укрепрайон сразу в двух местах.

Командование фронтом отреагировало весьма оперативно — уже в 18:00 4 июля генерал-лейтенант П. П. Собенников приказал командирам 41-го стрелкового и 1-го механизированного корпусов уничтожить прорвавшегося в Остров противника, овладеть городом и отбросить немцев за линию укрепрайонов. Связавшись по телефону с командиром 41 — го стрелкового корпуса И. С. Кособуцким, начальник штаба Северо-Западного фронта генерал Н. Ф. Ватутин потребовал:

«Инцидент ликвидировать, врага уничтожить и не дать ему возможности переправиться через реку. Все подходящие подкрепления противника также уничтожить. Имейте в виду, ликвидация и уничтожение врага возлагаются персонально на вас, под вашу личную ответственность. За выполнение этого приказа вы отвечаете своей головой» [\[416\]](#).

Как мы увидим дальше, слова Ватутина оказались не пустой угрозой... Основной удар должна была наносить 3-я танковая дивизия. Мотострелкового полка в ее составе уже было, но атаку поддерживал 468-й стрелковый полк 111-й дивизии, выделенный из резерва 41-го стрелкового корпуса.

5 июля в 8:50 части 3-й танковой дивизии после короткого авианалёта на позиции противника начали атаку. Пройдя боевые порядки пехоты, два батальона 6-го танкового полка и батальон 5-го танкового полка ворвались в город, завязав бой с немецкими танками. 8-я рота 6-го полка, пройдя через весь город, вышла к мостам через Великую — но из-за отсутствия пехоты удержаться здесь не смогла. В то же время 468-й полк в наступление так и не перешел, в результате чего наши танки оказались выбиты из города [\[417\]](#). Вдобавок одновременно немецкие разведывательные отряды (как всегда, принятые за воздушные десанты) появились в районах Шванибахово и Селихново, заставив командование корпуса направить для борьбы с ними танковые отряды.

Следующая атака началась в 15:25. На этот раз для нее удалось сосредоточить более крупные силы — в частности, был подтянут 3-й гаубичный артполк 3-й танковой дивизии (24 орудия) и один гап 41-го стрелкового корпуса; существует информация, что в атаке участвовал не один, а два стрелковых полка. К этому времени город обороняла боевая группа полковника Крюгера, усиленная противотанковым дивизионом 73-го моторизованного артиллерийского полка майора Зёта.

За следующие полчаса, уничтожая танки и артиллерию противника, 5-й танковый полк вновь прошел через город и отдельными подразделениями вышел на левый [\[418\]](#) берег реки Великая. Однако, не имея достаточной артиллерийской поддержки и в отсутствие поддержки с воздуха, 3-я танковая дивизия понесла в этом бою большие потери в технике и личном составе от противотанкового и артиллерийского огня противника. Пехоты для закрепления занятого рубежа и очищения города от противника не оказалось — за танками следовали только до полутора батальонов 111-й стрелковой дивизии; остальные части дивизии либо не приняли участие в атаке, либо беспорядочно отошли, попав под огонь противника.

В 15 часов 55 минут противник при сильной артиллерийской и авиационной поддержке перешел в контратаку. Встречаются утверждения, что именно в этот момент с юга к городу подошли отряды 6-й танковой дивизии, однако, по мемуарам Рауса, весь день 5 июля эта дивизия еще вела ожесточенный бой с частями 398-го полка 118-й стрелковой дивизии на линии Островского укрепрайона и достигла Острова лишь к утру 6 июля.

3-я танковая дивизия, практически не имея пехотного прикрытия, до 17 часов сдерживала атаки противника, постепенно отступая к окраинам города. Но под ударами артиллерии и пикировщиков Ju-87, применивших зажигательные бомбы и горючую смесь, дивизия около 19 часов оказалась выбита из города, при этом 468-й полк 11-й стрелковой дивизии оставил свои позиции и обратился в бегство.

До 19 часов 3-я танковая дивизия продолжала удерживать окраины города, но к вечеру под давлением противника вынуждена была начать отход. 5-й танковый полк отступал на Порхов, 6-й — на север, к Пскову. 3-й гаубичный артиллерийский полк занял огневые позиции в районе юго-восточнее Лопатино. Штаб дивизии расположился в районе Б. Лобянка, штаб мехкорпуса — в районе леса севернее Пузакова Гора.

Согласно оперативной сводке штаба фронта от 3:55 6 июля, в боях за Остров 3-я танковая дивизия потеряла 7 танков БТ-7 и 3 танка КВ [\[419\]](#), однако на самом деле потери были гораздо выше. К вечеру 5 июля в боевых частях дивизии (правда, по неполным данным) на ходу оставалось 43 танка — два КВ, один Т-28 и 40 БТ-7. Правда следует отметить, что к 7 июля дивизия вновь насчитывала около сотни танков [\[420\]](#).

В 8:55 6 июля штаб фронта получил донесение командира 1-го механизированного корпуса генерал-майора Чернявского о том, что 3-я танковая дивизия в боях за Остров разбита и под давлением танковой

дивизии противника, поддержанной артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, отходит в направлении на Порхов. Судя по всему, бои в окрестностях Острова продолжались вплоть до утра 6 июля — по крайней мере, в журнале боевых действий группы армий «Север» за 6 июля записано:

«Противник сильными арьергардами пытался задержать наступление 4-й танковой группы. Бои носили ожесточенный характер. В течение 5 и 6 июля 1-й танковой дивизией было уничтожено в предместном укреплении Остров свыше 140 танков» [\[421\]](#).

Причины неудачи ясны. Было совершенно очевидно, что противник сосредоточит все свои подвижные силы к Острову, где имелись мосты через реку Великая. Тем не менее командование 41 — го стрелкового корпуса «размазало» свои полки по линии укрепрайонов — и даже после захвата немцами плацдарма направило против него не более трети сил корпуса. Между тем в распоряжении генерала Кособуцкого имелись сутки для организации контрудара, причем было уже ясно, что удерживать надо не укрепрайоны, а линию реки. При этом, судя по распоряжению командования фронтом от 6 июля, всю вину за неудачу атаки на Остров Кособуцкий постарался взвалить на командующего 1-м мехкорпусом генерал-майора Чернявского [\[422\]](#).

Тем не менее советский контрудар задержал противника более чем на сутки. В это время действовавшая западнее 36-я моторизованная дивизия с 5 по 7 июля безуспешно пыталась прорвать оборону 399-го и 532-го стрелковых полков 111-й стрелковой дивизии по линии Ново-Псковского укрепрайона. Как видим, в этом месте пехотинцы дивизии действовали вполне достойно, то есть проблема была не в солдатах, а в командовании корпуса и организации им боевых действий.

Утром 6 июля противник начал наступление с плацдарма в Острове. Части 1-й танковой дивизии двигались по шоссе на Псков, 6-й танковой дивизии — восточнее, на Порхов. Несмотря на то что дожди кончились и погода вновь улучшилась, в этот день немцам удалось пройти не более десятка километров.

Днём 7 июля противник возобновил наступление по двум направлениям. По другую сторону реки Великой основные силы 118-й и 111-й стрелковых дивизий продолжали сдерживать наступление 36-й моторизованной дивизии на линии старой границы, причем если первая

прочно занимала оборону, то вторая вынуждена была постепенно отходить на север, загибая фланг под натиском немецкой мотопехоты.

В это время на станции Красные Пруды заканчивала разгружаться 235-я стрелковая дивизия, к этому моменту уже переданная в состав 24-го латвийского стрелкового корпуса. Если бы она прибыла двумя сутками раньше! Теперь же части дивизии с ходу вступали в бой с танками и мотопехотой 6-й немецкой танковой дивизии и, не выдержав натиска, вынуждены были отходить восточнее шоссе в направлении на Карамышево.

Ко второй половине дня июля танки 1-й дивизии вышли в район Филатова Гора, Выдра и к переправе через реку Многу. До Пскова оставалось ещё около 20 км. Командование фронта вынуждено было бросить здесь в бой остатки 23-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса — так называемый отряд полковника Орленко, усиленный 3-м мотострелковым полком 3-й танковой дивизии, а также стрелковым батальоном и минометной батареей из 118-й стрелковой дивизии.

Отряд Орленко занял оборону на Псковском шоссе у села Череха, прикрывая автомобильный и железнодорожный мосты через одноименную реку — правый приток Великой, впадающий в нее несколькими километрами западнее. Здесь же у шоссе расположились остатки 3-й танковой дивизии, непосредственно подчиненные командиру 41-го стрелкового корпуса — 6-й танковый полк со штабом дивизии, управлением корпуса и некоторыми корпусными частями. Левее занимали оборону — 235-я стрелковая дивизия и наконец-то прибывшая 182-я стрелковая дивизия 22-го Эстонского корпуса, усиленная 5-м полком 3-й танковой дивизии. Южнее в сторону Острова и фронтом на запад оборонялся 468-й полк 111-й дивизии — командование фронта не оставляло надежд еще раз контратаковать Остров с этого направления, направив сюда с юга 163-ю моторизованную дивизию и остатки 21-го механизированного корпуса.

Как мы видим, командованию фронта наконец-то удалось выстроить на главном направлении относительно целостную оборону, имея позади нее водный рубеж (реки Великая и Череха), за которым можно было разворачивать вновь прибывающие части.

В 17:00 7 июля 6-й танковый полк атаковал во фланг передовые части немецкой 1-й танковой дивизии на шоссе южнее Черехи. Развернулось настоящее танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало не менее 200 машин.

Тем временем восточнее в 17:30 6-я танковая дивизия немцев

атаковала позиции 182-й стрелковой дивизии. На правом немецком фланге танки боевой группы «Раус» прорвались к мосту через Череху у деревни Шмойлово, но здесь были встречены машинами 5-го танкового полка и вынуждены были отойти назад. У села Череха части 1-й танковой дивизии по шоссе атаковали группу Орленко, но были отброшены танковой контратакой, потеряв (по нашим данным) 22 танка и 9 противотанковых орудий. Наши потери составили 12 боевых машин.

Таким образом, для 41 — го моторизованного корпуса день 7 июля прошел неудачно — прорвать советскую оборону нигде не удалось, а потери были велики. К сожалению, этот день выявил и проблемы наших войск. Войска 41-го стрелкового корпуса были разбросаны на трех направлениях, перемежаясь «чужими» частями.

При этом радиостанций в корпусе не было вообще, а телефонного кабеля вместо положенных 300 км кабеля имелось всего 36 км, а проводные линии связи во время боев постоянно выводились из строя огнем артиллерии и ударами авиации противника. Поэтому с начала боевых действий связь приходилось поддерживать по старинке — с помощью посыльных. Лишь 5 июля корпус получил одну радиостанцию и 160 км кабеля в мотках, без катушек. Правда, кабель этот почти сразу же был потерян — потому что батальон связи был брошен командиром корпуса в бой для прикрытия отхода частей корпуса и из-за этого не успел снять уже установленные линии.

Но гораздо хуже было то, что пехота оказалась совершенно не приспособлена и не обучена действовать против танков. В частях не было противотанковых гранат и мин, солдаты элементарно боялись немецких танков, даже атакующих без поддержки пехоты. Вдобавок у артиллерии не хватало боеприпасов; пищу на позиции тоже доставляли нерегулярно. Командование корпуса оправдывало это тем, что все дороги оказались забиты отступающими войсками и беженцами — но очевидно, что значительная доля вины за создавшуюся ситуацию лежала и на генерале Кособуцком.

К утру 8 июля части отряда полковника Орленко отошли на северный берег Черехи. Танки были отведены в район Кресты и на южную окраину Пскова. На следующий день группа Орленко была отведена на переформирование в район Сольцы, где присоединилась к остальным частям 12-го механизированного корпуса.

Хуже обстояли дела в полосе 235-й стрелковой дивизии, где утром 8 июля частям боевой группы «Зекендорф» 6-й танковой дивизии удалось переправиться через Череху с помощью понтонных средств. В 9:15 две

роты танков (или машин с мотопехотой) вышли на шоссе Псков — Порхов восточнее Карамышево. Директивой № 24 от 8 июля командование фронтом распорядилось нанести здесь контрудар силами 3-й танковой дивизии, собрав для её поддержки менее четырёх стрелковых полков [\[423\]](#).

* * *

С этого места начался финальный акт трагедии. В ночь на 8 июля на командный пункт 41-го стрелкового корпуса прибыл командир 118-й стрелковой дивизии генерал Гловацкий. Он доложил, что все попытки противника переправиться через реку Великую в районах Выдра и Филатова Гора были успешно отражены подразделениями 527-го стрелкового полка, после чего мосты в этих местах взорваны. Вражеские танки здесь не появлялись — и не удивительно, поскольку в 36-й моторизованной дивизии их не было.

Согласно оперативной сводке штаба фронта от 20:30, утром 8 июля части 41-го стрелкового корпуса занимали фронт Корлы, Одворец (в 15 км юго-западнее Пскова по левому берегу Великой), Ветошка (15 км юго-западнее Пскова), Горушка, Приборок (10 км юго-восточнее Пскова, у второго железнодорожного моста через Череху) и далее по северному берегу реки Череха. Штаб корпуса располагался в Луни в 8 км юго-восточнее Пскова, связи с ним к вечеру не было, делегаты штаба фронта, посланные на связном самолете с директивой командующего фронтом о занятии упорной обороны на рубеже рек Великая и Череха, еще не возвратились. Не было у фронта и связи с 1-м мехкорпусом — как с его штабом, так и с отдельными частями.

22-й стрелковый корпус на порховском направлении продолжал удерживать линию реки Череха на рубеже Поречье, Б. Заборовье (35 км юго-западнее Порхова), Вертогузово (40 км юго-западнее Порхова), Жиглево (40 км севернее Новоржева) фронтом на запад, отражая попытки разведывательных групп противника проникнуть к его переднему краю. Его 182-я стрелковая дивизия обороняла рубеж Поречье, Вертогузово, 180-я стрелковая дивизия — Шахново, Жиглево.

За левым флангом корпуса фронтом на запад оборонялись 181-я и 183-я дивизии 24-го стрелкового корпуса и остатки 27-й армии, частично удерживая линию реки Великая в ее верховьях. 1-й механизированный корпус, понеся потери в боях 6 и 7 июля, к 4:00 8 июля отошёл в районе Подберезье, Выставка в 35 км восточное Пскова, где приводил себя в

порядок.

Авиация отметила движение крупных мотомеханизированных колонн противника из Острова в направлении на Порхов — это были силы 6-й танковой дивизии и выдвигавшиеся вслед за ними части 169-й пехотной дивизии противника. Вечером обнаружили колонны противника, направляющиеся от Острова на запад, в сторону Новоржева — здесь выдвигались части 3-й моторизованной дивизии 56-го моторизованного корпуса.

Таким образом, противнику все еще не удалось преодолеть рубеж обороны по рекам Великая и Череха, а западнее он был остановлен на линии Псковского укрепрайона. В оперативной сводке штаба Северо-Западного фронта от 10:00 9 июля указано, что 235-я стрелковая дивизия, обороняя линию реки Череха на участке Старанья, Подберезье (35 км восточнее Псков), создавала «предмостные позиции перед переправами на Карамышево», то есть пыталась блокировать плацдарм группы «Зекедорф» на северном берегу реки. Однако в ночь с 8 на 9 июля на плацдарм уже была переброшена боевая группа «Раус».

В создавшейся ситуации удержание двух дивизий и частей Псковского укрепрайона на левом берегу реки Великая теряло смысл — немцы имели здесь только одну 36-ю моторизованную дивизию, как минимум не превосходящую в силах противостоящие ей войска. В этих условиях логично было оставить Псковский УР, отвести войска 111-й и 118-й дивизий на Псков за линию реки Великая, а часть их использовать для укрепления рубежа по Черехе.

Б. Н. Петров в статье «Как был оставлен Псков» пишет, что отвести силы 118-й стрелковой дивизии за Великую предложил командир этой дивизии генерал-майор Гловацкий в ночь на 8 июля на командном пункте корпуса. Однако, исходя из оперативных документов штаба фронта, можно предположить, что это решение было принято штабом корпуса несколько позже — уже после возникновения кризиса на переправах у Карамышево.

Командир корпуса не информировал Гловацкого о том, что с левого берега, помимо его дивизии и частей Псковского укрепрайона, одновременно должны отходить два полка 111-й стрелковой дивизии полковника И. М. Иванова. По какой-то причине (судя по всему, из-за нераспорядительности штаба корпуса) для отхода 11-й дивизии не был использован железнодорожный мост через Великая, расположенный южнее города. Этот мост был подорван группой саперов во главе с младшим лейтенантом С. Г. Байковым только при подходе противника.

Автомобильный мост, находившийся в трех километрах севернее

железнодорожного, также был подготовлен к взрыву специально выделенной для этого командой из состава 50-го инженерного батальона 1-го механизированного корпуса. Формально мост находился в полосе ответственности 118-й стрелковой дивизии. Однако командование корпуса не организовало отход и не дало никаких распоряжений о порядке перехода реки частями различных дивизий. В результате подходившие к мосту в разное время группы обеих дивизий перемешались, порядком перехода и обороной моста никто не руководил. Судя по всему, когда большая часть 118-й дивизии перешла реку и начался переход частей 111-й дивизии, генерал-майор Гловацкий решил, что больше не отвечает за мост — тем более что сюда уже прибыл начальник инженерной службы 111-й стрелковой дивизии майор И. В. Викторов.

В итоге начальник подрывной команды воентехник А. А. Шпиц, не имея никаких конкретных инструкций, данных о противнике и вообще указаний со стороны начальства, взорвал мост, когда прямой угрозы со стороны противника не было. Опять же, не исключено, что какая-то из подходивших к мосту частей 111-й дивизии была принята за приближающихся немцев. Н. С. Черушев пишет, что мост был взорван пограничниками, да еще в присутствии сотрудников НКВД [\[424\]](#), но это утверждение не соответствует действительности. Пограничники (которые сами по себе являлись сотрудниками НКВД) могли осуществлять непосредственную охрану моста как военного объекта, однако все документы определенно указывают, что подрывная группа принадлежала к 50-му инженерному батальону 1-го механизированного корпуса.

В результате преждевременного взрыва моста часть сил 118-й и 111-й дивизий не успела вовремя отойти за реку Великую; бойцы вынуждены были переправляться на подручных средствах, под натиском подошедшего противника, бросив технику и артиллерию. В результате обе дивизии оказались разрозненными и деморализованными.

Пробиться к Пскову со стороны Острова 1-й танковой дивизии не удалось, 36-я моторизованная дивизия была на какое-то время задержана на левом берегу Великой. Однако дело решил прорыв 6-й танковой дивизии со стороны Карамышево, парировать который в условиях утраты боеспособности двух дивизий 41-го стрелкового корпуса оказалось нечем.

Утром 9 июля две боевые группы 6-й танковой дивизии начали наступление с плацдарма у Карамышево. Шедшая правее группа «Зекендорф» атаковала на восток, в направлении на Порхов. Группа «Раус» сначала наступала на север, заняла Загоску, вышла к Лопатово и лишь здесь повернула по шоссе на восток. В этих условиях части 41-го стрелкового

корпуса 118-й стрелковой дивизии, опасаясь обхода с востока, утром 9 июля оставили город Псков и начали отступление на Гдов.

На следующий день группа «Раус» была остановлена упорной обороной советских войск в районе Ямкино в 40 км от Карамышево. По описаниям Рауса, советские войска крайне умело применяли здесь тяжелые танки КВ — а у немцев не было 88-мм зениток, которые ранее забрал Манштейн. В итоге приказом Гёпнера от 11 июля 6-я танковая дивизия была вновь развернута на север, для содействия 1-й танковой дивизии в наступлении на Лугу. Теперь на ее пути к Ленинграду перед немцами оставался только Лужский рубеж...

* * *

После оставления Пскова последовали оргвыводы. Уже 9 июля член Военного совета фронта корпусной комиссар В. Н. Богаткин докладывал начальнику Главного политического управления РККА о неблагоприятной обстановке на фронте, об отсутствии организованности, потере командирами управления во время боевых действий, незнании начальниками положения вверенных им сил. 11 июля был снят с должности и арестован командующий ВВВС фронта генерал-майор авиации А. П. Ионов. Вслед за ним был арестован и отдан под суд командир 41-го стрелкового корпуса И. С. Кособуцкий — угроза Ватутина «отвечаете головой» была выполнена, хоть и с некоторым опозданием. 19 июля был арестован командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий, обвинявшийся в отводе войск без приказа и сдаче противнику Пскова.

На следствии Гловацкий виновным себя не признал, заявив, что приказ об отходе 118-й дивизии был отдан командиром корпуса, причем об одновременном отводе 111-й стрелковой дивизии Гловацкий информирован не был. Кособуцкий эти обвинения отрицал. В нашем распоряжении не имеется материалов дела, а по очень краткому его изложению в работе Черушева ^[425] невозможно понять, какие именно обвинения предъявлялись каждому из командиров и что из них было подтверждено документами.

В итоге 26 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Н. М. Гловацкого к расстрелу, И. С. Кособуцкого — к 10 годам лишения свободы. Через год, в связи с ходатайством о помиловании, бывший генерал Кособуцкий был освобожден и направлен на Юго-Западный фронт помощником командующего по формированию. 30

октября 1943 г. с него была снята судимость, войну он закончил командиром 34-го стрелкового корпуса, получив в сентябре 1944 г. звание генерал-лейтенанта. Н. М. Гловацкий, подобно многим другим генералам, осуждённым за дело и не за дело, был реабилитирован решением Военной коллегии Верховного суда от 8 декабря 1958 г.

В чём же причины поражения Северо-Западного фронта? Почему его войска, имея несколько удобных естественных и искусственных оборонительных рубежей, не смогли задержать противника ни на одном из них?

Безусловно, немецкие войска имели преимущество в живой силе и подвижности. Только по количеству автотранспорта группа армий «Север» превосходила Северо-Западный фронт в несколько раз [\[426\]](#). Это превосходство усугублялось тем, что дивизии второго эшелона прибывали к фронту постепенно, часто — с большими задержками из-за ситуации на железной дороге, и поэтому противник имел возможность громить советские войска по частям, получая на каждом этапе боевых действий подавляющее численное превосходство.

Следующая группа причин — объективное состояние советских войск. Ни для кого не секрет, что уровень технического оснащения немецких войск был существенно выше, при превосходстве немецких технологий иначе и быть не могло. Советские танки могли превосходить немецкие по табличным характеристикам, таким как калибр орудий или толщина брони, но на практике были гораздо менее надежны и удобны в практическом использовании, часто выходили из строя во время маршей. Наконец, отсутствие в механизированных соединениях мотопехоты либо автотранспорта для ее перевозки не давало возможности танкистам закрепить достигнутые успехи даже там, где они были.

В таких условиях глубокие танковые удары становились бессмысленными — даже там, где имелась возможность их наносить. Поэтому советское командование было вынуждено «раздергивать» механизированные соединения, передавая их для усиления стрелковых частей и соединений, то и дело создавая на различных участках импровизированные «боевые группы» из танков и пехоты. Позднее, в 1944 г., к подобной тактике станут прибегать и немцы.

Отдельно следует сказать о состоянии связи. В этой области превосходство немецких технологий дало о себе знать наиболее болезненно. В условиях маневренных действий проводная связь, особенно в передовых подразделениях, оказывается ненадежной и негибкой;

огромное значение приобретает радиосвязь. Однако в советской пехоте передвижные радиостанции на автомобильной базе имелись только на уровне корпусов, часто их не было даже в дивизиях, а переносные радиостанции отсутствовали вообще. Несколько лучше обстояло дело в танковых войсках — радиопередатчиками оснащались машины командиров батальонов, хотя на уровне взводов, а иногда и рот связь все еще осуществлялась флажками либо ее не имелось вообще. Однако и здесь могли подстергать неожиданности — так 6 июля была утрачена радиосвязь штаба фронта со штабом 1-го механизированного корпуса, и возобновить ее удалось только после отхода корпуса от Пскова. Но в любом случае танковые подразделения по крайней мере могли доложить о своем местонахождении командиру соединения, передать оперативную или разведывательную информацию. Командиры стрелковых частей и соединений о таком могли только мечтать.

Но даже там, где связь поддерживалась хорошо, могли возникнуть совершенно непредвиденные проблемы психологического плана. Так, генерал-майор П. М. Курочкин, бывший в то время начальником связи Северо-Западного фронта, рассказывает совсем дикую историю. Штаб фронта имел постоянный ради-контакт со штабом окруженной 11-й армии и получал от нее зашифрованные донесения. Но в какой-то момент командующий фронтом заподозрил, что с ним ведется «радиоигра» — противник разгромил штаб армии, захватил шифры и радистов и сейчас передает с помощью них фальшивую информацию. Тогда член Военного совета фронта корпусной комиссар П. А. Диброва решил через радиостанцию РАТ «клером» вызвать для разговора члена Военного совета 11-й армии. Решение в данной ситуации было вполне логичным — немцы действительно практиковали подобные вещи, и личный разговор между знающими друг друга людьми был единственным способом избежать обмана. Однако на этот раз уже в штабе 11-й армии заподозрили «радиоигру» — и сами прекратили связь со штабом фронта...

В то же время немецкие войска (в первую очередь моторизованные) имели хорошо отлаженную схему проводной и радиосвязи, их передовые и разведывательные отряды были хорошо управляемы «сверху» и могли оперативно информировать руководство об обстановке. В результате немецкое командование имело перед собой полную и цельную картину происходящего, а советское — только ее обрывки, вдобавок искаженные несвоевременностью передачи информации.

Однако перечисленные причины — объективные. А существовали и субъективные. В первую очередь это боевой опыт солдат и командиров.

Противник такой опыт имел, поскольку германская армия была отобилизована уже с августа 1939 г., значительная же часть советских дивизий, особенно второго стратегического эшелона, состояла из призывников, не успевших пройти хоть какое-то обучение.

Безусловно, на этом фоне серьезно выделялись своей подготовкой и боеспособностью кадровые соединения — в первую очередь расположенные вдоль границы стрелковые дивизии, а также танковые части и соединения. Увы, кадровые приграничные дивизии попали под немецкий удар первыми и были либо уничтожены, либо вынуждены пробиваться из окружения, на какое-то время перестав существовать как боевые соединения. Танковые же части, как уже отмечалось выше, оказались не в состоянии вести бой без поддержки пехоты. Наладить же взаимодействие с «чужой» пехотой оказывалось достаточно трудным делом. И здесь вина не только командиров — из оперативных документов хорошо видно, что в небольших «боевых группах», зачастую составленных с миру по нитке и с бора по сосенке, но имевших единое командование и какое-то время на подготовку, взаимодействие танков с пехотой оказывалось куда лучшим.

Обо всем этом уже 11 июля писал начальнику ГАБТУ генерал-лейтенанту Федоренко помощник командующего Секверо-Западным фронтом по танковым войскам генерал-майор Вершинин:

«Общее впечатление, что танки используются неправильно: без пехоты и взаимодействия с артиллерией и авиацией. Хуже всего — механизированные корпуса не существуют, так как генерал-полковник Кузнецов растащил их совершенно, что способствовало огромнейшим потерям в материальной части, невиданным по своим размерам... Все танки требуют ремонта, но обстоятельства заставляют держать их в бою. Кроме того, до сих пор нет запасных частей.

...Лесисто-болотистая местность театра и способ действия немцев (исключительно по дорогам, танки с пехотой и артиллерией) указывают на обязательную необходимость нам в этих условиях часто использовать танки мелкими подразделениями (рота, батальон) [\[427\]](#) с пехотой, артиллерией и авиацией. Крупные соединения нужны только для глубокого маневра с целью окружения и уничтожения крупных группировок противника. К сожалению, из-за плохого управления и неумения воевать пехоты мы не можем задержаться, а не то что наступать.

Чем берут немцы? Больше воздействием на психику бойца, нежели какими-либо „ужасными" средствами, причиняющими урон. Его авиация

господствует, но она не столько поражает, сколько пугает. Так и все ею боевые средства. Часто наши бойцы отходят, не видя немцев, лишь под воздействием авиации, незначительных групп танков и часто только от немецкого огня артиллерии. Командиры не держат в руках бойцов, не несут ответственности за невыполнение приказа и отходят по своему усмотрению. Части, где крепкий, храбрый командир, даже не блестящий тактическими талантами, бьют немцев, только пух летит. Таков, например, мотополк 42-й танковой дивизии (командир — полковник Горяинов) [\[428\]](#).

При этом многие механизированные части дрались просто великолепно. Так, по докладу командира 21-го механизированного корпуса Д. Д. Лелюшенко командующему 27-й армией от 23 июля 1941 года, за месяц войны потери корпуса убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили:

- командного состава — 394 человека;
- младшего начальствующего состава — 830 человек;
- рядового состава — 5060 человек.

Всего потерь — 6284 человека, то есть 60 % участвовавших в боевых действиях.

При этом за месяц боев, по докладу Лелюшенко, корпус захватил: 53 пленных, 95 винтовок, 39 мотоциклов и велосипедов, 12 автомашин, и 3 орудия; помимо этого еще около 10 орудий, захваченных у противника, по израсходовании снарядов были взорваны. По данным корпуса, всего было уничтожено 9575 солдат и офицеров противника, 90 пулеметов, 86 орудий различных калибров, 53 танка и бронемшины, 834 автомобиля и 503 мотоцикла, а также 412 лошадей [\[429\]](#).

Безусловно, приведенные цифры потерь противника здесь серьезно завышены. Однако если бы все соединения Красной Армии летом 1941 г. действовали с такой же эффективностью, враг вряд ли продвинулся бы дальше Пскова, Смоленска и Киева...

Интересно сравнить действия корпуса Лелюшенко с итогами действий 12-го механизированного корпуса. На 21 июня 1941 г. 12-й мехкорпус имел в своем составе (без мотоциклетного полка и авиаэскадрильи) 28 832 человека. К 8 июля, то есть за полмесяца боев, его потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 11 941 человек — причем сюда же включены и бойцы подразделений, изъятых из корпуса старшими начальниками, о судьбе которых командование корпуса известий более не

имело [\[430\]](#).

Таким образом, потери 12-го мехкорпуса за 16 дней непрерывного отступления от самой границы составили около 30 %, а 21 — го мехкорпуса, отходившего медленно, с ожесточенными боями, и ни разу не попавшего в окружение — 60 % за 20 с небольшим дней (после 18 июля корпус в боях практически не участвовал).

Можно с уверенностью сказать, что эти цифры отражают степень напряженности использования мехкорпусов, а соответственно — эффективности их действий. В самом деле, 12-й мехкорпус, формально входивший в состав 8-й армии, твердого и постоянного подчинения не имел. Он отступал на Псков отдельно от основных сил армии, получая приказы как от штаба армии, так и от штаба фронта, а периодически теряя связь и оказываясь предоставлен самому себе. В итоге корпус оказался раздерган на дивизии, а потом и на более мелкие части, которые постоянно куда-то выводились и перебрасывались и то и дело вынуждены были без боя оставлять позиции под угрозой обхода.

В то же время 21-й мехкорпус в основном использовался единым целым и под единым командованием и больше дрался, чем отступал. Очевидно, немалая доля заслуги здесь принадлежит командиру 21-го мехкорпуса генерал-майору Д. Д. Лелюшенко — а также его непосредственному начальнику, командующему 27-й армией генерал-майору Н. Э. Берзарину. При этом особо подчеркнем, что ни тот, ни другой мехкорпус разгромлены не были и в целом оба проявили достаточно высокую боеспособность. Но, как видим, одной боеспособности для успеха недостаточно.

Лишь учтя все перечисленные выше факторы, можно вести речь о личной ответственности тех или иных командиров за исход боевых действий. На примере действий 21-го механизированного корпуса (и 27-й армии вообще) мы видим, что эффективность действий войск в первую очередь определяется их боевыми качествами и руководством на уровне полков и дивизий. Любая директива Ставки, любой приказ командования фронта и армии останутся неэффективными, если командиры среднего и нижнего звена окажутся не способны их выполнить.

Если итоги действий войск Северо-Западного фронта против 56-го моторизованного корпуса, учитывая общую обстановку и соотношение сил, оказались в целом неплохими, а против 41-го моторкорпуса — крайне неудачными, значит дело не только в командовании фронтом и в проблемах со связью, но и в руководстве на местах, на уровне армий и корпусов. Либо же причины кроются в неравноценном уровне руководства со стороны

противника — но тогда мы вынуждены будем признать, что авторитет Манштейна как гениального полководца и мастера маневренной войны является дутым.

Однако оставим пока эту крайне интересную гипотезу и вернемся к разбору действий советского командования. Сразу же отметим: в современной околоисторической журналистике распространено мнение, что при недостатке сил войска должны перейти в глухую оборону, и этой обороной можно было без больших проблем и потерь легко выиграть кампанию 1941 г.

Да, ещё на военной кафедре нас учили, что для успешного наступления необходимо трехкратное превосходство над противником. Но почему-то многие забывают, что здесь имеется в виду **локальное** превосходство, создаваемое путем маневра войсками. Уйти в глухую оборону — значит сознательно передать инициативу противнику. Имея хотя бы незначительное превосходство в силах (а то и не обладая им вообще), при отсутствии наших активных действий противник получит возможность свободно маневрировать силами, выбрать место для удара и обеспечить себе там хоть трехкратное, хоть десятикратное превосходство.

Безусловно, для этого существуют резервы — свободные силы, которые быстро перебрасываются к месту прорыва и наносят контрудар. Однако для успешного контрудара эти резервы должны находиться не слишком далеко от места прорыва и быть достаточно сильными, в противном случае они ничего сделать не смогут. А ведь противник тоже не сидит, сложа руки, — он по возможности маскирует сосредоточение своих сил на главном направлении и активно совершает отвлекающие маневры на второстепенных участках.

Хорошо если мы разгадаем смысл этих маневров и заранее определим место готовящегося удара. Ну а как ошибемся? Глухая оборона — это постоянное балансирование на канате: «обнаружим — не обнаружим», «успеем — не успеем». Даже если ты успел среагировать и не ошибиться девять раз, нет никакой гарантии, что это удастся сделать на десятый...

Вспомним, что даже в 1943 г. под Курском, когда было известно примерное время и примерное место немецкого удара, а Красная Армия имела существенное превосходство в силах, высокая маневренность войск и гибкость управления позволили немцам добиться локального превосходства на направлении главного удара и сохранять его в течение нескольких дней. Когда к советским войскам подошли резервы, снятые со «спокойных» участков фронта, немецкое наступление захлебнулось — но к этому времени противник уже преодолел два оборонительных рубежа и

был близок к прорыву третьего.

Не будем забывать и то, что стараются забыть историки «ревизионистского» направления: вплоть до 1944 г. вермахт значительно превосходил Красную Армию в количестве (и качестве) автотранспорта, то есть в оперативной подвижности. Немецкие дивизии (причем не только танковые и моторизованные) имели возможность двигаться быстрее, чем отступали советские войска, даже «подвижные». Так, 12-й механизированный корпус, отходивший с линии Двины параллельно 41-му моторизованному корпусу противника, смог обогнать его только на подходе к Пскову, где немецкие войска были задержаны на несколько дней.

Лучший способ избежать описанной ситуации — контратаковать. Любая контратака вынуждает противника озаботиться ее парированием, сама возможность контратаки заставляет его выделять часть своих сил в резерв, ослабляя тем самым ударную группировку. Прорвавшиеся войска противника зачастую легче остановить контратакой во фланг, чем суматошными попытками создать новую оборону на их пути. Наконец, танковые и мотопехотные дивизии в наступлении, при всей их подвижности, имеют крайне уязвимые коммуникации; выходом даже незначительных сил на эти коммуникации можно сорвать все наступление.

Таким образом, мы видим, что постоянные контратаки советских войск летом 1941 г. вовсе не были следствием некомпетентности командования либо неверного понимания обстановки. Зачастую это был единственный способ остановить противника или хотя бы задержать его наступление. Именно контратаки 21-го механизированного корпуса против немецкого плацдарма в Двинске не только на неделю задержали здесь Манштейна, но и нанесли немцам существенные потери — и это при том, что противник имел здесь превосходство в силах.

Неверно было бы и возлагать всю ответственность за неудачи лишь на командующего фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова. Да, именно его несвоевременный приказ на отход с линии Двины вызвал крушение всей советской обороны. Но Кузнецов рассчитывал, что дивизии переданных ему 1-го механизированного и 41-го стрелкового корпусов успеют прибыть в район Пскова и Острова 2–3 июля. Увы, стрелковый корпус Кособуцкого завершил разгрузку только 6-го, а мехкорпус Чернявского оказался «распотрошен» по дороге.

Менее очевидно (но не менее важно) то, что Ф. И. Кузнецов изначально избрал неверную тактику управления своими войсками. Хорошо зная о недостатках связи, он продолжал отдавать приказы, то и дело отменяющие друг друга, причем зачастую — через голову армейского

и корпусного командования. В результате приказы штаба фронта приходили в войска нерегулярно, зачастую более поздний по времени мог обогнать отданный раньше, и практически всегда они уже не соответствовали изменившейся обстановке. Наверное, в этой ситуации следовало ограничиться лишь общими директивами, возложив их выполнение на командующих армиями, которые все-таки находились ближе к фронту и имели возможность более оперативно реагировать на обстановку.

Наличие ряда соединений, зачастую импровизированных и с неясным подчинением, также затрудняло руководство войсками. Видимо, Кузнецов это понимал и сам — отсюда попытка обеспечить управление 12-м мехкорпусом, передав его «пустому» 65-му стрелковому корпусу, не имевшему других войск. Однако в создавшихся условиях гораздо эффективнее было бы отдать танкистов в подчинение командира соседнего 11-го стрелкового корпуса — либо же создать управленческую структуру более высокого уровня, возложив на нее ответственность за оборону всего угрожаемого участка перед немецкими плацдармами в Ливанах, Крустпилсе и Плявинасе. Кстати, именно таким импровизированным объединением стала 27-я армия, тоже созданная буквально «на коленке» из группы генерала Акимова и 21-го мехкорпуса. Правда, здесь немалую роль сыграло наличие под рукой свободного управления армии во главе с энергичным генералом Берзариным.

Не следует забывать, что неприятности продолжались и после снятия Кузнецова. Если внезапный захват немцами мостов в Двинске можно оправдать «неконвенционными» действиями диверсантов, то столь же быстрый и эффективный захват мостов через Великую у Острова никаких объяснений не имеет. Правда, мосты через Череху удалось взорвать вовремя, но эта река уже не стала существенной преградой. Зато мост через Великую у Пскова, наоборот, оказался взорван преждевременно — что повлекло за собой трагические последствия.

Не зная подробностей и не имея на руках материалов дела, трудно определить степень вины осужденных генералов Гловацкого и Кособуцкого: за взрыв моста, за утрату управления войсками, за неспособность удержать Псков, даже имея организованную оборону на естественном рубеже. Однако в бою за Остров 5 июля два полка 111-й дивизии 41-го корпуса действовали крайне пассивно, не поддержав танковую атаку, а затем не выдержав даже слабого натиска противника. Если неумение пехоты воевать может быть объяснено недостатком опыта у новобранцев и офицеров-резервистов, то вина за отсутствие управления в

бою ложится на командира дивизии, а ответственность за плохое взаимодействие с танкистами 3-й танковой дивизии — на командира стрелкового корпуса как старшего начальника.

Вот как формулировались причины неудачных боевых действий войск Северо-Западного фронта на рижско-псковском и островско-псковском направлениях в докладе генерал-майора артиллерии Тихонова уполномоченному Ставки генерал-полковнику Горо-довикову от 9 июля 1941 года:

«Не вдаваясь в первопричины отхода войск Северо-Западного фронта, необходимо констатировать наличие в войсках на сегодня следующих недостатков:

1. Отсутствует должное стремление вырвать инициативу из рук противника как у общевойсковых начальников, вплоть до командиров корпусов, так и у бойцов...

Необходимо создать решительный перелом в этом вопросе. Путь один — внедрить в сознание войск от командарма до бойца суворовское правило: “Противник слабее — нападай, противник равен — нападай, противник сильнее — тоже нападай”.

Это правило применять не только в наступлении, но и в обороне, что особенно важно для войск Северо-Западного фронта в данный момент...

2. В обороне командиры, и бойцы — неустойчивы, особенно теряют присутствие духа под артиллерийским, минометным и авиационным огнем и при атаке танков.

Приходилось видеть много случаев, когда отход начинался без приказа начальника, без нажима пехоты, под давлением только танков или артиллерийского огня или огня миномётов.

С одной стороны, причина этого кроется в том, что люди не окапываются (значительная часть их не имеет лопат), с другой стороны, окопаться не успевают из-за недостатка времени... Занимаемые рубежи часто подвергаются воздействию противника прежде, чем они будут оборудованы (рубеж р. Зап. Двина, рубеж 111-й и 235-й стрелковых дивизии 8.7.41 г.)...

3. Во всех операциях, свидетелями которых нам пришлось быть (рижско-псковское и островско-псковское направления), отсутствовала сплошь и рядом связь высшего штаба с подчиненными и последних между собой. Иногда это происходило из-за отсутствия средств, но чаще по причине низкой требовательности командира и его штаба к организации связи (1-й механизированный корпус, имея батальон связи, не имел связи с

41-м стрелковым корпусом в течение 5.7.41 г.)...

4. Разведка ведется недостаточно, примитивно, небрежно. Штабы не ставят частям задач по разведке в бою. Получаемые разведывательные данные остаются неиспользованными, выводов должных не делают, часто не сообщают высшим штабам и, как правило, вовсе не информируют низшие штабы и соседей.

В результате войска работают вслепую — не отмечено ни одного случая, когда бы командир принимал решение, имея более-менее точные данные о противнике.

Авиация в интересах командиров стрелковых корпусов и стрелковых дивизий не работает.

5. Фронтные и армейские резервы подвозятся к линии фронта излишне близко, частями и частями подставляются под удар (235-я стрелковая дивизия — под Остров, 46-я стрелковая дивизия — в Псков).

Необходимо резервы сосредоточивать в должном (по обстановке) удалении от фронта и вводить целыми соединениями, организованно, с марша в бой.

6. Взаимодействие на поле боя между наземными войсками, внутри их и с авиацией поставлено плохо (5.7.41 г. под Остров 5-й и 6-й танковые батальоны и авиация действовали разрозненно по времени). Причины — отсутствие связи...

7. Целеуказание авиацией наземным войскам не применяется.

В этом вопросе противник имеет огромное преимущество перед нами, что сказалось в боях под Остров 5.7.41 г. и под Череха 7.7.41 г.

8. Артиллерия проявляет неустойчивость, преждевременно отходит с огневых позиций, не использует всей мощности своего огня.

Недостаточно планируется и организуется сосредоточенный и заградительный огонь.

Противотанковые орудия в обороне также неустойчивы, преждевременно оставляют свои позиции, в результате чего танки противника командуют на поле боя.

В наступлении противотанковые орудия недостаточно стремятся за танками, отстают, оставляя последние без поддержки на единоборство с сильной противотанковой артиллерией противника, что вызывает большие потери танков,

9. Танки при наличии наступательного порыва (6-й танковый полк) и решимости громить врага слабо маневрируют на поле боя, склонны к действиям по дорогам скученно, не обеспечивают себя подавлением противотанковых средств противника, плохо маскируются, в результате

несут большие потери.

10. Пехота — слабейшее место войск. Наступательный дух низок. Отстает в наступлении от танков, легко дезорганизуется при воздействии артиллерийского огня, огня минометов и авиационных нападениях (5.7.41 г. танки, заняв Остров, обратили в бегство немцев. Городом овладели танки. Пехота отстала, успеха не закрепила. Танки, израсходовав боеприпасы, вынуждены были отойти с большими потерями).

Часть командного состава, особенно в звене до командира батальона, не проявляет должного мужества в бою, отмечаются случаи оставления поля боя без приказа начальника одиночками и даже подразделениями...» [\[431\]](#).

И всё-таки основную причину неудач, неправильных действий, ошибочных решений советских командиров летом 1941 г. можно сформулировать всего в двух словах: недостаток опыта. Большинству командиров корпусов и дивизий, командующих армиями и фронтами еще не доводилось принимать участия в современной войне — маневренной и механизированной, при этом отличающейся высокой плотностью войск и продолжительностью операций. Опыт Гражданской войны здесь мало чем мог помочь, опыт Испании, Халхин-Гола и даже Финляндии тоже был не всеобъемлющим, да и получить его смогло меньшинство советских военачальников.

Не всем удастся учиться на победах — кому-то приходится довольствоваться опытом, приобретаемым в поражениях.

Основная литература

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1957.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М.: Воениздат, 1958.

Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М: ТЕРРА, 1996.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005..

Лелюшенко Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М.: Наука, 1975.

На Северо-Западном фронте. 1941–1943. М.: Наука, 1969.

- Коломиец М.** 1941: бои в Прибалтике. 22 июня — 10 июля 1941 года. Стратегия КМ, 2002 («Фронтовая Иллюстрация», 5-2002)
- Иринархов Р. С.** Прибалтийский Особый... Минск: Харвест, 2004.
- Петров Б. Н.** Как был оставлен Псков // «Военно-исторический журнал», 1993, № 6.
- Раус Э.** Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005.
- Гаупт В.** Группа армий «Север». 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2005.
- Гальдер Ф.** Военный дневник. Том 3, книга первая. М.: Воениздат, 1971.
- Манштейн Э. фон.** Утерянные победы. М.: АСТ, 2007.
- Thomas L. Jentz.** Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Forces. 1933–1942. Shiffer Military History, Atglen PA, 1996.

Андрей МОРОЗОВ

Танковый погром и много жёлтых штанов

Крушение системы тоталитарного единомыслия, освобождение историков от жестокого партийного диктата и бесцеремонного вмешательства цензуры, расширение доступа к архивным фондам, к иностранным источникам — все это позволило во многом переосмыслить политические события, произошедшие в России после 1917 года, ликвидировать немало «белых пятен...

Бешанов В. В. «Танковый погром 1941 года»

И сколько вы хотите наличными за это переосмысление?

Иностранный источник

При всей своей относительной молодости неподцензурная российская историография Второй мировой уже успела обрести некоторыми традициями. Особенно отличается в обростании та ее часть, которую принято называть «народной», то есть как бы «непрофессиональной». Авторы переписывают из справочников и мемуаров, а чаще всего, друг у друга цифры, факты и оценки, совершенно над ними не задумываясь. Критерием востребованности того или иного факта выступает то, насколько данная цифра или факт может способствовать компрометации советской власти, товарища Сталина лично, а также советского военного и политического руководства. Практика «народных историков» антисоветского толка, того же Виктора Суворова, показывает, что использовать таким образом можно любые факты, особенно если читатель мало информирован о ходе войны вообще и в частности о предвоенных политических интригах.

При всей якобы отрешенности их работ от «идеологии», народные историки, переписывающие байки В. Суворова и других антисоветчиков, предельно идеологизированы. Цель их работ ясна с первых строк — любой

ценой выставить Советский Союз самым злым агрессором на Земле, который не завоевал всю Европу только потому, что Гитлер успел на него напасть немного раньше. Обязательно упоминание плана «Гроза», обязательны язвительные пассажи о советской пропаганде, советских генералах, которые воевали числом, а не умением, о массовой сдаче в плен советских солдат и их переходе на сторону противника. Обязательно упоминание о бесчисленных суперсовременных танковых ордах товарища Сталина, скопившихся на границе 22 июня 1941 г., обязательно упоминание о советско-германском военном сотрудничестве. Работа Бешанова, посвященная «Танковому погрому 1941 года», увы, не избежала печальной участи сборника подобных баек, но от работ прочих коллег автора отличается безумным количеством грубых неточностей и «натяжек». Все их перечислить в формате короткой статьи, конечно, не удастся. Но кое-что прокомментировать можно.

Фашистский меч ковался в СССР! Так прямо на коленке и ковался

Как и всякий уважающий себя народный историк, решивший написать пухлую книжку о Второй мировой войне с полным разоблачением злых козней СССР, В. В. Бешанов не может не упомянуть Ленина с его «пломбированным вагоном» и прочие обязательные «реверансы» в адрес Великого Октября. Как не постонать о вредителях-большевиках, захвативших власть.

«Подписав с немцами Брестский мир, большевики за полгода до конца мировой войны сделали русских из победителей побежденными, отказ от уплаты дореволюционных долгов и приверженность лозунгам типа «Даёшь Париж!» привели к политической и экономической изоляции».

Очень странное утверждение для того, кто в самом начале книги декларирует следующее: «...если принять за аксиому, что цель любой войны — добиться лучшего состояния мира, чем довоенный, то придется признать, что Первую мировую войну (1914–1918 гг.) проиграли все её основные европейские участники».

Как ни крути, а получается, что большевики избавили свою страну от лишнего полугодового кровопролития. Можно, конечно, долго мечтать и о черноморских проливах, и о Восточной Пруссии, и о прочих приобретениях, которые могли бы достаться России, но не следует

забывать, что Россия вошла в войну крупным должником, а выходила из нее должником тотальным, и любое требование проливов или территорий перебивалось бы английскими и французскими финансовыми рычагами, как перебивались чрезмерные запросы Англии и Франции американскими финансовыми козырями. Можно мечтать о послевоенных инвестициях:

«Так как советское правительство отказалось от уплаты дореволюционных долгов, рассчитывать на получение инвестиций на Западе не приходилось».

Ну а можно оглянуться на самое наше ближайшее прошлое, чтобы понять, что наличие-отсутствие инвестиций с выплатой долгов мало связано. Россия после 1991 г. признала за собой и все российские долги и все советские, и все равно уже почти двадцать лет вывоз капитала из страны серьезно превышает инвестиции.

Бешанов, конечно же, не упомянул в своем повествовании о тяжелых переговорах советских властей с кредиторами, которые закончились ничем — платить царские долги на условиях Антанты не было никакой возможности. Советские наркомы совершенно справедливо решили, что проще будет не платить, а все необходимое, современную технику и технологии для модернизации хозяйства, получить из Германии.

Именно это и ставится в вину советским наркомам. Им тут же припоминают Рапалльские соглашения 1922 г. и военное сотрудничество с рейхсвером. Немецкие танковые и авиационные полигоны в СССР, между прочим, ликвидированные с приходом Гитлера к власти, предстают перед читателем чем-то вроде средоточий зла и мировой агрессии. В то же время филиалы «Форда» и «Дженерал Моторс» в Германии, поставлявшие уже не рейхсверу, а гитлеровскому вермахту автотранспорт, — просто фабрики миролюбия.

Ближе к обсуждению собственно войны приводится и главный аргумент против предвоенной политики СССР: вроде как с 1939 г. «из Советского Союза в Германию потоком шли стратегические товары». СССР внезапно оказывается единственной страной, которая торговала с нацистской Германией. Вот уж удивились бы современники! Ведь все нейтральные страны торговали с Германией как минимум до вступления США в войну с Гитлером, когда союзники наконец получили мощный рычаг давления на них. Но и после этого поставки продолжались. Швеция поставляла Германии железную руду. Швейцария — точную механику, авиаприборы. И все это тоже «потоком». К примеру, швейцарский «точмех» всю войну уходил в Германию почти полностью, а союзникам приходилось возить его к себе контрабандой через всю Европу. Советскому Союзу, как

агрессору, без конца ставят в вину начало финской войны и вступление в Польшу, в то время как министры миролюбивой Великобритании в 1940 г. обсуждали возможность минирования территориальных вод Норвегии, а потом просто решили Норвегию оккупировать. Все это — с целью прекратить вывоз руды через порт Нарвик. Так что агрессивности у всех было поровну. Другое дело, что англичане свою операцию провалили, а СССР свои — нет и границу всё-таки отодвинул. И на западе, и на северо-западе.

Что касается собственно Польши и всевозможных агрессий против нее, а также событий им предшествовавших, то здесь, как водится, и Бешанов, и многие его коллеги из числа «народных историков», плачущих о растёрзанных русскими танками миролюбивых поляках, упускают множество любопытных фактов. Благодаря им широко известен факт заключения «пакта Молотова-Риббентропа» в 1939 г., однако остаётся в тени факт подписания в январе 1934 г. польско-германского соглашения о ненападении сроком на 10 лет, а в ноябре 1935-го — соглашения об экономическом сотрудничестве. Остаются в тени взаимные визиты и постоянные двусторонние встречи высших должностных лиц Германии и Польши. Нигде не упоминается, что, воспользовавшись подписанием Мюнхенского соглашения 1938 г. о передаче Судетс-кой области Германии, Польша в ультимативной форме потребовала от Чехословакии передать ей Тешин-скую Силезию. И польские войска, одновременно с немецкими, в 1938 году вошли на территорию Чехословакии. И уже только после этого Польша выпала из числа друзей Германии. Заметим — гитлеровской Германии, военное сотрудничество с которой Советский Союз закончил в 1933 г., сразу после прихода к власти нацистов.

Не обсуждается и поведение Англии и Франции, которые сначала пожертвовали Чехословакией, а потом — Польшей, которой, к слову, дали гарантии безопасности и военной помощи в случае нападения. А ведь именно англо-французские ультимативные требования заставили Чехословакию отказаться от Судет, доставшихся немцам, и от Тешина, захваченного поляками. Как-то не даётся авторам, обличающим политику Сталина, признание того факта, что Англия и Франция до последнего момента надеялись сравить Германию и СССР, избегая участия в войне. (Тому же В. Суворову, живущему в Англии, естественно, не с руки признавать, что первоначально Гитлер был проанглийски настроен и большой войны между Англией и Германией не желал.) Так почему, если Англия и Франция отказались от продолжения трёхсторонних переговоров с СССР, почему, если Польша отказалась от предложения советской

военной помощи 25 мая 1939 г. (сделанного после заявления германского правительства о недействительности пакта о ненападении между Польшей и Германией, ввиду англо-франко-польских договоренностей), почему СССР должен был упускать возможность хоть как-то обезопасить себя? Для Гитлера участие или неучастие СССР в оккупации Польши критическим условием не было. Не договорись СССР с Германией о новой границе, Польша все равно не уцелела бы, и вернуть земли, захваченные ею во время агрессии 1920 г., СССР бы уже не смог — не отдала бы Германия. (Да и Литва не получила бы свой Вильнюс, бывший польский Вильно.)

Более того, если пакт Молотова-Риббентропа относил Прибалтику к сфере интересов СССР в обмен на отказ СССР от претензий на земли западнее Бреста, то достигнуть такого же соглашения после оккупации Польши Германией было бы просто невозможно. Германия забрала бы и Прибалтику тоже, как забрала у Литвы г. Мемель (Клайпеда) в 1939 г., о чем сами литовцы, вероятно, не очень любят вспоминать. И вот тогда война против СССР началась бы уже с этих позиций, значительно более близких и к Москве, и к Ленинграду. При такой внешней политике поражение СССР было бы неизбежным.

Вся критика СССР у Бешанова строится на том, что Советам с его точки зрения совершенно непозволительно действовать в своих интересах, в то время как другие страны имеют на это полное право. Вот, например:

«Германия тайно закупила у Антоны Фоккера в Амстердаме 50 истребителей, переправив их затем в Липецк».

Естественно, критике подвергнется СССР как держатель полигона в Липецке, хотя СССР, к слову, Версальских соглашений не признал с самого начала и в его действиях нет ничего предосудительного. Ни Нидерланды, ни Энтони Фоккер, прямо нарушившие версальские соглашения, не будут уличены Бешановым в очередной проковке фашистского меча.

Не будут уличены Англия и Франция в попустительстве Гитлеру при том, что по всему тексту книги рассыпаны прямые указания на это попустительство:

«Ряд обстоятельств привел к тому, что союзники по большому счету не обращали пристального внимания на военное возрождение Германии. Они оказались поглощенными проблемами своих стран и не склонны были принуждать немцев к соблюдению договора, чтобы снова не вызвать войну...». В результате:

«...к концу 1938 года Версальская система прекратила свое существование, а мюнхенское соглашение этого же года значительно

усилило влияние Германии на международной арене».

Но тем не менее, по Бешанову, именно советско-германский пакт «открыл шлюзы Второй мировой войны». Не сдача Западом Чехословакии, не пассивность Франции и Англии в сентябре 1939 г., а именно этот пакт, хотя единственное, в чем можно обвинить Сталина, согласившегося на этот пакт, так это в том, что он следовал интересам своего народа.

Самое интересное, что и Бешанов (или те авторы, которых он цитирует) это признает, но только походя, не акцентируя на этом внимания:

«Ход англо-франко-советских переговоров показал, что Англия и Франция не готовы к равноправному партнерству с СССР» (...) в 1940 году сильно испортились отношения с Англией и Францией, так как их руководство было недоволено тем, что им не удалось использовать СССР в своих целях, и русские осмелились предпочесть свои собственные интересы „общему делу “ защиты западных демократий... Противодествуя этим настроениям, советское руководство вело осторожный внешнеполитический курс, всячески демонстрируя свой нейтралитет в Европейских делах».

Вообще, логические несуразицы и противоречия наполняют книгу от первых до последних страниц. Вот типичный пример:

«...вряд ли стоит серьезно говорить о том, что Красная армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось».

Блестящая логика: оказывается, внезапное нападение противника можно предусмотреть. Но какое же оно после этого внезапное?

Сколько танков нужно было Сталину?

В самом деле, а сколько же танков нужно было Сталину, чтобы просто отбиться? Не для «броска в Европу по автобанам», а просто для того, чтобы СССР не разделил судьбу Польши и Франции? Ведь ему для этого ни в коем случае не нужны укрепрайоны и оборонительные позиции, ему нужны танки и моторизованные части, сам Бешанов об этом пишет:

«Польская кампания показала, что перед лицом массивной атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или полевых укреплений, оказалась наихудшим видом обороны: когда немецкие танки прорывали оборонительную полосу,

ее защитники, растянутые по фронту, не могли сосредоточить свои силы для контратаки».

Товарищ Сталин мог не знать точных данных о Польской и Французской компаниях, он, что называется, прикидывал «на глазок». Мы — знаем, знаем и можем посчитать точнее, сколько танков необходимо было СССР, раз уж В. Бешанов так любит именно танки.

Итак, 1 сентября 1939 г. Гитлер нападает на Польшу, имея в распоряжении 3469 танков, из которых 1445 — пулемётные Pz-1, 211 — командирские танки на его базе, а 1226 — Pz-II с 20-м пушкой. «Полноценных танков» (с пушкой от 37-мм) — 587 (17 % от общего числа). В боевых частях — 2586 машин. Польша разбита за месяц. Невосполнимые потери немцев — 250 танков. На 1 апреля 1940-го у немцев — 3381 танк, 1062 Pz I, 243 командирских, 1086 Pz II. «Полноценных» — 990 (29 %). У Франции и Англии — 4800 машин, не считая 1600 старых «Рено». Результат: Франция разбита за полтора месяца.

Что пишет об этом Бешанов?

«Да, ведь Германия, оккупировав Францию, захватила большое количество французских машин. Однако боевые качества французских танков были на весьма низком уровне...»

И далее описываются танки R-35, H-35, S-35 и «архаичные V-Ibis», все с пушечным вооружением, калибром от 37-мм и бронированием 40 — 45-мм. Все они — устаревшие! Это при том, что в вермахте больше половины танков на тот момент были с пулеметами или 20-мм пушками и бронёй 10–20 мм. Одно плохо, пишет Бешанов о французских танках, — скорость мала. Это 36–40 км/ч у H-35 и S-35 — мало? Разве Pz-III быстрее? Но вот как отзывается Бешанов о французских танках:

«Эти соединения, укомплектованные в основном легкими и тихоходными танками, не сыграли заметной роли в боевых действиях».

Один сомнительный упрек в медлительности французских танков позволяет Бешанову мигом обесценить все 4800 союзных машин. Одновременно один факт наличия на T-26 45-мм пушки позволяет ему считать этот танк вполне современным. Замечательные стандарты, ничего не скажешь! А ведь этих T-26 Бешанов записал в своем списке имевшихся у Сталина танков аж 9998 штук (не упомянув, что среди них были и пулеметные варианты T-26 еще 1931–1933 гг. выпуска). И его не смущает скорость T-26, не смущает отсутствие на большей части T-26 радиостанций, хотя он придирчиво критикует французские танки за одноместную башню.

И вот — 22 июня 1941 г. Германия, мало того что обновила свой

танковый парк к началу войны с СССР, она еще и захватила предостаточно трофеев, да и союзники помогают. Результат — порядка 6300 танков и штурмовых орудий у самих немцев плюс 900 танков немецких союзников — Финляндии, Венгрии, Румынии и Словакии. Из немецких машин, если верить немецкому генералу Мюллер-Гиллебранту (а В. Бешанов верит немецким генералам), «полноценных пушечных» танков и штурмовых орудий никак не меньше 3275 (52 %). У немецких союзников процент полноценности примерно тот же. Самая адекватная оценка танковых сил, сосредоточенных против СССР в конце июня — порядка 6000–6500 машин. Заметим, что большая часть этих машин технически исправна и произведена после 1935 г. Все немецкие танки, кроме Pz-I, произведены не ранее 1937 г. В то же время Советский Союз, держащий у границы, по собственному признанию Бешанова, 10 350 машин, еще эксплуатирует БТ-2 и пулеметные двухбашенные Т-26, выпущенные гораздо раньше. Так сколько танков надо иметь Советскому Союзу в такой ситуации? Чтобы просто повторить судьбу Франции — тысяч двенадцать-пятнадцать. Ведь Французы численно превосходили немцев, имели хорошо укрепленную границу и все равно проиграли. Чтобы Советскому Союзу сдаться «не сразу, а помучаться» — необходимо тысяч восемнадцать. Чтобы точно не проиграть — 24 000. Ой... как-то неосторожно у нас получилась та самая цифра, которую СССР ставят в вину, которой его попрекают как агрессора.

Конечно, у СССР есть 1500 танков Т-34 и КВ, лобовую броню которых «не брала ни одна пушка» (тут В. Бешанов, естественно, забывает о широком использовании немцами 88-мм зениток для борьбы с танками), ну так и у французов были такие танки. И что дальше?

Вообще, набивая цену советскому танковому парку с целью доказать его агрессивность, В. Бешанов не скупится на двойные стандарты. Пулемётные танкетки Т-37, Т-37А и Т-38 у него считаются вполне современными и записаны в первую линию. 5836 машин. 22,5 % от указанного им танкового парка Сталина в 25 886 машин. При этом аналогичный немецкий Pz-I записан в устаревшие и Бешановым не считается. Для равноправия я эти танки в подсчётах учёл.

Впрочем, у Бешанова цифры плавают. Когда надо — одни, когда надо — другие. На с. 84, когда он пишет, что Pz-II «могли вести бой на равных только с советскими легкими машинами типов Т-37, Т-38 и Т-40», этих машин у Красной Армии — 3592. А когда надо посчитать общее поголовье сталинских танковых орд — 5968 (с.119). Количество советских танков растёт со скоростью 67 танков на страницу! ХПЗ и СТЗ такие темпы выпуска и не снились!

Отбросив советские критерии «устаревших танков», В. Бешанов смело вводит свои. На с. 86 он записывает в устаревшие 623 чешских танка 38(t). При этом страницей раньше он приводит данные танка — 9,7 тонн, 125 л. с, 42 км/ч по шоссе. Лобовая броня — до 50 мм, борт — до 30 мм. 37-мм пушка, 2 пулемета. А на с. 91 начинается разбор Т-26. 10,2 тонны, 97 л. с, 30 км/ч, броня — 15 мм. 45-мм пушка и два пулемета. Пушка Т-26 у нас поражает немецкие танки «только при благоприятных условиях», но Т-26 Бешанов в устаревшие не записывает. Естественно, поражающей способностью чешских 37-мм пушек он не озаботился. А это 35 мм брони на дистанции 500 метров. То есть 90 % указанного Бешановым советского танкового парка такая пушка поражает без всяких «благоприятных условий». И все же для Бешанова 38(t) танк устаревший, а Т-26 — нет. Уже после этого на справедливости всех остальных его оценок можно ставить крест.

Впрочем, как видим, по критериям самого же Бешанова, обожающего сравнивать мощь армии по характеристикам танков, СССР для обороны нужно было как раз 24 000 танков. *«Но упрямы советские маршалы: “Это количество новой техники не могло удовлетворить потребности танковых войск...” Почему же маршал Ротмистров был такой неудовлетворенный? Да все по той же причине — “противник превосходил наши войска по средним и тяжелым (?) танкам в 1,5 раза”. Ну это мы уже слышали. Между прочим, в ноябре 1942 года в наступлении под Сталинградом участвовало около 950 советских танков всех типов, под Москвой в декабре 1942 года и того меньше — 800».*

Да, в наступлении под Москвой и под Сталинградом участвовало 800–900 танков (это, заметим, не считая подтягиваемых резервов). Но сколько танков было на этих участках у немцев? Молчит В. Бешанов. Численного сравнения не дает, а надо бы. Думается, в обоих случаях у немцев набиралось штук по 300 боеспособных танков, не более. (Например, генерал фон Зен-гер вел свою 17-ю танковую дивизию деблокировать Сталинград с 30 танками «на руках».) А между тем даже бравые победоносные союзники до самого конца войны без трёх-пятикратного превосходства в танках и авиации в бой с немцами не сошлись. Что уж говорить о нашей армии, которая у Бешанова все время «тупо и в лоб, прямо на смерть». Нам для обороны этого трёх-пятикратного должно хватить. И хватило. Так к чему же претензии Бешанова? К тому, что товарищ Сталин совершенно верно рассудил, что раз нельзя умением, то надо числом? Глупые претензии, однако. Кто с немцами «умением а не числом» успешно повоевал из союзников? В 1941, в 1942, в 1943-м —

точно никто.

Конечно, Бешанову видно:

«Несоответствие между гигантскими параметрами советской военной машины и мизерностью достигнутых ею результатов».

Но кто в начале войны достиг большего или хотя бы того же? Поляки? Французы, сдавшиеся через шесть недель? Англичане, год с лишним бегавшие по Африке от Роммеля и три года терпевшие подводный террор на своих коммуникациях? А ведь у них, между прочим, тоже была «военная машина», и не только танковая, а воздушно-морская. Только Америка, тихая-мирная-нейтральная, в 1941 г. выпустила 4052 танка, за год увеличив их производство более чем в 10 раз. Уж про параметры этих военных машин нам В.Бешанов ничего не расскажет. А надо бы. Вот как, например, Черчилль оценивал появление линкора «Тирпиц» на наступательной позиции в норвежском Тронхейме:

«В настоящий момент вся стратегия войны зависит от этого корабля, который одним своим присутствием парализует действия четырех крупных британских военных кораблей, не говоря уже о двух новых американских линкорах в Атлантике» (цит. по Б. Шо-филд «Арктические конвои»). То есть Черчилль может держать против одного немецкого линкора четыре своих и ожидать помощи от двух американских, а русским против немецких 6000 танков выставлять 24 000 нельзя?

«И если четыре тысячи немецких танков — инструмент агрессии, то что такое двадцать шесть тысяч советских?» — спрашивает читателей Бешанов.

Ответ: в полном соответствии с утверждениями и с оценками Бешанова и его любимых союзников эти «двадцать шесть тысяч» — эффективный инструмент обороны.

И *«Риторический вопрос: что нужнее в оборонительной войне, танки или противотанковые мины?»* в полном соответствии с текстом Бешанова имеет вполне очевидный ответ — танки, конечно.

В этой связи совершенно нелепым оказывается объяснение агрессивных намерений СССР таким образом:

«Танки KV-2 были загружены бетонобойными снарядами, что вполне логично, если готовишься к прорыву железобетонных укрепленных полос».

Какие прорывы «железобетонных укрепленных полос»? Советско-германская граница — не Карельский перешеек, немцы, как адепты маневренной войны в соответствии все с теми же тезисами Бешанова ни в коем случае не должны были строить бетонные укрепления «от моря до моря», повторяя ошибку французов. Они должны были «маневренно

обороняться», и советские генералы должны были это понимать. Так зачем же Красной армии иметь в первом эшелоне танки, загруженные бетонобойными снарядами?

Порицание советской доктрины как чисто наступательной и шапкозакидательской не мешает Бешанову цитировать работу С. Н. Аммосова «Тактика мотомехсоединений», изданную в 1932 г.

Автор так и не может определиться, чем именно попрекнуть советскую военную теорию — тем, что она не думала об обороне и была агрессивной, или тем, что думала? В результате попрекает и тем и другим, просто разнося упреки в разные части текста. Авось, читатель не заметит.

«Стратегическая авиация не развивалась!»

Именно этой фразой, позаимствованной, видимо, у В. Суворова, ограничивается Бешанов, характеризуя якобы пагубно агрессивное развитие советской авиации в предвоенный период, в конце 30-х. На этом коротком замечании стоит остановиться подробнее, чем на некоторых многостраничных пассажах, ибо оно как нельзя лучше характеризует уровень познаний и рассуждений и Резуна-Суворова, и его прямых наследников вроде В. В. Бешанова или Б. С. Соколова.

Зададим все тот же простой вопрос — Как могла стратегическая авиация помочь Советскому Союзу в обороне? Против той же Германии, в 1941 г. Начнем с того, что выясним состав этой авиации. Неужели тот самый чудо-бомбардировщик Пе-8, с чудо-дизелями, с пятым двигателем-нагнетателем, летающий высоко, далеко и с большой бомбовой нагрузкой. Именно таким его описал В. Резун. В реальности — пятидвигательный высотный «рекордный» Пе-8 (ТБ-7) и боевая машина, способная нести нормальную боевую нагрузку на значительные расстояния, — две разные машины. Чудес не бывает, пятый двигатель, добавляя высоты, снижал все остальные боевые качества. В результате по боевой нагрузке такой высотный Пе-8 значительно уступал тому же В-17.

А теперь вспомним реальный боевой опыт массированного воздушного наступления, в том числе и силами стратегической авиации. Начиная с 1942 г. Германию по ночам бомбят английские четырёхмоторники, с 1943 г. начинаются рейды «1000 бомбардировщиков»... И в результате? В Берлин, в Вену и в Прагу входят русские танки. Почти три года бомбежек, разрушение всех крупных городов Германии и как результат — все равно необходимо брать штурмом

Берлин. Были ли бы у СССР эти три года для авианалётов, если бы он забросил строительство своих фронтовых ВВС и начал бы программу создания стратегической авиации? Естественно, нет. Танки вермахта оказались бы на Красной площади еще в октябре 41-го.

Можно добавить, что американский одномоторный истребитель, тот же «Киттихок», по американским данным, стоил порядка 70 000 долларов, а В-17 — порядка 450 000. Для того чтобы достигнуть тех скромных результатов, которых они достигли, союзники строили четырехмоторные самолеты десятками тысяч. Что делать товарищу Сталину? 10 000 четырёхмоторников — это почти 70 000 истребителей. У Советского Союза к началу войны все ВВС не насчитывали и половины этого количества!

***Ох уж эти картонные танки вермахта! Ох уж это русское
бездорожье!***

Помимо освещения агрессивных намерений СССР, Бешанов делает все, чтобы представить как вермахт, так и научный потенциал германского танкостроения в самом плачевном виде по сравнению с советским. И на руках танки буквально картонные, и тяжелых танков ну совсем нет даже в проекте.

«Тяжелых танков на вооружении германской армии в 1941 году не было, и не только на вооружении, но и в проекте».

Что касается «на вооружении не было» — это прямая ложь, опровергаемая самим Бешановым:

«Архаичные В-Ibis немцы переоборудовали в огнемётные танки и самоходные артиллерийские установки».

То есть все же тяжелые танки были, пусть и трофейные. (Конечно же, В-Ibis, раз французский, — архаичный, а вот Т-35 — да, супертанк.) Может, и «в проекте» тоже? Естественно, были. Ведь если уж врать, то врать с размахом, без оглядки. Не обращая внимания на то, что работы по созданию тяжёлого танка Panzerkampfwagen VI начались в Германии ещё в конце января 1937 г. А «в мае 1941 года во время совещания в Бергхофе Гитлер предложил новую концепцию тяжелого танка, обладавшего повышенными огневой мощностью и броневой защитой и призванного стать ударной силой танковых соединений, в каждом из которых предполагалось иметь по 20 таких машин. В свете предложений фюрера и с учетом результатов испытаний опытных тяжелых танков были разработаны тактико-технические требования, а затем выдан заказ фирме Porsche на

разработку танка VK 4501 (P) с 88-мм пушкой и фирме Henschel — на VK 3601 (H) с пушкой с коническим стволом. Изготовить прототипы предполагалось к маю — июню 1942 года» (цит. по: Барятинский М. Тяжелый танк «Тигр» // «Бронеколлекция», № 6/1998).

После такого масштабного вранья Бешанов расписывает супербронирование советского Т-28:

«...На основании опыта зимней войны танки оборудовали броневыми экранами. Толщина лобовой брони корпуса и башни была увеличена за счет этого до 50–80 мм, а бортовой и кормовой — до 40 мм. По вооружению и бронированию танк Т-28 превосходил все противостоявшие ему немецкие машины. На вооружении состояло 504 “двадцатьвосьмых” — это больше, чем было у немцев Т-IV».

Бешанову конечно, неизвестно, что его главный «источник по танкам» В. Суворов его подставил. Про то, как усиливали бронирование, он в своих мудрых книжках написал, а вот про то, что выпустили в варианте Т-28Э, с усиленной броней, и переоборудовали в него в итоге менее сотни машин — ни слова не проронил. Кстати, общая цифра выпущенных Т-28 с 1933 г. — 503 машины. Выходит, советские танкисты не только не потеряли ни одной машины в Финскую войну (откуда тогда эти танки появились у финнов?), не только не продавали пару Т-28 в Турцию (это к вопросу о том, что «никто в мире не имел ничего подобного» Т-28 и другим советским чудотанкам), но и достали еще откуда-то один танк. Чтобы их стало побольше, чем Pz-IV у немцев. Напомним здесь — Pz-IV начали выпускаться только в 1937 г. и к началу войны находились куда в менее изношенном состоянии, чем основная масса Т-28.

Однако неумолим Бешанов в своем желании воспеть боевые качества советских танков и принизить достижения советских танкистов.

«...В условиях западноевропейского театра военных действий бездорожье, конечно, еще надо было поискать. Но зато на Востоке, русские дороги, по признанию Гота, мешали продвижению его танковой группы сильнее, чем русские войска».

Вот как, оказывается. Бездорожье, которого «в Европе еще поискать», мешало Готу. Откроем «Записки Роммеля», воевавшего с Готом во Франции в 1940 г., и удивимся. Танки будущего «Лиса пустыни» регулярно сворачивают с дорог, обходя заграждения союзников, и шпалят вперед по полям. Это ли не бездорожье? Но ладно. Роммель пишет, что и колесная техника нормально по этому бездорожью проходила. Более того, сами французские дороги мало чем от наших отличались. Откуда во Франции «автобаны на каждом шагу», это же не Германия, там трудовых армий и

трудовых фронтов не было. Обыкновенные проселочные дороги, и Роммель точно так же, как его коллеги в России, порой не узнает своих подчиненных, покрытых слоем дорожной пыли.

И вот прославленный Гот в России. И дороги ему мешают. Уже не промчишься по ним, как иной раз Роммель во Франции, 150 миль в день. Проклятые русские дороги! Распутица чертова!

Неужели немецкие генералы не знали о том, что в России бывает распутица и даже иногда случаются сильные морозы? Сами пишут в мемуарах — знали. Но надеялись победить за шесть недель, как во Франции, то есть до конца лета, до подлой русской распутицы.

Как же так? Почему не победили? Ведь В. Бешанов пишет, что все удары советской армии *«привели лишь к значительным потерям, но практически не повлияли на развитие операций ударных немецких группировок»*. Ведь *«сражения 1941 года — не столько война, сколько массовая капитуляция Красной Армии!»*. Ведь *«С удивительным упорством, на небольшой высоте одна эскадрилья летела за другой с единственным результатом — их сбивали»*).

Как же так получилось, что победоносный вермахт при всех этих обстоятельствах не взял Москву? Оказывается, у вермахта были большие потери. Нет, не подбитые и сожженные танки, грузовики, тягачи, как у русских. А именно потерянные. Ну просто исчезли на *«огромных российских просторах»*. Вот, цитируя Бешанова: *«623 танка 38(t) были потеряны»*. И *«410 танков Pz-I к декабрю 1941 года»* тоже были утеряны кем-то и где-то. И ещё много чего потерялось по дороге.

«Катастрофических размеров достигли потери в автомашинах, в связи с чем была существенно ограничена маневренность и скорость передвижения пехотных соединений. Из почти 500 тысяч автомашин, тракторов и мотоциклов, которыми располагала Восточная армия в начале войны, к 15 ноября оставались на ходу только 15 %, или около 75 тысяч». 85 % процентов армейского транспорта были потеряны. Естественно, не в боях. Просто затерялись где-то. 425 000 единиц техники. К 15 ноября. А «страшная русская зима» еще не началась.

Впрочем, и зимой Красная Армия воевала отвратительно. Особенно Бешанов нападет на «тактику выжженной земли», «введенную» товарищем Сталиным 17 ноября 1941 г. Мол, от сжигания населенных пунктов за отступающими к Москве войсками страдали больше мирные жители, а не немцы. У тех, мол, бензин был для сугреву. Что самое интересное, он на той же странице зачем-то цитирует Гудериана, полностью себя опровергая.

«Страшный холод, жалкие условия расквартирования, недостаток в

обмундировании, тяжелые потери в личном составе и материальной части, а также совершенно неудовлетворительное состояние снабжения горючим — все это превращает руководство боевыми операциями в сплошное мучение, и на меня все более и более давит та огромная ответственность, которую, несмотря на все красивые слова, никто не сможет с меня снять».

Оказывается, и горючего лишнего не было, а «жалкие условия расквартирования» были. Неужели мы не поверим Гудериану?

Тут же, во время описания боев под Москвой, Бешанов начинает критиковать Советскую армию за то, что она только теперь, спустя четыре месяца после начала войны начала сооружать эффективные противотанковые оборонительные районы. Вернемся к его собственному тезису, о том, что *«перед лицом массированной атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела»*, и поймём, что именно под Москвой и надо было начинать сооружать эти самые укрепления. Здесь у немцев уже не было той широты маневра, пользуясь которой они широко обходили и окружали укрепленные районы у границы. Автомобилей нет, бензина нет, вот и при в лоб, на пушки, по прямой. Советские войска все делают правильно, но Бешанов опять их критикует. Просто потому что надо.

Авиация ему тоже не угодила. Прочитав там же, ближе к концу книги, описание успешной воздушной разведки советских ВВС, он набрасывается на советских пилотов: *«2Эе же была воздушная разведка до этого?»* При этом сам же пишет, что с начала войны немцы захватили превосходство в воздухе и удерживали его. Какая могла в таких условиях проводиться эффективная воздушная разведка?

Впрочем, стон об отсутствии связи, разведки, подготовки и снабжения у советских войск летом 1941 г. заполняет чуть ли не половину книги. Странно, но он перемежается с воплями о том, что в этой ситуации советские войска наносили свои «бесполезные контрудары» без этой самой связи, снабжения и подготовки. Бешанов пишет:

«В первый же день фронт обороны советских войск оказался прорванным на нескольких направлениях, нарушена система связи, потеряно централизованное управление войсками...» и тут же: *«Вновь готовилась авантюра нового контрудара: без подготовки, без разведки, без взаимодействия».*

Автора не смущает очевидное противоречие. Он не понимает, что не так-то просто восстановить связь, подтянуть снабжение и провести разведку в условиях прорывов противника и описанного им «полного

господства в небе немецкой авиации». По его логике командир должен спокойно ждать, пока советская авиация возьмет верх в небе и принесет ему в клюве разведданные, пока советские бензовозы и ремонтные парки маршем пройдут по занятым немцами дорогам. И вот тогда... А ведь по здравому размышлению те удары, которые наносили советские войска летом 1941 г., и были единственным правильным решением в сложившейся ситуации. В противном случае оставалось просто сидеть и ждать, пока немецкая пехота обложит место сосредоточения мехкорпусов плотным кольцом противотанковых пушек, чтобы «Юнкерсы» могли спокойно отбомбиться по неподвижным целям.

Достается советской армии и по другим пунктам: *«традиционное безалаберное отношение к технике... брошенные танки так и оставались на дорогах в ожидании немецких трофейных команд».*

Однако же, если вспомнить, что немцы в 1941 г. восстановили и использовали всего около сотни советских танков, то становится непонятно, у кого безалаберности больше — у русских или у немцев. Или все-таки не слишком тянуло немецких кулибиных восстанавливать супертанки Т-26?

И снова после танкистов достается лётчикам:

«Авиация располагала 28 процентами новых самолётов». А сколько надо этих самых процентов, неужели все 100? Есть ли на свете армия, у которой вся техника только новая или новейшая, прослужившая не более двух лет?».

Самое смешное, что есть, вернее, была. В немецкой авиации 100 процентов истребителей первой линии были произведены не позже конца 1939 г., это были исключительно Вф-109 двух последних моделей — Е и F. А ведь именно истребитель и определял, за кем будет господство в воздухе летом 1941 г.

Старые песни о главном

Найдутся в книге и традиционные для последнего времени антисоветские выпады, повторённые В.Бешановым вслед за остальным «либеральным» агитпропом.

«Ведь по своей сущности, проявлениям и влиянию на общественную жизнь большевизм и фашизм очень похожи. Это понятия во многом

адекватные и идентичные по сути, одинаково непримиримые к инакомыслию», — пишет нам Бешанов, забывая про тотальные гонения на коммунистов в США в начале 50-х гг. и карательные экспедиции национальной гвардии США в негритянские кварталы в 60-х, избитых и посаженных в тюрьму «хиппи»-пацифистов. Ну и кто же был терпим к инакомыслию?

В общем, советскую власть Бешанов и на ровном месте подденет:

«Вновь вернемся в 1929 год, который ознаменовался многими важными историческими событиями. Вот на Западе разразилась “великая депрессия”, а Советский Союз в это время начал разворачивать невиданную по масштабам программу военного строительства».

Плохой Советский Союз! Весь мир в депрессии, а СССР — военным строительством занимается. А может, он им занимается как раз потому, что знает, чем кончится Великая депрессия — великой войной?

Но такая мысль Бешанову в голову не приходит. Он увлечен плачем по «детям ГУЛАГА». Конечно, пусть лучше советские детишки сидели бы в комфортабельном Дахау!

«Контингент ГУЛАГа выгребался на фронт... дал армии Александра Матросова...» — какое меткое изобличение пороков советского строя. Только вот Матросов все же был добровольцем, а не зэком, и «выгребали ГУЛАГи на фронт» даже немцы. Иначе откуда в Тунисе появилась 999-я пехотная дивизия, отчаянно дравшаяся с союзниками? Оттуда же. Немецкие зэки и штрафники.

Тут же почти с гордостью Бешанов пишет, что *«под знамена вермахта встали более миллиона бывших советских граждан».*

Забывает, правда, что 800 тысяч из этого миллиона были так называемыми «добровольными помощниками», рабами, работавшими в подсобном хозяйстве вермахта, чтобы не умереть с голоду в концлагерях. И Власову, просившему выдать им оружие и отправить воевать против Сталина, немцы отказали, понимая, что половина такой армии сразу перебежит обратно.

Не может Бешанов обойти и то, что Советский Союз «гнал на убой» женщин: *«гражданки женского пола воевали целыми полками, в том числе в танковых полках и в морской пехоте».*

Для начала хотелось бы заметить автору, что «гражданок иного пола, кроме женского» в СССР не было. Вот так умелой постановкой фраз несколько исключительных случаев, когда женщины сами упрашивали взять их на фронт, превращаются в книге Бешанова в очередную «порочную практику советского режима». Ему незнакома судьба Марии

Ивановны Логуновой, механика-водителя 56-й гвардейской танковой бригады, которая пробивалась на фронт с большим трудом, буквально с боем. Бешанову подобные вещи непонятны: как может человек хотеть воевать за этот «страшный сталинский режим»?

Также непонятно ему и отношение советских коммунистов к партбилету. Вот он иронизирует над словами о том, что все коммунисты 13-й армии вышли из окружения с партбилетами: *«Именно партбилет — самое страшное наше оружие. Покажешь его немцу, сразу упадет в обморок»*. И не задумается человек, что сохранение партбилета при выходе из окружения означало желание людей прорваться или умереть, ведь как пишет сам Бешанов, коммунистов немцы не жаловали.

Не устраивает Бешанова и то, что *«Ненависть к фашистам культивировалась буквально на физиологическом уровне»*. В самом деле, как это так — культивировать ненависть к врагу? Почему бы советским политрукам не организовать дружеский футбольный матч между танкистами Гудериана и Катюкова?

Конечно, Бешанова при этом ничуть не смутит то, что в Германии культивировалась ненависть к славянам-недочеловекам. Это же немцы, Европа, нация культурная. Им можно. Русским — нельзя.

Русские не могут претендовать и на военную хитрость, на смекалку и отвагу. Вот типичный пример того, как В. В. Бешанов им в этом отказывает:

«В этих боях бойцы Лелюшенко совершали прямо-таки былинные подвиги. Например “автоматчики. П. Серeda из полка Ермакова в одном из боев оказался рядом с неприятельским танком, остановившимся за укрытием и ведущим огонь из пулемета (неужели пушка была выведена из строя?). Советский воин-храбрец прокрался по канаве с тыла, быстро вскарабкался на танк и ударами саперного топора вывел из строя пулемет и экипаж (!) танка. Огонь прекратился”. Сам же боец, видимо, не только остался жив, но и смог лично доложить о своем удивительном методе уничтожения вражеских танков. Впрочем, важно не это, а то, что подобному вранью верили! Уж очень всем хотелось победить немцев хотя бы на словах, раз не получалось на деле».

Оказывается, все танки вермахта были непременно пушечные (а как же Pz-I с пулеметами, Pz-II с малокалиберной скорострельной пушкой, командирские машины на базе Pz-I), и пушка у них была непременно исправна. Не могла она быть и деревянным макетом. Ведь о существовании командирских вариантов Pz-III В. Бешанов, судя по всему, не знает. Не знает он и о том, что мощный удар массивным саперным топором вполне

мог вывести из строя раскаленный ствол легкого оружия, а уж тем более — оптические приборы (их вообще можно просто закрыть рукой!). Да и голова немца, высунувшегося из люка по случаю неприятностей, тоже не из легированной стали. Но нет. Для Бешанова любой, даже вполне реалистичный рассказ о подвиге советского солдата, — байка, былина. Для красоты можно даже приписать к рассказу словосочетание «*удивительный метод уничтожения вражеских танков*», хотя о том, что танк был подбит, в цитируемом тексте нет ни слова. Скорее всего, танк благополучно отступил, однако такой вариант Бешанова не устраивает. Ему необходима абсурдная картинка в голове читателя — советский солдат рубит немецкий танк на части топором. Вот это уже действительно байка. Только автор ее не автоматчик Середа и не Ермаков, и не Лелюшенко, а Бешанов.

«Правдивая история Великой Отечественной войны»

Идеологическая направленность «трудов» Бешанова, по словам автора, якобы совершенно отрешенных от всякой идеологии, ясна с первых слов, с первых страниц. Что бы ни делали СССР, Сталин, советские генералы, они будут уличены в страшных ошибках и чудовищных промахах. Если советские командиры списали бы старые танки, их бы обвинили в «традиционном российском наплевательском отношении к технике». Но они их не списали. И их можно обвинить в том, что они держали на балансе металлолом. Вот так.

Советский — значит плохой. И делает все плохо. Вот типичный пример такой специфической логики из «Оккупации» Бориса Соколова, коллеги В. Бешанова. Описывается неудавшееся покушение на нацистского функционера Вильгельма Кубе в Минском драмтеатре 22 июня 1943 г. во время «*торжественного собрания в честь годовщины начала войны против СССР*». Кубе покинул театр до взрыва, в результате которого, цитируя Б. В. Соколова, «*погибли десятки мирных граждан, не имевших никакого отношения к оккупационной администрации*». Конечно, Б. В. Соколов не сомневается в том, что на «*торжественное собрание в честь годовщины начала войны против СССР*» пришли «*десятки мирных граждан, не имевших никакого отношения к оккупационной администрации*». Посетители таких торжественных мероприятий у него непогрешимы примерно так же, как немецкие солдаты. А вот советские партизаны — те, разумеется, просто террористы и убийцы.

Типичным примером такого подхода к истории Второй мировой войны

служит разбор Бешановым «сообщения генерала армии Г. И. Хетагурова» о том, что у некоторых пленных, захваченных на Шауляйском направлении, карманы были набиты фотографиями «замученных женщин, детей и стариков». Конечно же, для Бешанова немецкий солдат, тем более если он служит под командованием Манштейна, непогрешим.

«Непонятно только, когда и где танкисты Манштейна, которые четверо суток без отдыха рвались к двинским мостам, успели замучить столько народу, разве что в Восточной Пруссии?»

Читателю понятно, что «Восточная Пруссия» упомянута автором для гротеска, читатель это понимает, понимающе улыбается, у него перед глазами уже встают среди дыма и пламени сражений героические немецкие солдаты, которые «четверо суток без отдыха» и т. д. У Бешанова эта картинка перед глазами всегда — для него немцы правы по определению, а всякое свидетельство с советской стороны, не устраивающее его, должно быть осмеяно.

Однако если читатель внимательно посмотрит на карту боевых действий, приведенную автором на соседней странице, то увидит в списке немецких дивизий корпуса Манштейна, действовавших в том районе, маленькую пометку: «мд СС “МГ”». Это — моторизованная дивизия СС «Мертвая голова», и ни одна книга по истории СС не утаит от нас места его формирования, городок Дахау, и имя первого командира, Теодора Айке (по прозвищу «Мясник»). Не является тайной и контингент, из которого набиралась часть — охрана концлагерей. Обнаружение у кого-то из этих героев означенного «компромата» — вещь вполне вероятная, но... Ведь это солдаты самого Манштейна! — восклицает Бешанов. Желтые штаны, два раза «ку!».

Интересно, что чуть позже Бешанов возвращается к теме и смотрит на вопрос уже совсем с других позиций:

«Освобождённые от “химеры совести” эсэсовцы и “идейно убеждённые” члены нацистской партии в военных мундирах расстреливали... (ну там политруков, коммунистов, евреев) ... и просто мирное население (почему бы победоносному арийцу не пострелять в недочелочек). Вот вам и бредни о зверствах танкистов Манштейна».

Все-таки никак не может уложиться в голове автора, что САМ Манштейн мог командовать этими самыми «освобожденными от «химеры совести» эсэсовцами». Мог. Командовал.

Аналогичным образом, вместе с немецкими генералами и солдатами непогрешимы и союзные генералы. Вот Эйзенхауэр слушает жуткие рассказы Жукова об «атаках в лоб, о наступлении по неразминированным

минным полям» и думает:

«Я живо вообразил себе, что было бы, если бы какой-нибудь американский или британский командир придерживался подобной тактики...» И нечего ему возразить. Точнее, некому, ибо свидетелей маловато. Мало кто выжил в атаках польских и французских частей на Монте-Кассино в Италии, во время точно таких же «ударов в лоб» под Аламейном осенью 1942 г., когда пробовал свои силы будущий «сэр Бернард-Лоу Монтгормери Эль-Аламейнский», укладывая в египетские пески один батальон за другим. Мало кто выжил из английских канадских и польских танкистов, так же «брошенных в лоб» на немецкие позиции под Каном летом 1944 г.

Вот описание боев американских войск в Тунисе в апреле-мае 1943 г. против отрезанных от снабжения, оставшихся без топлива и танков войск Африканского корпуса и «танковой армии» фон Арнима. Оно взято из опубликованных в СССР, а потому доступных г-ну Бешанову мемуаров американского генерала Омара Бредли, прославившего самым «солдатоловбивым» американским генералом. Вот как он планирует атаку на горный проход, занятый противотанковой артиллерией немцев:

«Выехав за Матир на рекогносцировку, Гармон и я осмотрели гряды высот и местность, лежащую за ней.

— Вы сможете выполнить задачу? — спросил я Гармона, обсудив с ним несколько вариантов выхода в тыл противника.

— Безусловно, но это нам дорого обойдется, — ответил он.

— Сколько же?

Эрни пожал плечами.

— Я думаю, что при выполнении задачи мы потеряем пятьдесят танков.

Это было больше, чем я думал, но действуя таким образом, мы имели шансы уничтожить противника несколькими смелыми ударами.

— Действуйте, — сказал я ему. — В конечном счёте это будет стоить нам дешевле, если мы быстро расчленим противника.

Неделю спустя Эрни сообщил мне, что этот бой обошёлся ему в 47 танков».

47 танков за горный проход в Тунисе, обороняемый остатками немецких войск почти без воздушной поддержки! Сколько бы они отдали в июле 1943-го года за Прохоровку, встретившись с «Лейбштандар-том СС Адольф Гитлер»? Я не ослышался, кто-то сказал, что американские

танкисты были брошены в лоб и на убой? Ни в коем случае! «Брэдли пришлось принять нелегкое решение» (Д. Рольф «Кровавая дорога в Тунис»).

Но нет, союзные генералы прощены и возвеличены Бешановым, Соколовым и Суворовым, все они, как и немцы, — люди совсем другой, непогрешимой расы.

«Два мира — две системы. В американской армии, равно как в британской или германской, командиры обязаны были заботиться о сбережении жизни подчинённых, иначе их неминуемо сместили бы со своих постов и отдали под суд. В Красной Армии самым страшным преступлением было невыполнение даже заведомо невыполнимого, порой преступного приказа вышестоящего начальника». Жёлтые штаны, два раза «ку!».

Открываем того же Дэвида Рольфа, описание все тех же боев:

«Хармон требовал решительных атак, но командиры частей отговаривались, предупреждая, что будут высокие потери. На вооружении дивизии ещё стоял 51 танк МЗ “Ди”. Эти машины прибыли из Англии и буквально разваливались на куски от износа. Даже Хармон решил, что преступно посылать солдат в бой с такой техникой».

Преступно! И тем не менее — 47 танков за горный проход. Причем немцы, потом отошли на следующие позиции и продолжали держаться до 13 мая, подбив последние 20 американских танков уже у самой воды. А что же Брэдли? Вот диалог с его дивизионным командиром Мэнтоном Эдди из всё тех же мемуаров «История солдата»:

«Я позвонил на командный пункт Эдди, располагавшийся в лесной чаще:

— Мэнтон, наш приятель начинает рассыпаться на части. Подтяни тылы и продвигайся к Бизерте.

— Но мы и так быстро наступаем, — объяснил он, — кроме того, на нашем фронте их все еще много.

— К чёрту их, — сказал я, — разведка сообщает, что противник отступает по всему фронту.

— Но дорога на Бизерту сплошь усеяна минами, Омар. По ней не проедет и джип, пока саперы не расчистят её.

— Тогда слезайте с грузовиков и направляйтесь пешком, но черт возьми, вы должны быть в Бизерте».

Думается, комментарии излишни. Жуков на фоне такого просто

отдыхает.

Кстати, на тех же МЗ «Ли», по случаю сбитых Красной Армией ленд-лизом, советские войска вошли в Киев осенью 1943 г. Выходит, ничего танк, годится, раз русские нам нем воевали.

О том, как в германской армии *«заботились о сбережении жизней личного состава»*, можно прочитать в жизнеописании того же «лучшего немецкого аса» Эриха Хартмана: 12 пилотов-новичков были посланы в плохую погоду на перехват «Летающих крепостей». Все разбились, даже не обнаружив противника.

Впрочем, Хартманна поминает и Бешанов:

«Именно на Восточном фронте Эрих Хартман довел счёт своих побед до 352 самолётов».

Для сравнения, как обычно, приведён Кожедуб с его 62 победами. Здесь же прямая ложь про «первый Железный крест только после 75-го сбитого самолета» на Восточном фронте. Автору, конечно, неизвестно, что Хартман получил свой первый Железный крест после уничтожения пятого самолёта, а из его 1200 боевых вылетов порядка трети были безрезультатны — он не встречал воздушного противника или не решался вступить с ним в бой. Если же учесть, что в удачных боях он обычно сбивал сразу по несколько «иванов», то окажется, что из 800 записанных за ним воздушных боев безрезультатными была большая часть. Процент результативных вылетов и боев от общего их числа равен кожедубовскому.

Что же касается «доведения счета», то из 352 записанных за Хартманом самолетов семь (по другим данным — шесть) — прославленные американские «Мустанги», сбитые всего в двух вылетах на перехват «крепостей» над Румынией. Итак, «на Востоке» 0,43 сбитых самолета за бой, «на Западе» — 3,5. Однако контраст.

Ну и, конечно, по мнению Бешанова, *«в Красной Армии не могло быть танкистов вроде Михаэля Виттмана, уничтожившего за три года 138 танков и 132 артиллерийских орудия — нашим столько просто не удавалось прожить».* Вот здесь я полностью согласен с В. Бешановым — не могло быть у нас своего Виттмана. Ведь из 138 подбитых «за три года» танков 21 (плюс неизвестное количество лёгкой техники) он уничтожил всего лишь в одном бою после переброски с Восточного фронта, разгромив, в одиночку, на одном «Тигре», авангард британской элитной 7-й танковой дивизии в городке Виллер-Бокаж. И это вам не «байки советских политруков», а горестные отчёты самих союзников. Жёлтые штаны, два раза «ку!».

Что же касается «нашим столько просто не удавалось прожить», то В.

Бешанову, конечно же, неизвестна судьба советского танкиста, механика-водителя, Д. И. Малько, пережившего и Испанию, и Финскую, и Великую Отечественную. Именно он, проводя *«атаку в лоб, без разведки и тщательной подготовки»*, ворвался с тремя другими окруженцами в Минск 26 июня 1941 г. на своем Т-28 и промчался через весь город, расстреливая немецкие грузовики и пехоту. Покинув подбитый Т-28 на другом конце Минска, Малько добрался до своих и провоевал всю войну — от Москвы до Восточной Пруссии. 11 раз горел в танках и ничего — *«прожить удалось»*.

Впрочем, Бешанов не останавливается на развенчании подвигов советских танкистов и «красных соколов». С места — в карьер:

«А командир “героической” подводной лодки К-21 Лунин ухитрился даже торпедировать германский линкор “Тирпиц”. Это неважно, что тот прятался в норвежских фиордах и в море не выходил. Звезду героя Лунин за своё враньё получил».

Автору невдомёк, что Лунин действительно атаковал «Тирпиц», когда тот вышел в море наперехват конвоя PQ-17. Иначе от кого тогда удрала британская эскадра, охранявшая конвой? Впрочем, нет, удирают и сдаются в плен русские. Англичане *«принимают тяжелое судьбоносное решение»* (Брайан Шофилд, «Арктические конвои»).

Важнейшее из искусств

Нельзя не упомянуть фотоматериалы, сопровождающие книгу В. Бешанова. Вот уж свидетельство феноменальной технической компетентности автора и кладезь потрясающих открытий для военного историка.

Вот два «экранированных» Т-34, рядом бегут автоматчики, поголовно вооружённые ППШ. Это, поясняет автор, *«Танки Т-34 поддерживают наступающую пехоту (осень 1941 года)»*. В фотоальбоме М. Барятинского и М. Дмитриева «Танки Второй мировой войны: Красная армия» (Москва, 2000) мы находим ту же самую фотографию с подписью: *«Отработка взаимодействия танков Т-34 и пехоты. Ленинградский фронт, 1942 год. Лобовая броня корпуса и борта башен обоих танков усилены дополнительными листами»*. Аналогичные машины у Бешанова и на другом фото, хорошо хоть без даты, так как на самом деле это тоже Ленинградский фронт, 1942 год. А вот КВ двумя страницами раньше приехал в рассказ о «погроме» 1941 г. с Северного Кавказа июля 1942 г.

Автор так стремился наполнить книгу фотографиями Т-34 в образе несостоявшегося советского супертанка 1941 г., что не поспешил на совершеннейший абсурд:

«Танк Т-34 на улице Москвы (зима 1941)». Это же фото мы находим в том же альбоме Барятинского и Дмитриева с подписью:

«Т-34, выпущенный заводом “Красное Сормово” в 1942 году, проходит по г Ландсбергу в провинции Бранденбург, Германия, 1-й Белорусский фронт, 21 февраля 1945 года». Как автор умудрился приписать этот кадр Москве 1941 г. — непонятно, ведь на фото в окнах ближайшего здания ясно видны белые флаги!

На одной из страниц «Танкового погрома» мы встречаем сцену из военного быта, озаглавленную «Подбитый танк Т-34 (1941 г.)» Почему эта сцена состоит из танка Т-34 образца не ранее 1942 г. и немецкой самоходной установки, экранированной по моде 1943 г. — неясно. То же самое с фотографией Pz-III в русском поле, тоже экранированного, тоже примерно 1943 г., но со всей той же обязательной подписью автора — 1941 г. Вот пылающий русский Т-34 на фоне летней травки 1941 г. Правда, танк с литыми катками новой формы, выпущенный не ранее конца 1941 г. и успевший разве что к зимним боям за Москву. Но разве это интересует автора? «Подбитый Т-34» (1941 г.) — лаконично поясняет он.

А вот мы находим загадочное «Немецкое штурмовое орудие на шасси трофейного советского танка Т-34». «Шасси трофейного Т-34» почему-то очень напоминают обычный немецкий Pz-III, а само загадочное орудие — обычный StuG-III, причём не ранее 1942 г. образца.

Боковая проекция некоего загадочного «Т-II mod. Z» снимает все вопросы относительно авторской компетенции — автор определенно знает о бронетанковой технике что-то, чего не знает ну совсем никто. Тут все ясно. «Архивные фонды и иностранные источники» (В. Бешанов). Жёлтые штаны. Два раза «ку».

Впрочем, и в артиллерии он обладает недюжинными познаниями. Над изображением САУ «Мардер» написано:

«Особенно специалистам вермахта понравилась 76,2-мм дивизионная пушка Ф-22, которую применяли в качестве противотанкового орудия. Ничего более мощного для защиты германской пехоты не имелось в течение двух лет. В 1942 — 43 годах германская промышленность изготовила около двух тысяч противотанковых самоходок “Мардер”, вооруженных трофейными советскими орудиями».

Одним абзацем В.Бешанов одновременно перечёркивает весь опыт использования немцами 88-мм зенитных пушек для борьбы с танками,

копившийся аж с 1940 г., и тут же записывает в советско-трофейно-пушечные сразу все выпущенные немцами самоходки «Мардер», большая часть которых воевала с обычной немецкой 7,5-см пушкой Рак-40, а Ф-22 кончились где-то в районе 550 штук. Все это факты известные, но, как чуть ниже замечает автор книги, *«народу об этом знать не следовало»*.

Эпилог

Неурядицы и трудности общественной жизни нашего времени породили в России огромный спрос на переосмысление «темного советского прошлого». Для тех, кто своей пассивностью в переломный период истории вырыл могилу СССР, книги о том, какой Советский Союз был плохой и как его надо не любить, стали эмоциональной отдушиной — им наконец-то нашлось кого обвинить в тех проблемах, которые они успешно создали себе сами.

«Творческая интеллигенция», добивавшая СССР своими памфлетами и фигами в кармане, может сколько угодно превозносить авторов всевозможных пасквилей на «режим», но ни экономические, ни политические, ни физические законы от этого не изменятся. Проблемы, списанные на «наследие СССР», не уйдут в прошлое сами по себе, а будут только нарастать по мере углубления реформаторского кризиса.

Выход из тупика застоя и стагнации, в котором сейчас оказалась Россия, мог бы подсказать, в том числе, и честный, непредвзятый анализ промахов и побед как Советского Союза вообще, так и Красной Армии в частности. Но сделать этот анализ суждено уж точно не Бешанову.

notes

Примечания

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д.
З. Л. 114–119. Частично опубликовано: 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 598–
600.

1941 год. Документы. Кн. 2. С. 473–474.

Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163.

Там же. Л. 263–264.

5

7-й авиадивизии

Там же. Л. 272.

Даугавпилского

Даугавпилса

Там же. Л. 133–134.

Там же. Д. 103. Л. 86–87.

Елгава

Там же. Д. 99. Л. 376–379.

HO

Там же. Д. 98. Л. 243–249.

Там же. Д. 99. Л. 331.

Там же. Д. 100. Л. 96–98.

Там же. Д. 99. Л. 205–206.

еститель

Там же. Д. 98. Л. 250–251.

Там же. Л. 234–235.

Там же. Л. 125.

Там же. Л. 237.

Там же. Д. 99. Л. 159.

Там же. Д. 98. Л. 236.

Там же. Л. 270.

Там же. Д.99. Л. 158–159.

Там же. Д. 100. Л. 326–328.

стрелкового

Там же. Д. 101. Л. 328–329; Д. 105. Л. 55–56.

ШИХ

Там же. Д. 98. Л. 174.

Расейняй

Там же. Д. 99. Л. 370–371.

Дагавпилса

Там же. Д. 98. Л. 133–134.

Расейняй

Там же. Л. 163–164.

Там же. Л. 165.

Там же. Л. 2–3.

Там же. Л. 283–289.

e

Шауляй

Тельяй

Тельняй

Даугавпилсу

50

ОЦНИК

Там же. Д. 103. Л. 80–87.

Там же. Д. 98. Л. 290–291.

Шауляй

Елгава

Елгавы

Елгава

Там же. Д. 101. Л. 330–333.

Там же. Д. 98. Л. 243, 248–249.

Там же. Л. 1.

Там же. Д. 99. Л. 139–140.

Там же. Д. 98. Л. 294.

Там же. Д. 99. Л. 204–207.

Там же. Л. 187–190.

65

OH

был

y

Там же. Л. 330–340.

Там же. Д. 98. Л. 175.

Там же. Л. 250–253.

Так в тексте. Имеются в виду оборонительные сооружения 13-го Ковельского УР.

Там же. Д. 99. Л. 112–114.

ОВЫЙ

овоград

ОВЫЙ

ОВЫЙ

Там же. Д.100. Л.252–253.

Там же. Д. 101. Л.110–111.

Там же. Д. 103. Л. 388–389.

Там же. Д. 99. Л. 352–353.

Там же. Д. 100. Л. 318–319.

Там же. Л. 315–317.

Там же. Д. 99. Л. 1.

Там же. Л. 8.

Там же. Л. 16.

Там же. Л. 17.

Там же. Л. 19.

Там же. Л. 44.

Там же. Л. 55.

Там же. Л. 45.

Там же. Л. 61.

Там же. Л. 69.

Там же. Л. 41.

Там же. Л. 58.

Там же. Л. 50.

Там же. Л. 51.

Там же. Л. 21.

Там же. Л. 75.

Там же. Л. 78.

Там же. Л. 82.

Там же. Л. 94.

Там же. Л. 96–97.

Там же. Л. 97–98.

Там же. Л. 32–33.

Там же. Л. 41–42.

Там же. Л. 28.

Там же. Л. 71.

Там же. Л. 28–29.

Там же. Д. 100. Л. 30.

Там же. Л. 31.

Там же. Д. 99. Л. 266.

Там же. Л. 244.

Там же. Л. 244–245.

Там же. Л. 251.

Там же. Д. 100. Л. 91–92.

Там же. Л. 138–139.

Там же. Л. 312–313.

Schustereit H. Vabanque: Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Bonn. 1988. S.73.

Язов Д. Т. Впереди была война // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 14; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 368; Стратегический очерк Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1961. С. 190–191; **Schustereit H.** Vabanque. S. 70, 82–83; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.4. S.974; **Groehler O.** Starke, Verteilung und Verlieste der deutschen Luftwaffe im Zweiten Weltkrieg// Militargeschichte. 1978. № 3. S.331.

Гитлер А. Моя борьба / Пер. с нем. М., 2002. С. 556.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. М., 2005. С. 20.

Там же. С. 515.

Инструкция для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции от 2 августа 1939 года // Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. Январь-август 1939 г. М., 1981. С. 172.

Там же.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Том третий. М., 1989. С.28.

Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. *Спроге В. Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 514–515.

Бунич И. Л. Пятисотлетняя война в России. Книга третья. СПб., 1997.
С. 564–565.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Т. 3. М., 1989. С. 30–31.

Бунич И. Л. Пятисотлетняя война в России. Книга третья. СПб., 1997.
С. 567.

Солонин М. С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2006. С. 479.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 250.

Там же. С. 461.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд., исправ. и доп. М., 2002. С. 108.

Там же.

Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 2: Их самый славный час / Пер. с англ. под ред. А. Орлова. М., 1997. С. 37.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. С. 115.

Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 2. С. 27.

Там же. С. 21–22.

Там же. С. 23.

Первые модификации T-IV весили 19 т, выпускавшиеся в 1940–1941 гг. модификации E и F — 22 т. См.: **Шмелёв И. П.** Бронетанковая техника Германии во Второй мировой войне // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра... Ноябрь-декабрь 2000. № 11–12. С. 25.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2003. С. 267.

Тимофеев А. В. Покрышкин. 2-е изд. М, 2005. С. 147.

Сорокин А. И. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-исторический очерк. М, 1956. С. 255.

Там же. С. 256.

Там же. С. 280.

Россия и СССР в войнах... С. 35.

Сорокин А. И. Русско-японская война... С. 280–281.

Там же. С. 190.

Россия и СССР в войнах... С. 51.

Там же. С. 52.

Там же. С. 36.

Комментарии С.Нелиповича к «Истории русской армии» А. А.Керсновского // **Керсновский А. А.** История русской армии: В 4-х т. Т. 3. М, 1994. С. 340.

Керсновский А. А. История русской армии: В 4-х т. Т. 3. М, 1994. С. 301.

Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 143.

Суммарные потери убитыми и ранеными за этот период — 1410 тыс. По подсчётам Н. Н. Головина потери русской армии в 1-й мировой войне составили 5500 тыс. человек, в том числе 1300 тыс. убитыми, 350 тыс. умершими от ран и 3850 тыс. ранеными (**Головин Н. Н.** Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 138). Исходя из этой пропорции получается, что русские потери убитыми и умершими от ран с 1 мая по 1 ноября 1915 г. составляют 423 тыс. человек.

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 130.

Там же. С. 135.

Там же. С. 110.

Тинченко Я. Рождение Швейка // Киевские ведомости. 6 августа 2002.
№ 168.

Сергеев А. Н. Присяга Наполеону и моление за него в Могилевской епархии в 1812 г. // Русская старина. 1908. Т. 136. С. 577–588.

Пыхалов И. Степные каратели Европы // Спецназ России. 2006. № 11. С. 16–17.

Россия и СССР в войнах... С. 456.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М, 2003. С. 182, 716.

Там же. С. 263.

Там же. С. 716.

См.: *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 141.

Подсчитано по: *Мюллер-Гиялебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 3. М, 1976. С. 269–270; *Мельтюхов М. И.* 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 17, 19.

«Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. кн. 1. М., 1971. С. 76, 101.

Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 272.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.: В 6 т. М., 1959–1965. Т. 2. С. 65.

Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». М., 2006. С. 50.

Там же. С. 46, 88.

Там же. С. 51.

Смоленское сражение: Сборник статей к 25-й годовщине. Смоленск, 1966. С. 15.

Ордена Ленина Московский военный округ. М., 1977. С. 214.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 208.
Оп. 2511. Д. 1475. Л. 150.

Информация из личного архива автора.

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идёт на Восток 1941–1943. М., 2005. С. 73.

Полный текст заключения этой комиссии, датированной декабрем 1941 г. см.: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1475.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1475. Л. 145,157.

Следует отметить, что к моменту завершения деятельности комиссии, командующий 16-й армией генерал Лукин находился во вражеском плену.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1475. Л. 156, 157.

Там же. Л. 57.

Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». С. 58.

Лубягов М. Под Ельней в сорок первом. Смоленск, 2001. С. 44.

Гот Г. Танковые операции. М., 1961. С. 115.

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 159. Л. 77.

В пламени сражений: Боевой путь 13-й армии. М., 1973. С. 27.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 29. Л. 375.

Баженов А. Н., Шевчук В. П. В боях под Смоленском. М.: Московский рабочий, 1984. С. 21.

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 159. Л. 86.

Там же. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 91. Л. 53–54.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 1–2.

ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 91. Л. 60–61.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 2.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 2. Л. 631.

См.: *Хаунт В.* Сражения группы армий «Центр». С. 62–65.

Калинин С. А. Размышления о минувшем. М, 1963. С. 141–142.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 208. Л. 119.

Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 132. Л. 99.

Там же. Д. 159. Л. 82.

Цит. по: *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. М., 1980. С. 52.

Гудериан Г. Опыт войны с Россией // Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных. М, СПб., 1998. С. 119; *Тунпельскирх К.* Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. М., СПб., 1998. С. 74; *Прозектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М, 1972. С. 331.

Цит по: *Проектор Д. М.* Указ. соч. С. 325.

Все немецкие вооруженные силы в период польской кампании 1939 г. потеряли 10,6 тыс. убитыми, 30,3 тыс. ранеными и 3,4 тыс. пропавшими без вести, в победоносной войне против Франции в 1940 г. — 27 047 убитыми, 111 043 ранеными и 18384 пропавшими без вести. См.: *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 28, 93.

ЦАМО РФ. 208. Оп. 2511. Ф. Д. 213. Л. 284.

См.: *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 1941-го года. М, 2007.
С. 53.

211

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 21. Л. 28–30.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Книга первая. С. 183.

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 762. Л. 12.

Там же. Д. 159. Л. 18.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 76.

Анфилов В. А. Провал «блицкрига». С. 517–518.

217

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 214. Л. 261.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 121–122.

Ордена Ленина Московский военный округ. С. 220.

220

ЦАМО РФ. Ф. 208. Он. 2526. Д. 22а. Л. 407.

221

Там же. Ф. 219. Он. 679. Д. 38. Л. 53.

Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 127.

Кавалерчик Б. К. Сражение за Ельню // Военно-исторический архив.
2006. № 7. С 76.

См: *Лубягов М. Д.* Указ. соч.; *Лопуховкий Л.* Указ соч.; *Кавалерчик Б. К.* Указ. соч. и др.

См: *Карель П.* Восточный фронт. Книга первая. С. 79.

Лопуховский Л. Н. Указ. соч. С. 72.

227

ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 11015. Д. 13540. Л.1.

Гот Г. Танковые сражения. С. 120.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 169.

Военно-исторический журнал. 1964. № II. С. 21–22; Россия и СССР в войнах XX века. С. 484.

231

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 214. Л. 98.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки в четырех книгах. М., 1998–1999. Книга первая. С. 184.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1985. С. 35.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1992. С. 325, 327.

Информация приводится из анализа воспоминаний участников событий. Из личного архива автора.

Чуприн К. В. Миф об идейной сплочённости армии // Независимое военное обозрение. 2005, 17 июня.

237

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 132. Л. 58.

Streit K. Keine Kameraden. Stuttgart, 1978. S. 83.

Streit K. Kaine Kameraden. S. 83.

Дневник опубликован в: *Лехович Д.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 340.

Лысенко А. Е. Вклад народа Украины в победу над гитлеровской Германией // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 61.

Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. М.: СПб., 2002. С.439–440.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области
(ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 740. Л. 15.

Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992. С. 5.

Там же. С. 43.

Суворов В. Ледокол. С.29.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?
Незапланированная дискуссия. М., 1995. С. 48.

Мелътюхов М. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 485.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 322.

Краткая запись выступления тов. Сталина на выпуске слушателей академий Красной армии в Кремле 5 мая 1941 года. // **Вишнев О. В.** Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 177.

Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 345.

Суворов В. Ледокол. С. 73.

Там же. С. 87.

Суворов В. День-М. Когда началась Вторая мировая война? М., 1994.
С. 150.

Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 34.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? С. 42.

Там же. С. 150.

Там же. С. 254, 259.

Там же. С. 255.

Там же. С. 335.

Там же. С. 331.

Суворов В. День-М. С. 145.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? С. 24.

Там же. С. 83.

Прозектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 311.

Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 17–19.

Городецкий Г. Указ. соч. С. 344.

Суворов В. Последняя республика. М., 1995. С. 177.

Суворов В. Ледокол. С. 312.

Суворов В. Самоубийство. М., 2000. С. 378.

Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 117.

Подробнее о развитии международной ситуации в 30-е гг. см.: **Шубин А. В.** Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941. М., 2004.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 8 т. Т.3. М., 1989.
С.539.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 193.

Там же. С. 195.

Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 546.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 197.

Куманев Г. А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 2000. С.87.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? С. 8.

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 273.

Там же. С. 379.

Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 36.

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 372.

Там же, С. 384.

Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 33.

Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы. // Военно-исторический журнал. 1993. № 6–8.

А. К. Исаев считает, что январские «игры были общего, учебного характера, обстановка в них носит абстрактный характер», не имеет отношения к реальным планам войны (*Исаев А. К.* Георгий Жуков. Последний довод короля. М., 2006. С.61.). Мотивируется это тем, что обстоятельства игры не соответствовали плану сентября 1940 г. Но военное планирование не стояло на месте. Более того, советское командование предусматривало, что на некоторых участках фронта противник сможет нанести удары, что сделает обстановку более сложной, потребует не слепого следования плану, а творческого реагирования на ситуацию. Поэтому обыгрывается не первый этап войны, а последующие события, когда ситуация становится менее предсказуемой. Если бы «обстановка носила абстрактный характер», то и игралась бы она не на картах потенциального ТВД, причем в обстоятельствах, которые действительно могли бы возникнуть в случае применения упреждающего удара по сосредоточившемуся и даже начавшему действовать (возможная идеологическая установка) противнику.

Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. М., 1998. С. 104.

Василевский А. М. Накануне войны. Интервью 2 августа 1965 г. // Новая и новейшая история. № 6, 1992.

Городецкий Г. Роковой самообман. С. 294, 296.

Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002. С. 463.

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 385.

Городецкий Г. Указ. соч. С. 285.

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 386.

Там же. С. 499.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 247.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? С. 105.

Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 537.

301

Там же.

Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995. С. 17.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 8.

Там же. С. 11.

Там же. С. 31.

Там же. С. 156.

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 307.

Там же. С. 16.

Цит. по: **Судоплатов П.** Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941. М., 2001. С. 120.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 61.

Там же. С. 66.

Там же. С. 97.

Там же. С. 71.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «Священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 160.

Там же. С. 166.

Краткая запись выступления тов. Сталина на выпуске слушателей академий Красной армии в Кремле 5 мая 1941 года // **Вигилев О. В.** Указ. соч. С. 180.

Там же. С. 181–182.

Невежин В. «Если завтра в поход...» М, 2007. С. 279.

Там же. С. 315.

Городецкий Г. Указ. соч. С. 293.

Там же. С. 325, 341. Воспоминания Лащенко-Тимошенко приписывают Сталину фразу о том, что «Германия никогда не пойдет одна воевать с Россией». Если бы Сталин действительно говорил такое, это могло бы доказывать как версию Хрущёва о полной наивности Сталина, так и версию Суворова о том, что Сталин собирался напасть на Гитлера, не веруя в его агрессивность. Скорее всего, Тимошенко, как и Жуков отталкивались от первой версии. Кому же не хочется задним числом выглядеть мудрее своего вождя?

Судоплатов П. Указ. соч. С. 168.

Там же. С. 68.

Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 37.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 24.

Безыменский Л. Указ. соч. С. 296.

Цит. по: *Безыменский Л.* Указ. соч. С. 296.

Мелътюхов М. Указ. соч. С. 290.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 161.

Судоплатов П. Указ. соч. С. 161.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 107.

Там же. С. 63.

Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 40.

«Правда», 14.06.1941.

Цит. по: **Горьков Ю.** Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2002. С. 489.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968. С. 209–210.

См.: *Шубин А.* Вожди и заговорщики. Внутриполитическая борьба в СССР в 20-30-е гг.

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 506.

Там же.

Соколов Б. В. Тайны Второй мировой войны. М., 2000. С. 111.

Там же. С. 112.

Маништейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 198.

Цит. по: *Куманев Г. А.* Указ. соч. С. 99.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. М, 1998. С. 138–139.

Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда. Военный дневник. Смоленск, 2001. С. 47–48.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? С. 74.

Бешанов В. Танковый погром 1941 г. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?) М., 2002. С. 214–215.

Судоплатов П. Указ. соч. С. 227.

Гальдер Ф. Указ. соч. С. 169.

Бешанов В. Указ. соч. С. 332.

Гальдер Ф. Военный дневник. Том 3, книга первая. М.: Воениздат, 1971. С. 60.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М: Воениздат, 1958. С. 73.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. С. 257.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1957. С. 41.

См.: *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005. С. 503.

Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М.: Наука, 1975. С. 23.

Там же. С. 21.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
33. С. 30.

Там же. С. 32.

В этом месте начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Кленовым сделана вставка: «*Всего 5000 человек*». В действительности 46-я дивизия была танковой; 2-я танковая дивизия 3-го мехкорпуса 26 июня была окружена севернее Каунаса и на Двинск отходить не могла — очевидно, здесь имеется в виду 42-я танковая дивизия.

361

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
34. С. 81.

362

OH

Там же. С. 82.

Боевой состав на 22 июня 1941 г. Соединения отмечены слева направо; необходимо учесть, что в ходе боев их взаимное расположение могло меняться.

См.: **Thomas L. Jentz**. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Forces. 1933–1942. Shifter Military History, Atglen PA, 1996. P. 190–191. Командирские танки (Pz.Bef) учтены в числе машин, на базе которых они создавались.

Заметим, что Йентц однозначно указывает на отсутствие танков Pz.III в 6-й танковой дивизии. Между тем и в мемуарах Рауса, и в журнале боевых действий дивизии несколько раз упоминаются машины этой модели — например, на 6 июля в ее передовом отряде имелось 15 Pz.II, 30 Pz.III и 12 Pz.IV.

367

Перебрасывался эшелонами из тыловых районов страны.

368

Находился в районе Рига, Гулбене, фактически в состав 8-й армии так и не вошёл.

369

Находился в районе Петсери в Эстонии, перебрасывался по железной дороге в район Пскова.

370

Считая воздушно-десантный корпус равным дивизии, а бригаду — половине дивизии.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. С. 84. Документ датирован 5:10, но поскольку в нем дана ситуация на 24:00 30 июня, можно предположить, что эта цифра относится к следующему дню — 1 июля.

Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М: ТЕРРА, 1996. С. 354.

чтобы

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. С. 77. Так к 30 июня к Пскову вышла часть сил 2-й и 5-й танковых дивизий 3-го механизированного корпуса, окруженного и разгромленного в районе Рассейня.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. С. 56.

См.: *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою. С. 354. На самом деле общая численность корпуса была еще выше, так как часть 23-й танковой дивизии осталась в полосе 10-го стрелкового корпуса в районе Риги. На 4 июля в трех дивизиях с корпусными частями насчитывалось 9517 человек.

противотанковые препятствия

Там же. С. 89–90.

Там же. С. 103.

Там же. С. 98.

Маништейн Э. фон. Утерянные победы. М.: АСТ, 2007. С. 198–199.

Там же. С. 91.

Там же. С. 92.

Там же. С. 95.

Там же. С. 99.

Там же. С. 102.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
34. С. 99.

Там же. С. 105. К 23 июня в 3-й танковой дивизии имелось 32 Т-28, 224 БТ-7, 63 Т-26 и 93 броневедомоци, в 163-й моторизованной дивизии — 22 БТ-5 и 211 Т-26. См.: Е. Дриг. Механизированные корпуса РККА в бою. С. 85. К моменту вступления в бой из 25-го танкового полка 163-й мед был забран один танковый батальон; некоторое количество машин осталось в пути следования и в местах временной дислокации, однако 1 или 2 июля в состав дивизии была передана рота танков КВ.

Там же. С. 108.

Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. С. 40.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
34. С. 98.

Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. С. 25.

См.: *Иринархов Р. С.* Прибалтийский Особый... Минск: Харвест, 2004.
С. 390–391.

В документе — «авангардными».

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
34. С. 263.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.
Выпуск 34. С. 265–266.

Там же. С. 105.

Там же. С. 110.

Там же. С. 116.

400

С полудня 3 июля по железной дороге в дивизию из состава полка прибыло только полтора танковых батальона.

401

Ныне Гавры Пыталовского района Псковской области

На 11 июля, согласно донесению помощника командующего Северо-Западным фронтом по танковым войскам, в составе мехкорпуса насчитывался 41 танк — в том числе 4 БТ, 10 Т-26, 2 Т-34, а также 25 КВ! Очевидно, тяжёлые КВ прибыли в самые последние дни.

403

человек

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. С. 275.

Некоторые источники утверждают, что Кузнецов был снят уже 1 июля и до прибытия Собенникова оставался лишь исполняющим должность. Однако еще утром 3 июля он подписывал боевые распоряжения как командующий фронтом, а не «и.д.». Первые приказы Собенникова датированы утром 4 июля.

Цит. по: **Петров Б. Н.** Как был оставлен Псков. «Военно-исторический журнал», 1993, № 6.

407

Ручной пулемёт Дегтярёва.

По другим данным, в 23-й танковой дивизии к 4 июля насчитывалось 22 танка. См.: *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою. С. 355.

пулемётов

410

? — В. Г.

411

Неразборчиво.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. С. 118–120.

Там же, с. 117.

Можно предположить, что общая численность советских войск (с батальонами УР и 181-й стрелковой дивизией) составляла 35–40 тысяч человек, а части трех немецких дивизий имели 30–35 тысяч.

Цит. по: *Петров Б. Н.* Как был оставлен Псков.

416

Там же.

См.: *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою. С. 88. Отчёт командира 1-го мехкорпуса генерал-майора Чернявского о боевых действиях корпуса с 22 июня по 24 июля этих подробностей не упоминает, датируя первую атаку на Остров 15:25.

Так в отчете генерал-майора Чернявского о действиях мехкорпуса с 22 июня по 24 июля.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
34. С. 143.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. С. 90.

Цит. по: *Петров Б. Н.* Как был оставлен Псков.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.
Выпуск 34. С. 153.

Там же. С. 162.

См.: *Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная армия 1938–1941. М.: Вече, 2003. С. 442. Работы Н. С. Черушева содержат много ценного фактического материала, но отличаются ярко выраженным «обвинительным уклоном» в адрес органов НКВД — зачастую автор стремится оправдать даже тех военных, что были осуждены за вполне реальные воинские преступления.

Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938–1941. С. 442–443.

Общее превосходство немецкой армии на Востоке над силами РККА в приграничных округах по количеству автомашин было четырехкратным — 600 тысяч против 150 тысяч. Даже с учетом того, что наибольшее количество моторизованных соединений имела группа армий «Центр», группа «Север» все равно была моторизована в два или три раза лучше, чем противостоящие ей советские войска.

во взаимодействии

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1957. С. 13–14.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1957. С. 41–42.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск
33. С. 44.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.
Выпуск 34. С. 176–178.